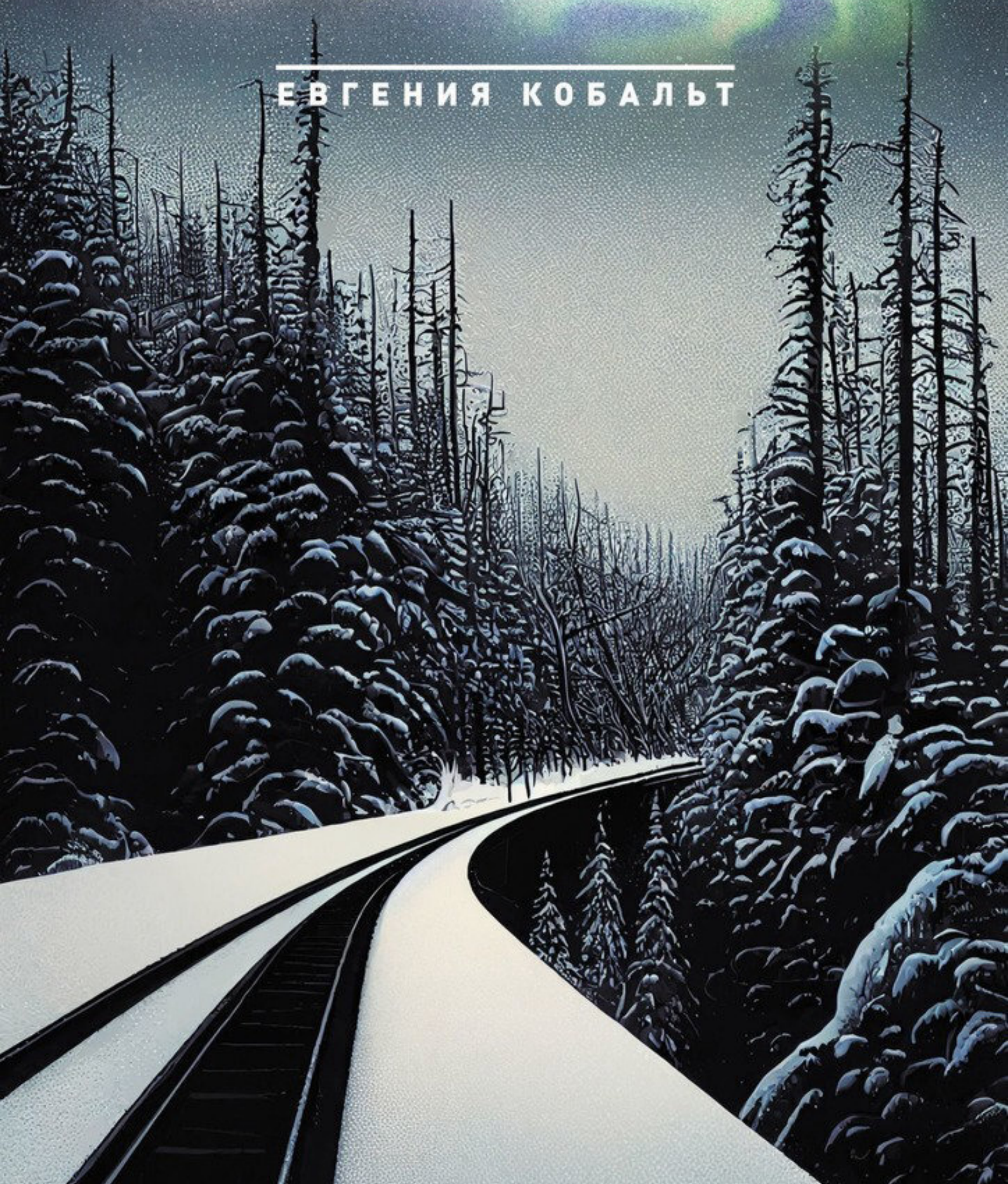

18+

ПРОИЗВОЛ

ЕВГЕНИЯ КОБАЛЬТ

Евгения Кобальт

Произвол

«Издательские решения»

Кобальт Е.

Произвол / Е. Кобальт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590390-7

1937 год. Дочь прокурора СССР Нина Адмиралова влюбляется в человека не из своего круга — Андрея Юровского. Однако отец выступает против их романа и заставляет дочь расстаться с возлюбленным. Спустя 12 лет Нина и Андрей снова встретятся, но уже при других обстоятельствах. Строительство Трансполярной магистрали. Политическая заключенная и начальник лагерей. Неужели от того Андрея, которого любила Нина, не осталось и следа? И как этот новый Юровский поступит с той, которая когда-то его отвергла? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-590390-7

© Кобальт Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	17
Глава 2	47
Глава 3	74
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Произвол

Евгения Кобальт

Корректор Анастасия Казакова

Дизайнер обложки Ведищева Мария

© Евгения Кобальт, 2022

© Ведищева Мария, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0059-0390-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Август 1937 года

– Нина Борисовна, он здесь.

«Он здесь», – тупо повторила я про себя. Раньше б подскочила и рванула навстречу, теперь же волновалась, терялась, медлила, старалась отсрочить неизбежную страшную минуту. А как хорошо просто дремать в тенистом саду и ни о чем не думать!

Я разлепила глаза и потянулась. Ноги смяли под собой мягкий вязаный плед, задев брошенную на полуслове книгу. Наверху в лучах солнца купались ветви яблонь, увенчанные пока еще маленькими, неспелыми плодами, чуть поодаль краснели кусты малины и смородины. Воздух будто бы застыл, его не тревожил ни единый порыв ветра, и время, казалось, остановилось, заглохло в послеобеденном забытьи. Подчас голосили спрятавшиеся среди зеленых листьев птицы. Ярко-голубое небо все еще было безоблачным, хотя к вечеру обещали дождь. Дремота отступала. В груди снова стало тесно, тяжело, тревога накатила с новой силой.

Я неохотно покосилась на мужчину в служебной форме. Это был наш комендант Красильников. Сдвинув золотистые брови, он из-под козырька красно-синей энкаведэшной фуражки буравил меня нетерпеливым, раздраженным взглядом. Носок его ботинка тихонько постукивал по земле, что действовало мне на нервы.

Капитан был очень бдительным, до тошноты педантичным типом. Он пристально следил за всем, что происходило здесь, на территории огромной усадьбы в селе Усово Московской области. Красильников буквально насквозь просвечивал глазами всякого почтальона, садовника и домработницу, даже немощного нищего, который как-то раз случайно забрел в окрестности имения и тарасился на высокие ворота. Никакой чужак не прошмыгнул бы на вверенную Красильникову территорию; никто из обслуги не посмел бы отлынивать от работы, пока он маячил поблизости. Иногда чудилось, что и погода не посмеет испортиться, если капитан руководит приготовлениями к вечернему приему. Все он держал под неусыпным контролем. Благодаря своей исполнительности Красильников и стал комендантом государственной дачи прокурора СССР Бориса Адмиралова, моего отца.

Держась за свой пост зубами и когтями, он с фанатичным рвением избегал малейшего беспокойства начальника и выворачивался в его угоду наизнанку, выслуживаясь и так и эдак, но кое-что все же ускользало из его цепких рук и нарушало безмятежную жизнь в усадьбе. К прокурорской дочке повадился приезжать ее приятель, и ничегошеньки капитан не мог с этим поделать.

История стара, как мир: девушка из состоятельной семьи влюбляется в парня из простой, что совершенно не устраивает ее отца. Как огорчали папу наши свидания! Как препятствовал он порывам наших сердец! Отец не выносил, когда «щенок» – он произносил это слово слегка морщась, будто готовился сплюнуть, – уводил дочь из-под родительского крыла. Поэтому в дни наших встреч он становился угрюм, а с ним мрачнел и его верный сторож.

– Он ждет, – напомнил комендант. – Передать, что вы не сможете принять его сегодня?

– Нет, я уже иду.

Я поднялась с пледа и поправила задрвшуюся выше колен юбку белого в мелкий цветок платья. Трава кольнула загорелые босые ноги. Красильников, никогда не церемонившийся ни с кем, кроме как с самим товарищем Адмираловым, и питавший тайную, но вместе с тем вполне ощутимую неприязнь к его взбалмошной дочурке, выразительно вздохнул. Проигнорировав его, я натянула туфли, выскочила за ворота дачи и стала спускаться по холму.

Тот самый «щенок», сообщив коменданту о своем прибытии, ушел на наше привычное место – к берегу реки. Он упер руки в боки и задрал голову, подставив лицо ярким солнечным

лучам. Грудь его тяжело вздымалась и резко опускалась. Да, сегодня было душно. К обеду жара совсем раскочегарилась, того и гляди солнце продавит, расплавит кожу; затруднялось дыхание, путались мысли, возникало желание сбегать из собственного раскаленного тела. Вот почему Андрей смотрел на искрившуюся Москву-реку – хотел стянуть футболку и броситься в спасительную прохладную воду.

Пока я шла к нему, вяло переставляя негнущиеся ноги, память (предательница!) откопала в своих глубинах день нашей первой встречи. Мы познакомились весной в Москве, на танцах в Доме культуры. Я плясала без усталости в окружении подружек и не заметила бы тихого парня в застегнутой на все пуговицы клетчатой рубашке, если бы тот не наблюдал за мной. Заинтересованный взгляд преследовал меня, куда бы я ни пошла, оставляя на спине ощущение неровного дыхания.

И хотя я явно чем-то пленила его, на танцплощадку он не выходил – общался в углу с приятелями, в чисто мужской компании. Видно, застенчив, сообразила я и дала ему несколько минут, расположившись на скамейке вдали от девочек. Подруги, кстати, выбора моего не одобрили. Скучный, правильный до неприличия, нерешительный – таков был их беспощадный разговор, бегло составленный по первому впечатлению. Девочкам больше приходилось по душе Никита Терентьев, кичливый, задиристый юноша, носивший модный твидовый костюмчик. Он был сыном директора кондитерской фабрики.

Но меня не покидало чувство, будто в клетчатом что-то есть, что-то такое, чего нет у пустышки Терентьева и никогда у него не будет. Я просидела на скамейке одна-одинешенька три танца подряд, словом ну очень долго, и все же парень так и не сподвигся подойти ко мне. Разиня! Он продолжал стоять среди своих, засунув руки в карманы брюк, да еще и трусливо отворачивался, когда я отвечала на его задумчивый взгляд своим вопросительным.

Он направился на улицу! Он уходил! Пришлось взять инициативу на себя. Я нырнула вслед за ним, пробираясь сквозь гудящую толпу.

– Прошу прощения! – крикнула ему.

Парень обернулся и, увидев меня, пришел в замешательство, аж потерял дар речи. Похоже, не привык, чтобы девушка делала первый шаг сама. За нашими спинами кружились пары. Я с удовлетворением отметила про себя, что вблизи он был еще более хорош собой. От него исходило какое-то уютное тепло, не имевшее ничего общего с температурой тела; в мужественных чертах угадывалась мягкость, а в сильных руках – нежность, и создавалось ощущение, будто мы знакомы сто, нет, тысячу лет, просто до сего дня не знали имен друг друга.

В отличие от этого тихони, я не привыкла телиться, поэтому быстро собралась с духом и расплылась в своей самой обезоруживающей улыбке. По крайней мере, я считала именно так.

– Вы прекрасно танцуете, я прямо-таки не могу вами налюбоваться, – выпалила я прежде, чем подумать. – Можно пригласить вас на медленный танец?

Молчал. Да с таким непроницаемым лицом, что я чуть не прыснула, но вовремя сдержала порыв смеха. Веселье сдала разве что подпрыгнувшая бровь. Уж не перепугала ли беднягу своим напором? Однажды в новогоднюю ночь я наспех поцеловала в губы сына папиного коллеги. Казалось бы, пустяк, праздничный угар, однако моя строгая матушка тогда чуть не лопнула от возмущения. «Воспитанные девушки не ведут себя столь вызывающе», – отчитывала она меня, трясая в воздухе указательным пальцем с заостренным ноготком.

Вдруг мой горе-поклонник подыграл. Выпрямившись, он насмешливо усмехнулся.

– Сожалею, все танцы у меня расписаны, – сказал он, и его глаза очаровательно засияли. – Но ради красивой дамы всегда можно найти свободную минуту.

После нескольких свиданий мы стали встречаться каждый день. Ему было 27, мне 18, и разница в возрасте нас обоих нисколько не смущала. Ему оставалось учиться в Московском

инженерно-строительном институте¹ им. В. В. Куйбышева год, у меня же с сентября только начиналась студенческая пора. Я хотела поступить в Московский институт изобразительных искусств², но папа настоял на том, чтобы я выбрала филологический факультет МГУ.

Нас не останавливали ни проливные дожди, ни слякоть, ни испепеляющая жара, ни его учеба в вузе, ни моя подготовка к вступительным экзаменам. Мы гуляли по городу, ели мороженое в кафетерии, перебирали друг другу пальчики в кинотеатре, катались на колесе обозрения в парке Горького, ходили в цирк и на концерты. Даже в самые загруженные дни мы вырывали хотя бы полчаса. Могли пересечься на переменах между лекциями, могли свидеться, пока я с нашей экономкой Марией ходила по магазинам.

Мария занимала особое место в семье Адмираловых. Официально она числилась в НКВД, формально – ведала хозяйством у прокурора. На самом же деле она была отцовой любовницей. Почти сразу после смерти мамы от почечной недостаточности Мария начала жить с нами. С тех пор прошло три года.

Стыдно признаться, но сначала я не принимала ее как члена своей семьи. Пришла, видите ли, устроилась, как дома! Я сердилась на папу, что он нашел себе новую женщину, к тому же так скоро, запросто, словно сменил одну рубашку на другую. И втихомолку ждала, когда Мария осмелится заявить о правах хозяйки дома. Мне было что ей ответить.

Мария же оказалась куда мудрее, чем я предполагала. Она придерживалась оборонительной, а не наступательной стратегии. Мой крутой нрав споткнулся о ее кротость и кубарем полетел ко всем чертям. Мария не претендовала ни на мою любовь, ни на любовь отца; ни на что она, собственно, не претендовала, зато именно своей ненавязчивостью и простодушностью привязала нас к себе. Она была на 20 лет младше Адмиралова и годилась мне разве что в старшие сестры, и тем не менее однажды я поймала себя на мысли: мало того, что Мария вернула живой блеск глазам отца, который потух после похорон, так она и во многом заменила мне ушедшую мать. Тихой сапой она пробралась туда, где я собиралась встречать ее со штыками, и уселась на пустующее, но все-таки не выброшенное на свалку место.

Мария охотно покрывала меня. Это была ее затея: говорить папе, будто мы вдвоем уходим на прогулку. Тот радовался, что его пассия подружилась с дочерью – намерения у него, как выяснилось, были самыми серьезными, – я же могла повидаться с Андреем без лишних допросов. Отец не поощрял любовных интрижек, потому что учеба, в его разумении, должна быть у девушки на первом месте, а «мальчишки лишь дурманят мозги и отвлекают от уроков». Только Мария понимала меня. Лезть в семейные дразги и спорить с Адмираловым по поводу его дочери она не решалась, зато на помощь не скупилась. От маленькой аферы выиграла и сама Мария. Во время наших свиданий она помогала больной матери по дому.

Летом Адмираловы слиняли из душной столицы на дачу, и вместо того чтобы придумать новые объяснения участившимся отлучкам, я прекратила скрывать своего друга. Пусть, рассудила я, отец мирится с моей влюбленностью. Улучив момент, я привела Андрея к нам на послеобеденный чай. Ну то есть я-то планировала на чай, а папа устроил настоящие смотрины.

– Откуда ты родом, мальчик? – спрашивал он холодно, сбив благодушный настрой Андрея одним этим обращением «мальчик». Спасибо, не «щенок». – Кто твои родители? Из рабочих? Что ж... Ну, а ты чего на завод не пошел? А, пошел все-таки? И чего не понравилось? Вон оно как... А где учишься-то? На кого? Живешь поди в общежитии, в комнатке человек на десять? И сколько сейчас стипендия? Сколько-сколько? Мы наемни Нинке вечернее платье покупали, вот оно столько и стоило, сколько у тебя стипендия... Неужто хватает? Ах, репетитором подрабатываешь? Курсовые другим пишешь? Ну, неплохо, на одного-то с горем

¹ Такое название носил Московский государственный строительный университет с 1933 по 1993 год.

² С 1948 года этот вуз носит название Московский государственный академический художественный институт им. В. И. Сурикова.

пополам, пожалуй, хватит... А я слышал, студенты после лекций дворы метут. Ах, приходилось все-таки в первый год?..

Вопрос – ответ, вопрос – ответ, как на допросе. Мы с Марией пытались сменить тему, но отец продолжал упрямо прощупывать моего избранника. Чем дольше Андрей рассказывал о себе, тем менее вежлив был с ним папа. Он все больше и больше разочаровывался в молодом человеке, о чем не преминул сообщить недовольным подергиванием бровей. Атмосфера накалялась.

Вскоре наш гость перестал стараться и замолк. Папа громко прочистил горло, подчеркнув водворившееся безмолвие. Так они и сидели друг напротив друга – хмурые, ожесточенные, будто бы покрытые острыми шипами. Залпом допив остывший чай, Мария увела отца под предлогом прогулки по саду, и тот, буркнув что-то вроде «Пошли, здесь нам точно делать нечего», преисполненный важности, удалился. Тогда я увидела, что под столом у Андрея трясутся сжатые в кулаки руки. Более я не предпринимала попыток сблизить их – верила, что со временем они как-нибудь найдут общий язык.

Вопреки надеждам моего родителя, в Усове наш с Андреем роман не то что не поутих, он разгорелся с новой силой. Между подработками Андрей звонил мне по таксофону, а потом в назначенный час приезжал в Усово. Бесцельно бродя вдоль побережья Москвы-реки, мы обнаружили старую лодку с потрескавшейся, местами пузырящейся голубой краской. Лодка эта не первый год одиноко валялась на песчаном пляже и, вероятно, была рада послужить еще немного, прежде чем полностью сгнить, вот мы и стали использовать ее для своих нужд. Андрей хватал весла и греб к другому берегу, туда, где не было снующих под каждым кустом охранников и вообще не ходили люди.

Причалив, мы устраивались в тени деревьев. Мы расстилали на земле газеты, страницы которых тщетно взывали к нам с возмущением о троцкистах на службе фашистских разведок, об эсерах, «кровавых дел мастерах, душителях трудящихся, бандитах и шпионах» и о политической беспечности в подборе кадров внутри партийных организаций, с гордостью – о сборе богатого урожая в восточных районах, росте реальной заработной платы, хлебозаготовках и выполнении плана угледобычи. Но на газетах было тесно и неудобно, и я стала брать с собой плед. Он у меня был особенный – плотный, ворсистый, с голубо-фиолетовым северным орнаментом. Его папе подарил старый приятель, служивший капитаном парохода на реке Лене. Такой плед скорее подходил для зимних вечеров у камина, нежели для летнего пикника на природе, но он мне нравился, и Андрею тоже. В корзинке у нас был собран легкий перекус, в сумках лежали купальные костюмы и полотенца.

В Усове и его окрестностях мы провели много упоительных часов. Мы болтали, плавали, дремали, обедали, вместе читали и строили будущее. Пока я рисовала карандашом портрет своего возлюбленного, он говорил мне, что горячо поддерживает индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства. Андрей состоял в ВЛКСМ и через год собирался подавать на вступление в партию. Ему не терпелось начать работать на благо государства. Он рассказывал, как будет возводить крупные города в таежной глуши, где не ступала нога человека: с длинными освещенными проспектами и гранитными набережными, парками и площадями, школами, детсадами, больницами и ресторанами с кафе; он расписывал все в подробностях: как откроет трамвайную линию и аэропорт, как проведет в эту свою глушь железную дорогу. Андрей мечтал соединять отдаленные края страны с ее сердцем – Москвой, представлял, как поезда, стуча по рельсам, будут днем и ночью циркулировать по всему нашему необъятному государству, точно кровь – по живому организму. Он мечтал строить на века, осваивать неосвоенное, покорять природу, превращать Советский Союз из гигантской провинции с двумя белыми воронами – Москвой и Ленинградом – в страну с одинаково развитыми регионами, чтобы людям везде хорошо жилось. Так он понимал любовь к родине.

Здесь, в Усове, Андрей отважился на большее, чем просто поцелуй. Невзирая на свою внешнюю робость, он оказался неутомимым, азартным, непредсказуемым любовником; поощряемые друг другом, мы смелели, оба распускались, как цветки на солнце. Мир вокруг нас мог рассыпаться на крохотные осколки, а мы бы продолжали упиваться один другим. И хотя сравнивать мне было не с кем, я не сомневалась – Андрей такой один на миллион, а может, и один на целом свете. Он любил меня в заброшенной избушке, которую мы нашли в чаще, в той самой дряхлой лодке, на мелководье, в ливень, спросонья, он прижимал меня спиной к стволу дерева и придавливал животом на песок. Мы оба были молоды, привлекательны, полны энергии и страсти. Мы прожили в Усове крохотную жизнь, похожую на сказку.

Я подошла к берегу, притормозив в метре от Андрея. Лодка уже была готова к спуску на воду. Он повернул голову. На лице заиграла ласковая полуулыбка, сжавшая мне сердце. Андрей схватил меня за руки, притянул к себе и стал целовать, изредка отрываясь и опуская взгляд на мои влажные губы. Они его крайне волновали, мои четко очерченные губы. Меня же завораживали его глаза – красноречивые, живые, лучистые. Произведение искусства, а не глаза. Серые, холодного стального оттенка, они умели так обаятельно улыбаться, что для выражения эмоций совсем не нужна была мимика. Андрей не закрывал их во время поцелуя и смотрел прямо на меня: с нежностью, с жаром или с мальчишеским озорством, в зависимости от настроения и от обстановки.

Он по-кошачьи потерял о мою щеку носом и втянул нижнюю губу. Вряд ли неуклюжее движение, которое я вымучила из себя в ответ, можно было назвать взаимностью... Я ведь никогда не скупилась на ласку, тем более после разлуки, поэтому сейчас выглядела неестественно холодно. Жалась и жалась, будто вместо настоящей Нины Адмираловой пылкому любовнику подсунули куклу; а куклы что, они хлопают игрушечными веками, и только.

Как хотелось кинуться к нему, повиснуть на широких плечах! Как хотелось прильнуть к его губам – пламенно, бесстыдно, многообещающе!

Не сдаваясь, Андрей пощекотал мой подбородок и кончик носа. И он был вознагражден за усердия. Сколько я ни одергивала себя, а не сдержала по-девичьи глупую счастливую улыбку.

– Ну что ты как не родная, – уговаривал он бархатистым голосом.

Легкий взмах рук – и я пушинкой взмыла в воздух. Придерживая меня под мышки, Андрей потянулся ртом к шее. Под моими пальцами перекачивались его мышцы, колени уперлись в плоский живот. Мысли немедленно съехали с нужной колеи.

– Пусти! – взвизгнула я, вырываясь.

К горлу подступила тошнота – неизменная спутница страха. Юровский осторожно поставил меня обратно на землю.

– Сейчас уплывем туда, где нас никто не увидит, – шепнул он мне, полагая, что я стесняюсь посторонних глаз. Какой вздор! Не было вокруг нас никого. Да и я не из стеснительных...

Нет, он не унимался, он снова прижал к себе. Мужские ладони поползли по телу. Я не знала, куда деть руки – не обнимать же его, – так что те неподвижно повисли в воздухе. Кукла, не иначе!

– Не могу, – скороговоркой проговорила я, зажмурившись.

Подождав с пару секунд, приоткрыла один глаз. Андрей склонился и коснулся своим лбом моего. Взгляд его был пытливым, озабоченным, но до сих пор блаженным. Когда он осознал, что я расстроена, по-настоящему расстроена, полуулыбка исчезла.

– Не можешь? Планы поменялись?

– Вроде того, – неоднозначно покачала я головой.

– Из-за этого ты так раскисла? – позабавился Андрей. – Ладно тебе сопли распускать! Встретимся в другой раз. Как насчет завтра?

Он никогда не унывал по пустяковым поводам и почти во всем умел находить плюсы. Как у него это получалось, я не имела ни малейшего понятия. Надо отменить долгожданное сви-

дание? Перетерпим, зато сильнее соскучимся друг по другу! Забыла зонт перед ливнем? Как приятно вымокнуть под теплым летним дождем! Разодрала коленку в кровь? С кем не бывает! Разбила тарелку? Да и пес с ней!

Я же, признаться, как-то надулась, что он долго не ехал...

– Пожалуйста, отойди, – попросила я, пихнув его в грудь.

Андрей сделал шаг назад и оперся спиной о толстый ствол старого, возможно векового, дуба. Тошнота моя усилилась. Он повел головой вбок и сощурился – как и всегда, когда чего-то не понимал.

– Что стряслось, Нин?

Я закусила губу и переступила с ноги на ногу. Почуввав неладное, Андрей сложил руки на груди.

– Мы больше не можем быть вместе, – сказала я.

Молчание. Секунда, две, три.

– С такими, как я, только гуляют, но не женятся? – иронично вскинул брови Андрей.

Он шутил! Невероятно, он шутил! Я крикнула от неожиданности и против воли рассмеялась над его неуместным дурачеством. Он тоже заулыбался. «Разве так бросают любимых?» – пожурела я себя, натянув строгую гримасу.

– Андрей, я серьезно.

– Ну, давай серьезно, – глубоко вздохнул он. Хитрые огоньки в серых глазах погасли. – Почему ты хочешь расстаться? Что не так?

– Все так! – уверила я с придыханием. – Просто... Просто у меня появился другой мужчина. Я выхожу замуж.

Вот он, самый тяжелый миг. Желая провалиться под землю или, на худой конец, юркнуть в чашу и сбежать, я резко заинтересовалась фиолетовыми цветами возле своих ног. Как их там, аквилегии, что ли...

– Тебя отец принуждает к браку? – спросил Андрей утвердительно, словно ему был известен ответ на свой вопрос.

Я не винила его за враждебность в голосе. Папа выступал против нашего романа, не попробовав приглядеться к моему избраннику, не попробовав после того злополучного чая обменяться с ним и парой дежурных реплик!

Набравшись храбрости, я посмотрела на Андрея. И оторопела от... нет, не от перемены в его лице, а от полного ее отсутствия. Он не подавал никаких признаков смятения – наоборот, был само хладнокровие. Эта его каменная маска сбила меня с толку.

– Папа тут ни при чем. Я выйду замуж добровольно.

Нужно выразить воодушевление грядущей свадьбой, чтобы Андрей принял ложь за чистую монету. Ну побудь ты чуток артисткой, Нина!

– Недавно он гостил у нас на даче, – запинаясь, стала рассказывать я. – Мы сразу понравились друг другу... Начали проводить вместе время... Потом он сделал предложение...

В горле пересохло, я сглотнула. Вообще-то, я репетировала объяснения много раз, но заученный монолог вылетел из дырявой головы. Канули в Лету обходительные фразы, отполированные до блеска; улетучились сопутствующие сожаления. Осталась голая, гадкая суть.

– Прости, что не сказала тебе раньше, – потупилась я.

Андрей задумчиво кивнул и провел ладонью по коротким черным волосам. Ни обиды, ни упрека. Он вообще отдает себе отчет, что происходит?

– Нина, ты не обязана беспрекословно слушаться отца, – стоял он на своем, пропустив мою недоречь мимо ушей. Дыхание у него участилось. – Особенно в вопросах личной жизни. Тебе с мужем всю жизнь жить. Тебе, не отцу, понимаешь? Нельзя соглашаться на брак, если ты не обдумала решение, если не знаешь, что он за человек, этот твой жених.

– Я все обдумала, поверь, – настаивала я тоже, хотя была с ним полностью согласна. – Честно, никто не выдает меня замуж насильно.

Он опять кивнул. Мы не двигались, однако расстояние между нами скоропостижно увеличивалось, образовывая пропасть, через которую уже никогда нельзя будет протянуть мост. И что, и это все? Где истерика, к которой я готовилась? Уговоры, мольбы, злость на меня, на папу, на конкурента, на судьбу? Почему он так равнодушен?

– Кто жених? – заинтересовался почему-то Андрей.

Я скривилась от разочарования. Щеки загорели огнем, покрываясь пунцовым румянцем. Я воображала наш разрыв трое суток и придумала не менее тысячи ответов на вопросы, которые Андрей мог бы задать. «Почему не я?» «Неужели ты меня больше не любишь?» «Все дело в предложении, не так ли?» «Выходит, если предложу руку и сердце я, ты за меня пойдешь?» Вот какие вопросы должны были прозвучать. И я была к ним готова, я была подкована. Только какая, к черту, разница, кто жених?

– Его зовут Сергей Загорский, – нехотя промолвила я. – Он помощник секретаря Экономсовета. Милый, веселый, все время привозит какие-нибудь подарки. Правда, он старше меня почти на пятнадцать лет, ну да разве это преграда? У нас и с тобой есть какая-то там разница в возрасте. Все это пустяки! Не бери в голову.

Пока Андрей слушал меня, то смотрел куда-то в сторону – на реку, в траву, на парящего в небе огромного ворона. Возможно, он и не слушал вовсе, раз ни единый мускул на его лице не дрогнул. Он был так красив с этими его добрыми, слегка грустными глазами, с этими его ямочками на щеках и стройным телом!

Несколько минут мы оба гадали, как попрощаться, как поставить точку. А пока в тишине громко пели птицы, шелестели деревья, стрекотали кузнечики. Дунул ветер, и подол платья в цветочек стал хлопать о мои икры. Волны с тихим плеском ударились о берег.

«За считанные месяцы мы стали друг другу самыми близкими на свете, – поражалась я, остекленев. В ушах у меня стучало. – И вот расстанемся безэмоционально, неловко, как дальние родственники, которые видятся раз в год».

Я могла бы предложить ему дружбу. Моя подруга Ася говорила, так часто поступают, когда отказывают поклонникам. Но я боялась, что он согласится. Боялась, что однажды окликнет на улице, наберет наш домашний номер, чтобы справиться о делах, пригласит на ни к чему не обязывающую прогулку или, чего доброго, сообщит мне о своей женитьбе.

– Значит, ты уверена?.. – смиренно переспросил Андрей, и я остро почувствовала приближение финала. Это когда внезапно обваливается тоска и, засыпав тебя с горкой, душит своей тяжестью.

– Да, – отозвалась одними губами.

Андрей засунул руки в карманы брюк. Я едва не бросилась к нему на шею, умоляя забыть ту чепуху, которую только что нагородила, но в последнюю долю секунды удержалась от прыжка через бездну. Поздно – противоположный берег был слишком далеко.

– Прощай, Нина, – сказал Андрей отрешенно.

Он напоследок внимательно изучил меня, словно хотел сохранить образ в памяти. Взор его задержался на моих темно-карих глазах, круглых щеках и женственно очерченных губах, затем поплыл по телу. Я была высокой, слишком высокой для девушки, и порой комплексовала из-за своего роста, чувствуя, что молодым людям не по себе, когда они глядят спутнице в подбородок; Андрея же моя высота никогда не смущала – почти двухметровый парень возвышался надо мной на полголовы и наслаждался нашим «равенством». Ему гигантизм всегда был на руку. Мало кто из соседских мальчишек и однокашников решался бросить вызов столь массивному ребенку.

Он все смотрел на меня, думая о своем; он будто трогал меня глазами. Я обхватила себя руками в необъяснимом порыве укрыться.

– Прости, – пролепетала я.

Он не проронил ни звука.

Опустошенная, разбитая, ограбленная, я пошла домой, медленно поднимаясь по холму. Я не оборачивалась. Добралась до ворот спрятанной в чаще дачи и закрыла за собой калитку.

Куря папиросу «Герцеговина Флор» и вальяжно развалившись в плетеном садовом кресле, на террасе поджидал отец. Его густые черные волосы сегодня волнились из-за прошедшего ночью ливня. В шевелюре поблескивала седина, хоть Мария и старалась зачесать ее так, чтобы серебристых волосков не было видно. Золотистое лицо, как обычно, было чисто выбрито, холщовые брюки и хлопковая рубашка безукоризненно выглажены.

– Кончено, наконец? – спросил папа с облегчением, словно весь день таскал тяжелые бревна и вот скинул с плеч последнее.

– Ты выполнишь свою часть уговора? – проскрипела я осипшим голосом. – Не натравишь на Андрея чекистов?

Отец нахмурился, не одоббив моих формулировок, – притворился, будто бы уговор звучал иначе. Он переложил пачку, выпустил изо рта табачный дым и прочистил горло, поерзал в кресле, усевшись поудобнее. В общем, всячески выкраивал время на размышления, растягивал паузу.

– Разрешите, товарищ генерал-майор!.. – козырнув, протрубил капитан Красильников, появившийся из дома.

– Не сейчас, – махнул рукой папа, и комендант немедленно ушел.

– Ты оставишь его в покое?! – вспыхнула я, перейдя на крик. Нервы у меня расшалились мама не горюй.

– Разумеется, если щенок больше не подойдет к тебе, мне не нужно будет принимать вынужденных мер, – спокойно пробасил он, выделив слово «вынужденных».

Я прокручивала в мыслях разрыв с Андреем – снова, снова и снова. Воспоминания плясали, то бледнея, то проступая в моем сознании яркими красками. Я будто бы смотрела кино, хаотично перещелкивая сцены, и единственное, что неизменно оставалось на экране, – каменное лицо, не выражающее ровным счетом никаких эмоций. Слова, жесты, мимика мелькали, сменяли друг друга, а на заднем плане тем временем полупрозрачным призраком парила эта жуткая, незнакомая мне отстраненная маска.

– Пускай живет своей жизнью и не вторгается в твою, – добавил папа.

Меня трясло. «Почему резкое расставание не насторожило его? – недоумевала я. – Ведь на прошлой неделе мы лежали в обнимку и грезили о нашем будущем домике на берегу реки. Почему он не пытался отговорить меня? Почему не упирался, не боролся за ту, что любил?»

– Я действую для твоего же блага, Нина, – убеждал отец. – Просто тебе пока трудно в это поверить...

«Почему он сдался? Почему так быстро?»

– Видишь ли, первая любовь – импульсивная, страстная, но до смешного слепая, – философствовал папа, выводя меня из себя своим поучительным тоном. – Много позже, спустя не один и не два года, ты поймешь, что ваши отношения зашли бы в тупик.

«Может, ему не больно-то и хотелось бороться? – похолодела я. – Неужели папа был прав и Андрей гонялся за прокурорской дочкой, а не за мной самой? Да ну нет, что за глупости!»

– Сейчас, в силу юного возраста, ты неспособна распознать его истинные качества. Ты не умеешь рассуждать рационально, дальновидно, перестав руководствоваться чувствами и полагаясь исключительно на здравый смысл. Это нормально, я тоже таким был в восемнадцать лет.

«Я бы не сдерживалась, узнай о том, что Андрей променял меня на другую, – продолжала я меж тем свою внутреннюю тираду. – Да какую, к чертовой матери, другую? Другая девушка смогла бы развеселить, ободрить, поддержать его, как я? Будет он с ней искренним и раскрепо-

щенным, как со мной? Она сумеет прочесть его желания по одному-единственному взгляду? Нет, нет, нет! Сто раз нет!»

– Разочарование первой любви никогда не забывается, – распинался снаружи папа, – но после сего горького опыта ты становишься мудрее и подходишь к выбору более осознанно.

«Только бы попытался брякнуть, что между нами все кончено! – визжала я про себя, раздуваясь от клокочущей истерики. – Взорвалась бы! Высказалась! Опрокинула его, доказала бы, кто на самом деле может сделать его счастливым!»

– Понимаю, милая, он был тебе дорог, – с тяжелым сердцем произнес отец. – Поначалу я не придавал значения вашей легкой интрижке, но вы несколько, как бы сказать... увлеклись. Нельзя было позволить вам увязнуть в бесперспективных отношениях. Да, не спорь, бесперспективных! Ни к чему хорошему они бы вас не привели. Не злись, что мне пришлось вмешаться. Не хватало еще, чтобы этот товарищ предложил тебе оформить брак! А вообще-то, на минуточку, время пришло!

«Ты опасался, как бы я не принесла в подоле, тогда бы свадьба стала неизбежной», – поправила я его про себя, но предпочла не повторять вслух. Не то разговор плавно перетек бы в другое русло – «правила поведения воспитанной девушки: что дозволено, что категорически воспрещается».

– Вы не одного поля ягоды, – подытожил папа.

– Вы с Марией тоже не одного поля ягоды, – вставила я тихо, чтобы она ненароком не услышала. Мне не хотелось ранить ее. – Она раньше мыла полы у тебя в кабинете.

– Я в другом положении, дочка.

«Возможно ли отказаться от любимой вот так безразлично? Вот так буднично? – ковыряла я кровоточащую рану. – Нет, невозможно! Получается, раз Андрея не тронул наш разрыв, я была влюблена одна? А он лишь игрался?»

Внутренности охватило жалящее чувство. Меня обманули, меня предали! Какой же мерзавец! Что за сукин сын! Я ведь бежать с ним собиралась!

– Если я правильно помню, он вышел из семьи заводских рабочих. Сам же, молодец – не могу не признать, – пошел дальше своих родителей и начал учиться, поступил в престижный вуз. Инженеры нам нужны, тем более сейчас, когда в стране запланированы масштабные стройки, но ты представь, каким мужем он тебе будет?

Я молчала, демонстрируя ему свой недовольный профиль.

– Я представлю сам, – нисколько не обиделся отец, свыкшийся с моим мятежным духом. – Вы поженитесь, ты родишь ему детей. Он выпустится из института и получит назначение на стройку. Заметь: первую из многих. И вот вы станете дружно переезжать вслед за ним туда, куда прикажет партия: хоть на юг, хоть на восток, хоть на Крайний Север. Вам придется подстраиваться под новые условия вместе с ним. – Родитель поднял вверх указательный палец. – Есть и другой вариант – если парень останется в Москве. Вы займете крохотную жилплощадь в муравейнике. Муж будет приносить домой жалкую зарплатишку, поэтому и ты отправишься добывать деньги. А как иначе-то, доченька, прокормить и одеть детей дорого стоит, вы же не будете рассчитывать на доброго папеньку? Век папеньки недолог, я, между прочим, уже не молод... Работа, стирка, уборка, готовка, воспитание – и так по кругу изо дня в день, пока ты не взвоешь от усталости! Ну что, готова? Хочешь стать частью обыкновенной, среднестатистической семьи? Учитывая, что сама росла, как во дворце? Вот и думай. Может щенок обеспечить тебе будущее, которого ты заслуживаешь?

– Бедность не порок, – выскочило у меня.

– Бедность не порок, зато та еще петля на шее, – подхватил он.

Я могла бы ему возразить, да незачем, это было бесполезно. Пока он что-то бухтел, лениво жестикулируя, я так и стояла, уставившись на мозаичную дорожку под туфлями и кое-как сдерживая горькие слезы.

– Нина, взгляни на себя! – вырвал меня отец из оцепенения.

И с прискорбием вздохнул, догадавшись, что я внимала ему вполуха. Пересилив раздражение, папа воззрился на меня ласково, как в детстве.

– Ты еще прекраснее своей матери, Нина. И красота – не единственное твое достоинство. Чтобы составить выгодную партию, ты получала передовое образование, музицировала, рисовала, занималась спортом. Ты хороша почти во всем, за что берешься, и я горжусь тобой. Не отдам в руки мужчине, который погубит то, что мы с матерью возвращали в тебе годами, мужчине, который для тебя, скажем так, маловат.

– А какой не будет маловат? – услышала я собственный слабый голос.

– Тот, кого ждет блестящая карьера, – охотно перечислял папа, – у кого безупречная репутация, много связей и возможностей. Мужчина должен твердо стоять на ногах, чтобы с ним было надежно. Я не смогу всегда быть рядом с тобой, дочка, поэтому собираюсь оставить тебя за прочной стеной. Если ты шибко печешься о любви, поверь мне на слово: для крепкого брака недостаточно одних чувств, порой они появляются и вовсе спустя годы после свадьбы. Верно говорят: стерпится – слюбится. Видит бог, этот разговор должна была вести твоя мать, у нее бы, чай, вышло поделикатнее, но ты уж не суди меня строго...

«Возможно, есть в его словах доля правды, – задребезжал у меня в глубине огонек того здравого смысла, к которому взывал отец. – Папа родился в крестьянской семье, ребенком застал голод, горбатился в поле, а сегодня он – один из самых влиятельных в стране людей. Он построил сам себя. Такой человек не даст вредного совета. Он старше, он умнее, он знает, о чем говорит, и пытается защитить меня, уберечь от ошибки».

Отец закинул ногу на ногу и налил себе в стакан прохладный лимонад, который Мария делала ему к полудню каждый день.

– И все-таки присмотришься повнимательнее к Загорскому, – предложил папа как бы невзначай. – Он не столь плох, как ты привыкла думать. Ну, согласен, излишне деловой, заискивает перед начальством. Да только именно такие прихвостни и пробиваются, девочка. Таких-то руководство жалует, лелеет, поднимает вверх. Сергей крайне тобой интересуется. Смени гнев на милость и побеседуй с ним.

Я припомнила невзрачного мужчину, который восхищенно аплодировал выступившему с речью члену Политбюро – этому фальшивому, скользкому старичку Пронину, сверкающему сальными глазенками, – и ходил за Адмираловым хвостиком, как преданная собака. Ни за что!

– Он толковый товарищ. Быстро позабудешь этого мальчишку.

Отец поставил пустой стакан, затушил вторую выкуренную папиросу и медленно поднялся с кресла, опершись обеими руками на подлокотники. Нотации, стало быть, окончены. Он вразвалочку направился к главному входу в дом.

Во второй половине дня на госдачу доставляли телят, фазанов, барашков или индюшек, выращенных в специальных питомниках. Папа проверял свежесть и качество мяса самостоятельно. Он никому не доверял осмотр тушек – ни Красильникову, ни Марии, ни повару. Очень уж серьезно относился к тому, что ел. Издалека донеслось его бормотание и бойкое «Здравствуйте, Борис Владимирович!» шофера грузовика.

На небе начали сгущаться тучи, как и предвещали синоптики.

Я безучастно наблюдала, как Анфиса, одна из наших домработниц, вышла на террасу, чтобы прибрать столик и вытрясти пепельницу. Ее чепчик и фартук ослепляли белизной, из светлого пучка на макушке не выбилось ни единого непослушного волоска, а руки, несмотря на каждодневный физический труд, выглядели такими же ухоженными, как и мои. Анфиса не поднимала на меня взгляда и работала, сохраняя вежливую улыбку.

Спустя месяц Бориса Адмиралова обвинили в создании внутри прокуратуры контрреволюционной заговорщической организации и арестовали. Дачу в Усове и квартиру в Большом Гнездниковском переулке обыскали, перевернув мебель вверх дном, разворотив папин

кабинет, выпотрошив содержимое ящиков, перелистав каждую страничку каждой книги в библиотеке. На черед допросов чекисты, которые недавно гостили на нашей даче и лебезили, обхаживая ее хозяина, заставляли папу подписать показания против себя самого. И хотя отец отрицал вину, и хотя подлинных следов заговора так и не удалось обнаружить, в ноябре его расстреляли на полигоне «Коммунарка».

Глава 1

Июнь 1949 года

Я сидела на низком пуфике и со скукой рассматривала платье, висевшее на ручке шкафа. Оно было сшито из плотной коричневой ткани в белую крапинку. Юбка-клеш должна была строго прикрывать колени, шелковый пояс – туго схватывать талию. На груди вырез лодочкой. Элегантно, стильно и деловито – то, что нужно для изысканного ужина в компании начальника мужа. А не для поездки за город в знойный день.

– Дорогая, это платье подойдет гораздо лучше, – упорствовал супруг. – Примерь. Увидишь, как тебе идет.

Я проводила грустным взглядом короткое хлопковое платье в бело-зеленую полоску, которое он спрятал в недрах шкафа, и послушно взяла вешалку с коричневым в крапинку. В защиту мужа отмечу, что обычно он не копался в женской половине гардероба и полностью полагался на мой вкус. Но все менялось, когда дело доходило до важного приема. Тут уж ничего не попишешь – иди и подавай наряд на утверждение. Одежду мы подбирали очень скрупулезно, в зависимости от обстановки. Например, в гостях у генерал-лейтенанта Большегубского нельзя было носить декольте и укороченные до колен юбки – его жена презирала в женщинах любой намек на откровенность и не упускала возможности нарочито громко посетовать на падение нравов; впрочем, каждая из дам, которую Большегубская пыталась устыдить, понимала, что стареющая генеральша просто ревновала мужа к молодым красавицам. В доме Еремеева, замминистра здравоохранения, наоборот, осуждалась излишняя чопорность, особенно среди девушек в самом что ни на есть соку. Закрытые наглухо, от шеи до пят, платья якобы вызвали у Еремеева ассоциации с неприемлемой в советском обществе буржуазностью. Удобная отговорка, чтобы бессовестно тарашиться на полубогаженных женщин.

Замужем я 10 лет. За этот срок можно научиться безошибочно распознавать настроение супруга. Вот он неопределенно качает головой – значит, готов сдаться, нужно только маленько поднажать; если же он понизил голос и поджал губы, значит, штурм крепости бесполезен.

Считав его красноречивые сигналы, я сложила оружие. Раз выбор мужа пал на коричневое в крапинку и рот при этом сложился в тонкую ниточку, выходит, он снова хочет произвести впечатление на своих коллег и приятелей, которые собирались сегодня на загородной даче. Иначе к чему сей маскарад?

Я прикинула, через сколько минут после выхода на жару взмокну в этом орудии пыток – примерно через одну, – однако послушно начала переодеваться. Узкие бретельки домашнего платья скользнули с плеч. Муж вскочил с кресла, точно ошпаренный.

– Тебе в дорогу понадобится еще одна сумка, верно? Я принесу, – сказал он и опрометью выбежал из комнаты.

И так каждый раз, кисло подумала я. Каждый раз он удирал, когда я раздевалась. Одиннадцать месяцев, если мне не изменяет память? Да, почти год, как мы не были близки. Хотя до сих пор спали в одной постели, поддерживая иллюзию благополучной семейной жизни.

Мы с Сергеем Загорским встретились спустя два года после расстрела отца, когда я уже забыла, кто он и как он выглядит. Опала Адмираловых очень больно ударила по мне. Помимо второго родителя, я потеряла имущество, все папины сбережения, перспективы на будущее и расположение наших влиятельных друзей. Смерть отца и падение с высоты в низину стало тяжелым испытанием для моего незрелого, эгоистичного ума. Я не умела заботиться о самой себе, зарабатывать на хлеб и пробивать себе дорогу в жизнь. Дрожа в отчаянии, зачашая от скорби, я устремилась к соседям, к нашим любезным, открытым всем и вся соседям, они же опускали глаза, говорили что-то о ремонте или скором отъезде, приносили свои извинения

и поспешно хлопали дверью. Убитая горем Мария предложила мне пожить вместе с ней, но я отказалась – не посмела я вешаться ей на шею, когда на ее шее уже висела больная, возможно умирающая, мать. Через два месяца после отца арестовали и саму Марию.

И лишь одна из моих знакомых в Усове, старая брюзга Ольга Петровна, прежде не упускавшая случая поучить меня уму-разуму, поворчать попусту или просто каркнуть так, чтобы заткнулась, – вот эта самая ненавистная мне Ольга Петровна раскрыла двери нараспашку и приняла меня, как родную дочь. Она дала мне пообвыкнуться, переварить потрясшие меня вести, а затем мягко подтолкнула к самостоятельной жизни, как выпускают из клетки оправившегося после перелома лапы дикого зверя. Настала пора взять себя в руки и начать учиться.

Адмираловское дело погροхотало и минуло, словно штормовая туча. Я тогда, пребывая в наивном неведении, еще не понимала, что обязана своему спасению кому-то из папиных знакомых в НКВД, которые не смогли уберечь его, но позаботились хотя бы о его единственной дочери. Жизнь перевернула страницу и приступила к новой главе. Отныне прокурорская дочка снимала за гроши скрипучую раскладушку в убогой комнате, обманывая других жильцов дома, будто приходится хозяйке Ульяне Алексеевне племянницей, и, поскольку ей кровь из носу нужно было раздобыть деньги на еду и койко-место, она начала искать приличную работу. Но приличная работа не желала искать прокурорскую дочку, так что ей пришлось устроиться почтальоном. О какой изнурительный, монотонный труд! Сколько сил он высосал из меня, заменяя энергию и творческие порывы унылой пустотой! Долго не протяну, ни за что не протяну, повторяла я из раза в раз, заталкивая письмо в отверстие почтового ящика, и промозглый ветер добивал меня, кусая под изношенным пальто. Дома было не многим лучше: раскладушка моя стояла в крохотном закутке, отделенном от остальной комнаты шкафом, и по ночам я слушала, как Ульяна Алексеевна разговаривает сама с собой во сне либо пьет водку на пару с соседкой Тамарой Дмитриевной. Вообще, хозяйка у меня была женщиной пьющей.

Но месяцы шли, и я, поднаторев, смирилась. Механизм мой заработал слаженно. Днем я училась, вечером разносила почту, и все как-то само собой образовалось. Впереди замаячили прежние мечты и планы, просто теперь для их достижения надо было приложить больше усилий, чем прежде, под уютным кровом родительского дома.

Я тащила по сумеречной Покровке со своей огромной сумкой, набитой конвертами, и вяло озиралась по сторонам. Придерживая солидный кожаный портфель, Загорский шел мне навстречу.

– Нина! Вы ли это! – воскликнул он, приподняв каракулевую шапку.

Я сухо отвечала на сыпавшиеся вопросы, полагая, что сыплются они из вежливости и что Сергей скоро распрощается да отправится по своим делам. Но прощаться он не торопился. Загорский живо интересовался тем, чем я занималась последние два года (он, как выяснилось, думал, будто я уехала к тетке в Минеральные Воды), выразил глубокие соболезнования по поводу кончины отца, слукавил, что я необыкновенно похорошела, и в конце концов широко, тепло улыбнулся, растопив мое всегда холодное к нему сердце.

«Он не столь плох, как ты привыкла думать», – раздался в голове назидательный голос отца. Припомнив папин совет, я присмотрелась к Сергею повнимательнее и уже не нашла того отталкивающего невзрачного человека, с которым общалась на даче. Стоявший передо мной мужчина был симпатичен, правда, среднего роста, до меня он чуть не доставал. Глаза желтоватые, кожа тонкая. Светло-русые волосы поредели, предвещая зальсину на макушке. Он был строен, точнее, жилист. Позже я узнала, что Загорский фанатично поддерживал физическую форму в спортивном зале и соблюдал жесткую диету, не позволяя себе излишков.

Сережа делал вид, будто ему неизвестно о перипетиях в моей жизни, он во что бы то ни стало оставался джентльменом и ухаживал за мной со всей присущей ему обходительностью. Мы ходили на балет, на оперу, в картинные галереи и рестораны. Вкусы наши в большинстве своем совпадали. Мы читали одни и те же книги, слушали одну и ту же музыку, смотрели одни

и те же фильмы, и создавалось впечатление, будто мы нашли друг в друге частичку себя самого. Я ощущала себя поистине влюбленной – то ли из-за внезапно открывшейся мне привлекательности и доброты Сережи, то ли из чувства благодарности за спасение от тяжелой работы и бедности, то ли из-за банальной потребности в друге, неясно, в любом случае, когда он спросил, хочу ли я выйти за него замуж, я чистосердечно сказала «да».

Первое время после свадьбы он был очень пылким. Сережа устраивал мне спонтанные романтические вечера, являлся домой с шикарными цветами без какого-либо повода, дарил украшения с драгоценными камнями и щедро сыпал комплиментами. Он мало пил, не курил, не кутил. Связи его были столь обширны, что найти знакомых можно было в любом городе и ведомстве; Загорский был со всеми учтив и доброжелателен, но тесно он ни с кем не дружил. Выходя из квартиры, я ловила на себе завистливые взгляды соседок, в сознании которых Загорский прочно укрепился в статусе «идеальный мужчина».

Поначалу он с нетерпением ждал ночи. В постели был очень нежным и последовательным. Мне это нравилось, а потом приелось. Так бывает, если секс становится обыкновенной процедурой в распорядке дня наряду с чисткой зубов и принятием душа, то есть если им нужно заниматься по определенной схеме, в определенных позах и в определенное время. Я пробовала соблазнить его вне нашего выверенного по минутам графика, раскрепостить, обернуть близость в игру; Сережа поддавался, но с ленцой, он смущенно покашливал и тушевался. Вскоре мне осточертело домогаться собственного мужа. Приставания сошли на нет, и через пару лет наша интимная жизнь превратилась в редкое выполнение супружеского долга. Тогда же я стерла пыль с глаз и разглядела недостатки супруга.

Говорил он быстро, скорее тараторил. Не ходил, а рысил. Он спешил всегда, даже во время обеда или чтения газеты, – терпеть не мог впустую потраченных минут. Пока я делала нехитрую утреннюю гимнастику, он успевал принять душ, побриться и одеться к завтраку. Когда я заканчивала первое блюдо, он откладывал нож с вилкой и вытирал рот. Пока я делала заказ портнихе, он мог съездить на работу, провести совещание, вернуться домой и разобрать кипу бумаг в кабинете.

Загорский имел дурную привычку пристально наблюдать за собеседником, уставившись ему прямо в глаза. Казалось бы, все так и поступают – смотрят на того, с кем разговаривают; но Сережа впивался, словно погружался в самые проникновенные мысли. Это смущало, а порой и вовсе раздражало. Я нашла выход из ситуации и просто отводила взор на первый попавшийся предмет интерьера.

Немного погодя я поняла, что и Сереже кое с чем в нашем браке приходилось мириться. Только в отличие от меня – особы прямолинейной – он скрывал недовольство, по крайней мере не заявлял о нем в открытую. Загорский не выносил вспыльчивости, а этого добра у меня хоть отбавляй. Упертый, взрывной характер слегка утихомирился с возрастом, но временами входил в кураж и показывал себя во всей красе. В такие моменты лицо мужа страдальчески искажалось и он старался как можно скорее ретироваться на работу или в спортивный зал – там чувствовал себя в безопасности, как под крышей в град. Меня же после долго мучили угрызения совести, не меньше, чем запойного пьяницу, который протрезвел и осознал, каких бед натворил во хмелю.

Зато по бытовым вопросам мы никогда не ссорились. Сережа пользовался услугой дома и не привлекал меня к домашним хлопотам.

Первый раз он упомянул о детях на годовщину свадьбы. С тех пор эта тема то и дело всплывала в разговоре: перед сном, за обедом или по дороге в гости. Я тоже хотела ребенка, но никак не могла забеременеть. Обеспокоенный муж предложил обратиться к врачу (доктора он выбрал лучшего из лучших) и выяснить, в чем проблема. А проблема действительно была. Впереди ждало долгое, болезненное лечение, но мы оба верили, что именитый врач сделает невозможное. Однако чуда не произошло. Страшный диагноз – бесплодие – окончательно

умертвил общую мечту. Загорские более не должны были выплачивать унижительный налог на бездетность³; когда люди узнавали о нашей проблеме, то немедленно строили мину, достойную скорбящей вдовы; и тем не менее все это были пустяки по сравнению с грядущими десятилетиями, лишенными родительского счастья.

В 1941 году Сережа получил должность заместителя заведующего секретариатом Совета народных комиссаров СССР и одновременно стал помощником уполномоченного Государственного комитета обороны по снабжению Красной армии Анастаса Микояна. В октябре, спасаясь от наступающих на Москву немецких войск, мы уехали в эвакуацию. Иностранцы, дипломаты, члены Политбюро и Комитета обороны, часть Правительства и труппа Большого театра прибыли спецпоездом в Куйбышев⁴. Туда же направились информационные агентства, Госплан, часть аппарата ЦК ВЛКСМ и многие другие учреждения. Уже в январе 1942 года мы вернулись в Москву.

Я тоже не осталась в стороне от войны и пошла работать медсестрой в Первую градскую больницу, где располагался госпиталь для тяжелораненых бойцов. Свой крест я несла через силу. Пока другие сестры вкладывали в уход за больными душу и, полные сострадания, тайком утирали слезы по какому-нибудь солдату с трогательной судьбой, я сдерживала тошноту при виде гниющего мяса и запаха крови с потом, уклонялась от смертельно раненных и чуть ли не ревела зверем на операциях. Но нет, я не жаловалась и не уходила. Куда моим капризам – до горя людей, которым повезло в тысячу раз меньше, которым нужно было хоть немного облегчить адские муки?

Сережа, о моем отвращении, разумеется, не ведавший, гордился успехами жены в больнице. Сблизившись с главным редактором «Правды», он попросил его упомянуть благородство и самоотверженность Нины Загорской в статье к Восьмому марта. Текст воспевал трудящихся женщин – фронтовиков, врачей, колхозниц, рабочих заводов, – и, конечно, главный редактор не проигнорировал просьбу важного человека, посвятив его супруге целых три предложения (на два больше, чем санинструктору, вытаскивавшей раненых с поля боя прямо под свистом пуль). «Героические дочери советского народа», – провозглашал заголовок той праздничной статьи. Муж вырезал ее, вставил в рамочку для фотографий и бережно хранил на столе в домашнем кабинете.

В 1944-м он получил трехкомнатную квартиру на пятом этаже дома на Берсеневской набережной. Как только не называли в народе это здание: «этап ГУЛАГа», «дом предварительного заключения», «братская могила», «кремлевский крематорий». Жуткую славу оно заработало в 1937—1938 годах, когда огромную часть жильцов, принадлежавших к верхушкам власти, расстреляли или репрессировали. И хотя с тех пор прошло много лет, страх все равно клубился в здешнем воздухе.

Я не сомневалась в том, что чекисты продолжали слушать разговоры и следить за квартирантами «дома предварительного заключения». Они могли притворяться консьержами, поварами, уборщиками. Да мало ли на что им хватит фантазии? А какие там были тонкие стены! Будто картонные! Нам не раз приходилось быть свидетелями чужих перебранок.

³ Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан ввели в СССР в 1941 году. Согласно закону, мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и замужние женщины от 20 до 45 лет, не имевшие детей, должны были отчислять 6% зарплаты государству. От уплаты налога освобождались люди, которые не могли завести ребенка по состоянию здоровья, а также те, чьи дети погибли, умерли или пропали без вести на фронте в годы войны.

⁴ Во время битвы за Москву Куйбышев стал резервной столицей СССР. Этот город находился в удалении от линии фронта, однако из него можно было всего за час долететь до Москвы и до передовой. Волга же служила естественной преградой для врага. Кроме того, Куйбышев являлся крупным железнодорожным узлом, он был связан с Уралом, Средней Азией, Сибирью и Дальним Востоком. Еще одной причиной, почему выбор пал именно на него, стало нежелание Сталина уезжать из европейской части страны на Урал. Впрочем, Сталин так и не приехал в Куйбышев. Он остался в Москве и лично выступал во время военного парада на Красной площади в честь 24-й годовщины Октябрьской революции. Линия фронта тогда проходила всего в нескольких десятках километров от советской столицы.

Сережа волновался, переезжая в знаменитый «крематорий», мне же было безразлично. Чтобы оказаться под следствием, необязательно жить в конкретном здании, не так ли? Ведь папу госдача не спасла?

Война закончилась, жизнь потихоньку возвращалась в привычное русло. Скрывая ликование, я сняла белый халат и уволилась из Первой градской больницы, а главный врач, утаивая сарказм, выразил мне свою глубочайшую признательность за неопенимый труд. Муж предложил пристроить меня в Московский горком партии, но я категорически отказалась. Это привело к нашему первому и единственному крупному скандалу, растянувшись на недели. Сережа настаивал, чтобы я делала карьеру в партии, а я не желала становиться частью существующей в нашей стране системы. Прикладывать руку к обожествлению вождя? Закрывать рты городским газетам, диктовать им, о чем им сообщать на своих страницах и в каком тоне? Отличать партийных от беспартийных, давить на последних и притеснять их? Кошмарить пары, которые решили разойтись, копаться в их грязном белье, ломать их судьбы, отказывая в разводе? И, конечно же, свидетельствовать против собственных коллег, которые угодили в клешни органов госбезопасности! Нет уж! Какую бы работу ни повесили на меня в горкоме, я не стала бы ее выполнять. Для меня это означало замарать руки.

После долгих уговоров, криков и взаимных укоров тема была закрыта. Я устроилась в книжное издательство и тем самым сохранила свою совесть чистой.

Загорский получил орден Ленина и должность заведующего секретариатом Совета Министров СССР. Нам предоставили квартиру четырьмя этажами выше. Да, передвижение по этажам дома происходило параллельно с передвижением по службе. Нынче мы видели из окон не трубы ТЭЦ, а Берсеневскую набережную с Москвой-рекой. Я завязала белый поясик на талии. Муж вернулся в комнату.

– Ты великолепна, – сказал он.

Сережа вытянул вперед руку, как бы приглашая меня пройти по комнате и продемонстрировать ему платье. Мои босые ноги беззвучно ступали по узкой ковровой дорожке, пока я направлялась к окну. Он не сводил глаз – только не с колышущейся юбки и не с выставленной вперед груди, а с узких загорелых щиколоток. Именно они обескуражили Сережу, когда он встретил меня в музыкальном зале госдачи Адмиралова. Полагаю, щиколотки были едва ли не единственным участком моего тела, который все еще вызывал в нем безграничный восторг.

Изображая дефиле манекенщицы, я вышагивала по гостиной, как по подиуму. Из-за бьющего в окна солнечного света ткань платья блестела; в завитых прядях, обрамлявших лицо, играли блики. Я дошла до столика, на котором стоял телевизор КВН-49⁵ с крохотным экраном и большой увеличительной линзой, и остановилась. Поворот тоже получился манерным: с прямой спиной, вытянутыми стопами и мягкой полуулыбкой.

Муж выпалил все пришедшие ему на ум комплименты, а лстец из него был недурной – умел умаслить любого. Засмеявшись, я перестала кривляться. Сережа подвел меня к напольному зеркалу и встал рядом, приобняв за талию. Он тоже оделся как на парад – в белую рубашку и безупречно скроенные темно-синие брюки. «Вспотеет вместе», – шутливо позлорадствовала я. Впрочем, возможно, и не очень шутливо. Этим вечером была намечена игра в теннис, и я надеялась, что хотя бы во время матча смогу отдышаться в легком теннисном костюме.

Когда сборы закончились, Сережа подхватил сумки и закрыл квартиру. На стоянке дома нас ждал служебный ЗИС-110 черного цвета. Муж бросил поклажу в багажник и кивком поприветствовал охранников, патрулировавших внутренний двор с собаками.

– Здравствуйте, Сергей Яковлевич, Нина Борисовна! – хором поздоровались служивые, преисполненные почтения.

⁵ Первый массовый советский телевизор. Выпускался в СССР в различных модификациях с 1949 по 1962 год.

Загорский завел автомобиль и выехал за ворота, отгораживавшие высотку⁶ от общественного пространства. Наплевав на прическу, я опустила стекло на дверце машины до упора и вдохнула свежий воздух. Мы понеслись прочь из Москвы в сторону Рублево-Успенского шоссе, в столь знакомом мне с детства направлении. Сердце трепетало, чувствуя близость Усова.

Спустя полтора часа мы прибыли в Жуковку и подкатили к воротам госдачи, принадлежавшей министру госбезопасности Михаилу Громову. Это была самая огромная усадьба из всех, что я когда-либо видела, а видела я, без преувеличения, немало. Она занимала около 20 гектар земли – немыслимую, необъятную площадь. В самом сердце территории располагался одноэтажный каменный дом сливочного цвета с зеленой крышей. Выполненный в стиле классицизм, с треугольным фронтоном, колоннадой, большими окнами и мраморной фасадной лестницей, он больше походил на дворянский особняк, нежели на дачу советского чиновника, разве что уступал тому в монументальности. Неподалеку от дома тихонько журчала вода в фонтане. Имение окружал зеленый парк, за которым ежедневно ухаживали многочисленные садовники. В оранжереях и парниках штат слуг выращивал овощи и фрукты; у маленького пруда, облагороженного вдоль берега разноцветной галькой, содержали фазанник и курятник; в погребе хранились коллекционные вина. Впечатленная размахом, я подумала: непрост должен быть этот Громов. Ох непрост!

Генерал-полковник обожал собирать у себя шумные компании, особенно летом – на свежем воздухе. У него гостили члены Политбюро, дипломаты, военачальники, эмвэдэшники, певицы, танцовщицы и актрисы, литераторы и музыканты. Порой Громов устраивал на даче показы новинок отечественного кинематографа – для этого у него имелся специальный зал с большим экраном. Бывало, в усадьбе проходили лошадиные скачки.

К госдаче поочередно заезжали автомобили, и приглашенным даже пришлось немного потомиться в пробке. Когда настал наш черед, Сережа проворно вырулил во внутренний двор и остановился. Мы вылезли наружу. Жара полыхнула мне в лицо, и я замахала рукой в тщетных попытках охладиться. Платье мигом стало тяжелым, непроницаемым, тесным.

Паренек в белых перчатках забрал у мужа ключи и сел на водительское кресло, чтобы припарковать машину.

Начало игры было запланировано на 17 часов; пока же гости отдыхали за белыми деревянными столиками, расставленными в тенистом саду. Мы приблизились к хозяину дачи. Он как раз закончил рассказывать какую-то уморительную, судя по громкому хохоту окружающих, историю.

– Товарищ Громов, день добрый, рад встрече! – поприветствовал Сережа.

Министр оторвался от собравшихся вокруг него чекистов. Он бегло изучил лицо мужа, вспоминая его имя, а затем протянул руку.

– Загорский, как же, как же, – отозвался Громов, крепко сжав ладонь Сережи. – Добро пожаловать.

«Черт, а слухи правдивы», – сделала для себя открытие я. Министр был чудо как хорош. Крепкого телосложения, с карими глазами, светлыми волосами, напоминавшими оттенком лен; курносый, пухлощекий. Лицо живое, приветливое, любопытное. Как-то сразу стало ясно, что он – редкого сорта кутила, игрок, непоправимый прожигатель жизни. Михаилу Абрамовичу на вид было около 45 лет, но годы разгула нисколько не изуродовали его, он оставался все так же красив, свеж и полон сил.

Громов поправил воротник серой гимнастерки и перевел взгляд на меня. Бровь его лениво изогнулась.

⁶ До 1952 года Дом на набережной считался самым высоким жилым зданием Москвы.

– Позвольте представить вам мою жену Нину, – тут же нашелся Сережа, положив ладонь мне на поясницу и мягко подтолкнув вперед.

О, выставлять меня было излишним. Взор генерал-полковника прошелся по мне, не упуская ни единой детали: ни обтянутой узким поясом талии, ни полутени на лице, брошенной соломенной шляпкой, ни выбившихся каштановых прядей, ни золотистого загара. От внимания не ускользнули и нежные руки с длинными пальцами, один из которых обхватывало золотое кольцо – точно такое же, как у Сережи.

– Очаровательно, – изрек Громов.

Вложив в следующий жест всю свою галантность, он склонился, взял мою руку и поцеловал тыльную сторону ладони. Прикосновение его губ было легчайшим, как дуновение бриза, и носило исключительно формальный характер, но воздействовало оно совершенно гипнотически. Что за дамский угодник! Мне резко стало еще жарче.

– Вы играете в теннис, мадам?

– Нечасто, – ответила я, восстанавливая дыхание, – но сегодня попробую снова взяться за ракетку.

В карих глазах мелькнуло одобрение. Сережа рассмеялся.

– Не слушайте ее, Михаил Абрамович: Нина великолепно играет в теннис, – произнес он с гордостью. – Она очень метко бьет. Если настроилась на победу, ее трудно обыграть.

– Вот как, – протянул министр с плутовской ухмылкой. – Я и сам азартен. Сыграете со мной партию, Нина?

– С удовольствием, – откликнулась я, опустив голову.

Громов хмыкнул и отпил из бокала воду с лимоном, мятой и льдом. Компания мужчин за его спиной расшумелась, ввязавшись в спор по поводу дальнейшей судьбы «Москвича»: один с пеной у рта доказывал, что годовые объемы продаж уже не смогут существенно вырасти, другие уверяли, что советские люди скоро оправятся после войны и тогда «Москвич» станет первым народным автомобилем, как оно и было задумано изначально. Громов отстраненно смотрел в свой бокал, но однозначно внимательно их слушал и отвлекся только тогда, когда из-за его спины вынырнула женщина. Она нежно тронула локоть Михаила Абрамовича и что-то шепнула ему на ухо.

– Познакомься, дорогая, – кивнув, сказал он ей, – Сергей Загорский с супругой Ниной. Товарищи, это моя драгоценная жена Антонина.

Громова снисходительно улыбнулась нам и моментально потеряла интерес, пропустив мимо ушей все слова после «познакомься». Она переключилась на более важные с ее точки зрения вещи – следила, насколько быстра и учтивая обслуга, подающая напитки, рассосалась ли пробка на въезде и приступили ли к сервировке обеденных столов. Нетрудно было догадаться, что ей давно осточертели бесконечные потоки имен, лиц, должностей, приветствий и тостов, и все же она берегла репутацию идеальной хозяйки и любящей жены, а посему сохраняла внешнюю учтивость. Манеры ее были безупречными, как и подобает светской женщине.

У Антонины было узкое лицо, большие глаза, четко вычерченные смоляные брови и крупный, с горбинкой, нос; впрочем, этот нос ее не портил, а может быть, даже придавал ей некую изюминку. На прием она надела голубое платье с объемными рукавами-фонариками. Каре было уложено волнистыми прядями, маленькие ножки обуты в туфли на высоком каблуке.

– Жду вас на корте, – напомнил Громов и напоследок рассмотрел меня сверху донизу, будто экспонат в музее.

Я покраснела, а он аж засиял от удовольствия – похоже, решил, что взволновал меня. На самом же деле я возмущалась столь открытому, бесстыдному любопытству к замужней женщине. Мельком проверила Сережу. Здесь ли он? Не отошел ли?

Вскоре мы всей толпой переместились на возвышенность, где раскинулся теннисный корт. Солнце меж тем поостыло. Зрители расселись на трибунах, и официанты петляли между

ними, предлагая то холодные коктейли, то зонты, то пепельницы. Открывал игры, разумеется, хозяин дачи. Он сыграл сначала со старшим майором госбезопасности Савицким, потом с кинорежиссером Сафроновым, и каждый из них ему уступил, причем уступил без особого сопротивления, так что оба матча пролетели до скукоты скоростно. Громов и устать-то толком не успел. И бил-то абы как...

Когда судья объявил вторую победу, впечатленная публика вскочила и стала рукоплескать стоя. Гордый собой министр раскланялся, как артист на сцене. Отдохнув несколько минут, он нашел меня глазами и мотнул головой в направлении корта.

Я переоделась в раздевалке в теннисный костюм, сделала быструю разминку и вышла на площадку. Громовы болельщики уже всю предвкушали третье поражение и, судя по всему, были не прочь потихоньку выдвигаться обратно к дому, на ужин. Судья выдал мне ракетку, отвернулся и собрался было удалиться на свою позицию, но я его остановила.

– Что-то не так? – спросил подошедший сзади генерал-полковник, исподтишка лизнув мою талию пальцами.

Я вздрогнула от неожиданности. Он лукаво сощурился.

– Нет ли другой ракетки? – осведомилась я, осторожно отодвинувшись от него. – У этой слишком слабое натяжение.

Громов удивленно засмеялся и подмигнул судье. Тот многозначительно приподнял брови. Министр забрал у меня неудобную ракетку, достал нужную, с жесткой натяжкой, и, для виду постучав мячом об землю, протянул мне. Я поблагодарила его и перешла на свою сторону корта. Подняв руку, судья свистнул, и сет начался.

Я не собиралась проигрывать, как Савицкий с Сафроновым, я настроилась на победу и выкладывалась по максимуму, не щадя себя. Куда этим ленивым, неуклюжим, отрастившим бочонок на животе мужчинам до меня – легкой в движении, невзирая на высокий рост, натренированной, горячей крови женщине? Там, где они переваливались, кряхтя и борясь с одышкой, я неслась, прыгала, била со всей дури, и публика, несколько приунывшая от предсказуемости первых матчей, оживилась.

Громов тоже собрался, подстроился под темп. Он явно не ожидал встретить во мне равного соперника. Наша игра превратилась в настоящую схватку, и счет, возможно, так и застыл бы на нулях, если бы Громов не допускал одну и ту же ошибку – он позволял себе отвлекаться. Вот он готовился к моему удару или разминался для подачи, а сам, донжуан, смаковал, пожирал меня глазами. Теннис отступил для него на второй план. Громов фокусировался не на моей позиции, а на моих формах. Костюм на узких плечиках с короткой юбкой-шортами облепил тело, как вторая кожа, но если бы не масляный мужской взгляд, я бы не увидела в этом ничего откровенного. Теперь же я ощущала себя голой, выставленной перед ним напоказ.

В первом сете я выбилась вперед со счетом 6:3. Прозвучал сигнал к перерыву. Я отошла к столику и приняла из рук услужливого официанта стакан воды. Машинально покосилась на мужа – он смотрел матч с трибун, – и замерла, так и не сделав глоток.

Сережа не выглядел столь напряженным с тех пор, как единственный раз получил выговор на работе. Как он тогда переживал! Заперся в кабинете и ходил туда-сюда, игнорировал меня, не ответил на звонок от сестры, хотя души в ней не чаял, и извел самого себя в спортзале. Жесты его были нервными, мина – хмурой. То его паршивое настроение я запомнила на всю жизнь. И сейчас Сережа глядел исподлобья, горестно вздыхал, перекладывая одну ногу на другую, так что я тотчас догадалась: дело дрянь...

Следующие два сета я проиграла с разгромным счетом. Зрители свистели, хлопали в ладоши, расхваливая мастерство Громова и его немислимую выносливость, позволившую отстоять три партии подряд – в том числе последнюю, долгую и напряженную. Некоторые люди сбегали с трибун, чтобы пожать ему руку и засвидетельствовать свое восхищение лично.

Министр действительно порядком запыхался. Утолив жажду, отдышавшись, он пригласил на корт следующих игроков и подошел ко мне.

– Чем я заслужил такую награду? – пробормотал он мне на ухо.

– Не понимаю, о чем вы, – соврала я, вытирая полотенцем взмокшие плечи.

– О святая невинность! – позабавился Громов, встав гораздо ближе, чем того требовали приличия. Я ощутила исходящий от него запах пота, перемешанный с одеколоном. – Сначала вы атаковали меня, как дикая кошка, а затем превратились в мурчащего котенка и позабыли, как подавать мяч. Вы играете со мной в какие-то игры, моя дорогая, и мне страстно хочется вас раскусить.

– Я играла с вами в теннис, Михаил Абрамович, и вы заметили бы это, если бы не пялились на мой костюм, – возразила я, смягчив грубость улыбкой.

– Ну вот опять – дикая кошка, – игриво ощерился он и удалился, когда на горизонте образовался Сережа.

– Великолепная игра, дорогая! – радостно воскликнул муж, поцеловав меня в щеку. От былой хмурости не осталось ни следа. – Ты ничуть не уступила Михаилу Абрамовичу в скорости и ловкости! Просто у него побольше опыта, и только.

– Он достойный противник, – скупой поддержала его восторг я.

К нам через толпу просочилась Наталья Тимофеевна, консультант Института марксизма-ленинизма. Сережино лицо моментально перекопилось. Эта мадам удручала его привычками растягивать слова, медленно двигаться и вообще не спешить по жизни – то есть всем тем, что было полной противоположностью его собственным привычкам.

– Вы та-а-ак резво бегаєте, – молвила Наталья Тимофеевна, как в замедленной съемке. Сережа еле слышно вздохнул. – Я и в юности не носилась с подобной прытью, а вы уже далеко не девочка... Вы знаете, я предположила, буквально на долю секунды, будто вы сумеете обыграть товарища Громова. А он вон как повернул... Не оплошал, молодец, взял себя в руки... Уж не помню, проигрывал ли он когда-нибудь, тем более женщине...

– Товарищ Громов – достойный противник, – вспыхнув, повторила я и увела Сережу раньше, чем Наталья Тимофеевна снова открыла рот. Теперь она мне тоже не нравилась.

Когда стемнело, в саду, окружавшем дачу, включили фонари. Они окутали территорию приглушенным теплым светом. Заиграла ненавязчивая легкая музыка, всюду звенела вычищенная до блеска посуда, стучали низкие каблучки официантов, спускавшихся и поднимающихся по мраморной лестнице то с полными подносами, то с пустыми. Оголодавшие гости стали рассаживаться за столиками под открытым небом, и служба засуетилась, пододвигая стулья, разнося блюда и принимая заказы по напиткам.

Нас с Сережей разместили неподалеку от четы Громовых. Истинная душа компании, министр не замолкал ни на минуту, отчего казалось, будто мы все попали в театр одного актера. Он объявлял новые тосты прежде, чем во рту остывала терпкость последнего глотка вина. Если он острил, гости смеялись навзрыд. Громов и танцевать пошел первым, пригласив свою невестку откуда появившуюся маленькую дочурку (как Сережа шепнул мне позже, его любимицу). Одетая в пышное сиреневое платье, с бантами в белокурых волосах, девочка кружилась, плясала, держась за сильные руки отца, и таяла от удовольствия, когда взрослые аплодировали ей. Звали ее Лией. После танца она уселась рядом с папой и потребовала себе тарелку, игнорируя замечания матери о том, что дети сидят за другим столом.

– А я взрослая, – заявила Лия и по-хозяйски наложила себе жареного сулугуни.

Громов поднял очередной тост, в этот раз за свою милую проказницу. Затем он нашел среди гостей певицу и уговорил ее исполнить что-нибудь из своего репертуара. Лия, бросив сыр, побежала обратно на танцплощадку. Мать недовольно прошипела ей вслед, чтобы вытерла жирный рот салфеткой.

Чем дольше Громов прихлебывал коньяк, тем менее приличными становились его истории и тем больше задумчивых взглядов он бросал украдкой на меня. Мне, понятно, льстило равнодушные генерал-полковника, как любой женщине льстит внимание любого мужчины, но поощрять его я не собиралась, тем более в присутствии его жены и ребенка, поэтому опускала безучастный взор в тарелку. Пустой флирт был мне ни к чему.

Муж мой, похоже, не чуял подвоха. Антонине, сидевшей по правую руку от Михаила Абрамовича, тоже было невдомек, что происходит. Она резала эскалоп на кучу крохотных кусочков и, неспешно поклевывая их, изредка добавляла к сказанному супругом какую-нибудь бессмысленную фразу, после чего вновь замолкала и углублялась в свои думы.

Задул холодный вечерний ветер. И хотя я выпила три – или уже четыре?.. – бокала вина, стало зябко. Покосилась на Сережу – он с волчьим аппетитом поедал цыпленка табака. Судя по румяным щекам, нисколечки не мерз. Вообще, он был не из мерзлявых, чего, увы, не скажешь обо мне.

– Пойду возьму накидку, – предупредила я, коснувшись его руки.

– Угу, – промычал Сережа с набитым ртом.

Я поднялась из-за стола и начала пробираться между столиков к дому. Люди к тому моменту успели изрядно опьянеть (еще бы, после такого количества тостов!) и образовать кружки по интересам; от одного доносились пошлые анекдоты, от другого – задушевные разговоры, от третьего – пламенные политические речи. Особо шумные мужчины комментировали прошедший вчера футбольный матч. Я поднялась по лестнице, зашла в холл и направилась к той комнате, где мы с Сережей кинули сумки.

Порыскав в вещах, я достала вязаную кофту на пуговицах и укрыла плечи, а заодно припудрила залоснившееся лицо. Повернулась, чтобы вернуться в сад, и застыла, обнаружив на пороге Громова. Он возник тихо, как призрак.

Громов вальяжно прошел внутрь и облокотился на стену. Он перекрестил ноги и еще раз смерил меня своим сальным оценивающим взглядом, словно выбирал к ужину гуся помолоче и пожирнее, того, у кого самое вкусное и нежное мясо. Немного подумав, он бесшумно прикрыл за собой дверь. К чему эти тонкости! Если бы дверь хлопнула, все равно никто бы ее не услышал среди пьяных криков, смеха и музыки!

Мы остались наедине в маленькой комнате без окон. В западне.

– Что вы здесь делаете? – недоуменно спросила я.

– Пришел убедиться, что вы не расстроились из-за проигрыша, – расплылся Громов в кособой улыбке.

Какая она гипнотизирующая, эта его улыбка, пролетело у меня в голове. Сколько же девиц полегло из-за нее?

– Нисколько, – уверила я и двинулась к нему, намереваясь выйти.

Угадав мои намерения, Громов заслонил дверь собой. Ручка была надежно спрятана за его спиной, и он, сознавая собственное преимущество, торжествуя хохотнул. Я призвала все свое самообладание, чтобы не натворить глупостей. Нужно было немедленно вернуться к мужу и забыть неловкое столкновение, как кошмарный сон. Только как проскочить мимо этой горы? Как попроситься наружу? Стараясь унять дрожь, я потянулась к ручке, но не тут-то было.

– Замерзли? – растекся его приглушенный, нарочито заботливый, интимный голос.

«Как же меня угораздило, мать твою за ногу», – прорычала я про себя.

Громов шагнул вперед и приобнял меня, растопырив пальцы. У него были очень горячие пальцы, я даже сквозь ткань их почувствовала. Кровь схлынула с моего лица. Я была застигнута врасплох. Совершенно обескуражена. До последнего я думала, что он всего-навсего баловался, самоутверждался, желал проверить, может ли еще вскружить голову молодой красивой женщине. Либо я ошибалась, либо самоутверждение зашло слишком далеко...

Главное – не поддаваться! Я принялась вырваться из объятий, однако он держал крепко-накрепко. Прильнув к моей шее влажными губами, Громов прошелся по ней смачными, медленными поцелуями. Теперь от него пахло коньяком и табачным дымом.

– Михаил Абрамович, что вы творите? – выдохнула я вне себя. – Пустите, прошу вас!

Громов только хмыкнул, не удостоив меня ответом. Он прильнул ко мне весь – жаркий, мощный и такой жаждущий, что внутри нет-нет да екнул отклик. Я дернулась снова, но и в этот раз безрезультатно.

– Ты меня зацепила, – заворковал Громов, тяжело дыша от возбуждения.

«Кричи! – советовала я себе. – Верещи во все горло, вопи о помощи!»

«Вздор, – возражал другой внутренний голос. – Чего ты добьешься? Он разве что разозлится и заткнет тебе рот».

«А если тебя услышит кто из гостей, сама и пострадаешь, – соглашался третий голос, самый рассудительный. – Измена министра – опасный скандал. Тебя же выставят крайней».

Крайней мне быть не хотелось, но и давать пьяному мужику в каком-то темном чулане – тоже. А если нас застанет Антонина? Или тем более Лия?.. А если Сережа надумает надеть свой пиджак? Нет, надо удирать, и поскорее!

Громов, времени не теряя, склонился к моим губам. Я запаниковала.

– Послушайте, вы, должно быть, выпили лишнего и не понимаете, что делаете... – тараторила я бессвязно. – Пустите же! Это останется между нами, просто, пожалуйста, дайте мне уйти!

– Верно, это останется между нами, – сухо сказал чекист, пытаюсь уловить мой рот. Не получилось – увернулась.

– Михаил Абрамович, я замужем! – выпалила я. Может, совесть проснется, если произнести вслух? – За Сергеем Загорским. Вы забыли?..

– Да не скажу я твоему мужу! – вдруг переменявшись, рыкнул он. – Что ты так трясешься?

Громов надвигался на меня – точнее, заставлял пятиться назад, – пока не припер к комоду. В копчик больно уперлась ручка ящика, под натиском сдавило грудь, и я вскрикнула. Ладони нагло легли ниже поясицы и принялись исследовать пойманную добычу. Он не церемонился, он беззастенчиво лапал меня, как лапают мужчины жен, подруг, проституток, но я не была ни первой, ни второй и ни третьей!

– Вы же сами женаты!.. – выдала я, вертясь юлой. Мне действительно стало страшно из-за собственной беспомощности.

– Ну да, – со скукой буркнул он.

Бесполезная попытка. Штампы в паспортах его не пугали.

– Здесь много людей, нас могут застать вдвоем...

– Все нажрались, никому до нас нет дела, – раздражался Громов. – Да что ж ты рвешься так! Утомонись!

Его не останавливало то, что я сжимаюсь, защищая бюст, что убираю его руки со своих ног, что без конца бормочу одно и то же: нет, нет, нет! Громов не добивался моего согласия, он шел напролом, и как только до меня дошла эта простая истина, внутри проснулся задремавший было зверь – тигрица, способная сражаться до самого конца.

– Нет! – рявкнула я, смыв жалобную маску с лица. – Я не хочу!

– Блядь, да что ж ты такая несговорчивая! – вскипел не на шутку Громов и заломил мне руки за спину. – Хватит! Меня ждут. Давай живее.

– Мне больно! – завизжала я, пусть мне и не было больно.

– Сама виновата! – был ответ. – Буду я еще тебя уговаривать! Волочиться за тобой! Взрослая же девочка... Раздевайся!

Юбка задралась к бедрам, обнажив кружевное белье. Где-то затрещали швы. Как резко Громов вспыхнул, так же резко он и смягчился, увидев мою наготу, и снова стал прижиматься, тереться, сглатывать слюну.

– Покажи-ка мне себя... – приговаривал он, облизываясь.

Гладил ласково, неожиданно ласково после столь грубого тона. В его руках будто бы включился режим, рассчитанный как раз для строптивых незнакомок, которые трепещут от страха, хлопают ресницами и нуждаются в нежных прикосновениях, чтобы расслабиться. Под воздействием этого чудодейственного режима я обмякла и откинула голову, подставляя шею. Послушно приоткрыла рот, когда он меня поцеловал. Позволила стянуть с себя вязаную кофту, расстегнуть пуговицы на платье, освободить грудь от бюстгалтера.

Встретились два взгляда – его самодовольный и мой томный.

– Вот так бы сразу, – промурлыкал Громов. – Умница.

Он усадил меня на комод. Я широко расставила длинные ноги, уперев туфли в ручки ящиков. Громов расстегнул молнию на брюках и попросил меня приспустить трусики. Я потянулась к животу, коснулась кружева, медленно потянула вбок. Он пристроился, не видя ничего, кроме распахнутых бедер перед собой, и тогда я, приготовившись, набрала в грудь воздуха и отбросила его от себя.

Слишком мощный удар. Громов удивленно охнул, качнулся и схватился за подлокотник дивана, чтобы не упасть. Перенервничала, перестаралась, надо было полегче...

– Дура! Ты что, рехнулась? – взревел он не своим голосом, побагровев от ярости.

Он восстановил равновесие не без труда – все-таки он прилично выпил и шатался на ровном месте. Воспользовавшись заминкой, я спрыгнула с комода и вернула бюстгалтер на место. Громов присел на диван, чтобы справиться с головокружением.

– Еще ни одна баба мне не отказывала, – процедил сквозь зубы хозяин дачи, потирая виски. – Что ты о себе возомнила?

Сердце делало одно сальто за другим. «Думай, Нина, думай, – давила я на себя. – Ищи способ, как не испортить с ним отношения, сгладь напряжение, заключи мировую».

– М-михаил Абрамович, послушайте меня, п-пожалуйста, – сказала я, заикаясь. – Я хочу вернуться к супругу. Я замужем.

Громов с остервенением шлепнул себя по колену.

– И? – вопрошал он. – Я бы уже заканчивал! Чего ты комедию устроила!

«Беги!» – хором подсказали все внутренние голоса. Я ринулась к двери, но Громов пока не совсем расклеился от выпивки, он перехватил меня. На сей раз его хватка была железной, агрессивной, оставляющей отметины. Этот человек определенно решил завершить начатое. Перестав контролировать свои действия, я внезапно для самой себя укусила его в предплечье.

И вновь не рассчитала силу! Министр истошно заорал, выругался и отпустил меня. На его коже заалел след от зубов. Точно, тигрица...

Я откинула дверь и выскочила в коридор. Вон, вон, на свободу! На люди, к безопасности!

К моему облегчению, никто нас не засек. Вообще, obsлуга, снующая по дому весь вечер, сейчас странным образом испарилась, и это натолкнуло меня на тревожные мысли. К черту! Главное, что путь свободен. Задыхаясь, я кое-как застегнула пуговицы и поправила скомканную юбку.

– Сука, – донеслось из комнаты.

* * *

Сереза выпустил наружу заправленную в брюки рубашку и направился к раздвижной ширме. За перегородкой он скинул выходную одежду в бельевую корзину, открыл дверцу шкафа и достал длинный темно-зеленый халат. Выйдя обратно на середину спальни, затянул

на узких бедрах пояс. Его домашние туфли звонко цокнули по дубовому паркету, когда он остановился.

– Нина, ты что, заболела? – метнул на меня муж подозрительный взгляд.

Я что-то нечленораздельно промычала, запустив пальцы в прическу.

– Просто ты всю дорогу была какой-то мрачной, – пожал плечами он. – Я и предположил: может, голова болит или еще что. Послать домработницу в аптеку?

– Не надо.

Я посмотрела на свое отражение в зеркале у туалетного столика. Лицо угрюмое, бледное. Губы опухли – я нещадно терзала их зубами весь вечер. Брови грозно нависли над глазами. На запястьях, там, где стискивал Громов, растеклись багровые пятна – предвестники синяков. Отцепив заколки, я распустила волосы, и они копной упали на плечи.

– Так что же, все хорошо? – спросил Сережа с надеждой.

– Нет, нехорошо! – пальнула я в ответ, целясь, конечно, не в него, а в пустоту, точнее в воображаемого министра госбезопасности.

Загорский нахмурился. Вот он, мой вздорный нрав, выполз на свет и ошетинился. И ведь спортивный зал уже закрыт... В минуты моей слабости или ярости Сережа становился скованным. Чувствуя себя не в своей тарелке, да и вообще не на своем столе и не в своей кухне, он изъяснялся натужно и отрешенно, через не могу. Он будто шел по темному заброшенному дому, слепо шаря ногой по полу и боясь оступиться, но не понимал, куда и зачем он идет и нужно ли ему, собственно, куда-либо идти или же можно наконец покинуть всеяющее тревогу жилище.

– Что произошло? – ступил-таки Сережа на порог заброшенного дома.

– Громов, – чуть погодя сказала я и сложила руки на груди.

– Громов? – не понял он.

– Он приставал ко мне.

– Когда? – опешил Загорский. – Где?

– Когда я ушла за накидкой.

– Ах вот почему ты вернулась такой взрывной! – озарило Сережу. – Я боялся, бокал разобьется – так ты им стучала, когда ставила на стол.

Меня кольнул стыд. Муж прочистил горло и приступил к долгой беседе.

– Теперь по порядку. Что именно он делал?

Я закатила глаза к потолку.

– А что обычно делает мужчина, когда хочет женщину, Сережа? Закрыв дверь, налетел на меня, ручонки распустил! Сказал, что все останется между нами, еще и торопил! Ишь, занятой какой! Лишь бы присунуть и свалить!

Бросившись к мужу, я показала ему свои красные запястья.

– Полюбуйся, какую красоту он мне поставил! Чего ты отворачиваешься? Смотри!

Загорский мельком посмотрел и устало, по-старчески так, опустил на софу. Давно я ему не устраивала буйных истерик; наверное, отвык. Он о чем-то сосредоточенно поразмышлял, разглядывая живопись и лепнину на потолке, я же пока ходила взад-вперед, уперев руки в боки.

– В итоге Громов... добился желаемого? – послышался его тихий голос.

– Нет, – поежилась я. – Конечно, нет! Ты что? Уж я-то за себя могу постоять. Я осталась верна тебе, Сережа. Не вздумай сомневаться во мне.

Я подошла к нему и нежно поцеловала в губы. Видно, клюнул. А я блефовала. Я отказала Громову не столько из-за любви к мужу, сколько из-за любви к себе самой. Да, настойчивость мужчины бывает приятна, и порой тело так и просит, чтобы его прижимали, упрашивали, буквально домогались... Но где игра, а где откровенный произвол? Могла ли я смириться с мыслью, что этот самонадеянный, всевластный человек, перешагнувший через все мораль-

ные нормы, получит меня вот так легко, вот так беспрекословно, как если бы заказал чашку чая в буфете или велел зажарить к ужину гуляющего у пруда фазана?

Гордость взыграла над разумом. Со мной часто приключалось такое несчастье.

– Нет, ну что ж за сукин сын! – швырнула я, стреляя взглядом в разные стороны. Чем чаще в памяти воскресала сцена на даче, тем сильнее я накручивала себя. – Ему безразлично, Сережа, что у него жена и дети! Безразлично, что у меня есть ты!

– Тише, тише, успокойся, – взмолился Сережа. – Да, Громов слаб к прекрасному полу, и Антонина Викторовна не помеха его увлечениям.

– Бедная, – представила я себя на ее месте. Постоянно наблюдать, как муж охмуряет очередную кокетку... – Что ей приходилось терпеть долгие годы?

Лицо Сережи вытянулось, будто он никогда об этом не думал.

– Да нет, никакая она не бедная, – отмахнулся он. – Она облагораживает супруга, пусть и регулярно застаёт его в объятиях новой пассии. Громова убеждена, что Михаил Абрамович любит ее и верен ей, по крайней мере сердцем.

– Интрижки не волнуют ее? Не верю, – фыркнула я.

– Да не относится она к его похождениям как к измене, – растолковывал Сережа. – Громов – чекист, его работа – знать все и про всех. Он, как паук, расставляет свои сети. Заводя новый роман или дружбу, он втирается в доверие к врагам народа, к тем, кто может дать показания по гражданам с сомнительной репутацией. Именно так и считает Антонина Викторовна.

– Я, выходит, гражданка с сомнительной репутацией? Или ты – враг?

– Нет! – побелел Загорский. – Скажешь тоже!

Я весь вечер чувствовала себя разбитой, но сейчас весело расхохоталась. Муж выдавил кислую, вымученную улыбку.

– А он мастер лапшу-то вешать, раз жена закрывает глаза на его измены. Ну, пускай трахается с кем хочет, старый черт! – плевалась я, изнывая от злобы. – Но я-то ему отказала, Сережа! А он меня ссильничать пытался, ублюдок!

Сережа сморщился – не выносил брани. Особенно если она слетала с женских губ, и уж тем более – когда ругалась собственная жена. Претила эта брань его чуткой натуре. Он так сильно тер лоб, что казалось – раздавит череп.

– Дорогая, настойчиво прошу тебя подбирать слова тщательнее, – отчитал меня муж строго. – Речь идет об уважаемом советском служащем. Мне очень жаль, что у вас с Громовым произошло... недопонимание. Если бы я знал, что все так обернется, поехал бы один.

Я ждала продолжения, однако его почему-то не последовало. Сережа взял с комода ручку и начал бесцельно вертеть ее в руках. Я меж тем горячилась, горячилась и горячилась, пыхтела, сновала из одного угла спальни в другой. Он пронзил меня своим коронным взглядом, от которого становилось не по себе.

– Что ты сделала ему, Нина?

– Что я ему сделала? – не поверила я своим ушам.

– Ты говоришь, ему не удалось тебя соблазнить. Что же ты сделала, чтобы он тебя не тронул?

Бомба в глубине моей груди взорвалась, сбивая сторбившегося мужчину на краю софы с ног огненной волной.

– Что я могла сделать? Разве у меня было много вариантов? – накинулась я. Сережа отшатнулся. – Вырывалась, просила отпустить, напоминала о тебе, об Антонине, кричала, что не хочу его! Но этот потаскун настаивал! Кобель! Подонок!

– Не ругайся, пожалуйста, не ругайся, – пролепетал он почти беззвучно.

– Знаешь, что я сделала, Сережа? – не слышала я мужа. – Я толкнула его и укусила, когда он меня перехватил! Видел бы ты лицо мерзавца! Небось, больно... И поделом ему!

С видом победителя я рухнула на мягкую постель. Морщины на лбу Сережи расправились, редкие волосы съехали в сторону затылка. В глазах плеснулась безнадега.

– Прости, что? – прошептал он сдавленно. – Ты укусила его?

– Да, за руку. Чудом сбежала! Повезло!

Загорский потерял все разом – дар речи, способность двигаться и мыслить. Он пребывал в оцепенении, наверное, минуты две, после чего как-то неестественно громко сглотнул. Возвратившись к реальности, Сережа потушил свет, лег рядом со мной и с опаской обнял меня за плечи, словно проверяя на ощупь, остыла ли раскаленная сковорода. Он заговорил медленно, вдумчиво и так проникновенно, точно убаюкивал меня:

– Не сердись из-за произошедшего, дорогая. Я понимаю, в тебе бурлит масса чувств. Ты оскорблена поведением Громова, и да, он, безусловно, поступил недостойно. Я сам не ожидал такого поворота событий. – Его тон стал нарочито непринужденным. – Но давай-ка покопаямся. Ничего ведь вопиющего не случилось, так? Ты не пострадала. Уверен, Громов не хотел навредить тебе или принудить к чему-либо. Он был очарован тобой, вот и все. А как иначе, ты ведь красивая женщина... К тому же он выпил лишнего. Ошибся человек, не держи на него зла.

– Просто тебя там не было, – проворчала я через плечо. – Побудь ты на моем месте с задранной юбкой, убедился бы, что это за похотливая, беспринципная свинья.

– Еще раз: ты ставишь себя под удар, обсуждая члена правительства в некорректном тоне. Успокойся. – Сережа сжал руки вокруг меня теснее. – Правда, Нина, я расстроен не меньше твоего, но мы должны здраво смотреть на вещи.

Я вырвалась из объятий и повернулась к нему лицом:

– Что значит – здраво?

– Это министр госбезопасности, милая, – тихо сказал Загорский, озираясь на стены. Подпитав его страхи, те будто бы подступили ближе, обернулись в слух. – Не надо конфликтовать с ним.

– К чему ты клонишь? – возмутилась я. – Что был бы не против, если бы я с ним переспала?

Он промолчал.

– Ты, мой муж, – и проглотил бы измену?

– Будь моя воля, я ни с кем не делил бы тебя, любимая, – мягко утешал Сережа, взяв мою руку в свою. – Но вспомни... будь добра, просто вспомни судьбу своего несчастного отца. Да возьми хоть участь прежних жильцов нашей квартиры, которые нынче прописаны в лагерях.

Он вздохнул. Больная тема.

– На одного донесли, чтобы занять площадь побольше и повыше, – одними губами напоминал Сережа. – А сам стукач хранил фотографию с Ежовым. Ты должна была зарубить на носу, Нина: нельзя давать ни малейшего повода усомниться, что ты добропорядочный гражданин.

– А что, все добропорядочные гражданки обязаны кувыряться с министром по одной лишь его прихоти? – вскинула я бровь. – И натурой доказывать преданность государству?

– Почему всегда нужно огрызаться? – огорчился он.

– Потому что меня сегодня чуть не изнасиловали, а ты притворяешься, будто это норма. – Я от обиды поджала губы. – Мерзко, Сережа.

Судя по всему, я его усовестила. Муж порозовел, даже в ночной полутьме было заметно.

– Ладно, ты права, – нехотя согласился он, почесав затылок. – Что ж, предлагаю поступить так. Я выкрою удобный момент и без свидетелей побеседую с ним. Объясню, что мы с тобой безумно любим друг друга и дорожим крепким браком. Наверняка улажу все без недо-молвок. И впредь постараюсь не звать тебя с собой на мероприятия, в которых участвует Громов.

Он примирительно толкнул меня в бок.

– Договорились? Решили проблему?

– Да, спасибо.

– И все-таки давай договоримся, что ты не будешь давать волю эмоциям, – добавил он. – Я понимаю, какое унижение испытывает женщина в подобных ситуациях, но неужели ты хочешь, чтобы тот кошмар, который ты пережила после смерти отца, повторился? Стоит ли мелкая стычка таких мучений?

Я припомнила свою огромную сумку с письмами, оттягивающую плечо, комнату, кишашую тараканами и клопами, пустой хлеб на ужин, лекции, на которых клевала носом, потому что работала допоздна, – и упала духом. Норов куда-то сам собой улетучился, в глубине пискнула гадкая трусость. Хорошо, что все позади! Хорошо, что мне более не доведется встречаться с этим выродком!

Теплый, уютный бок мужа пригрел меня, и я, утешенная, задремала.

А Сережа долго ворочался. То перекидывал ногу, то закидывал на меня руку, то падал на спину. В середине ночи он уснул.

* * *

На следующий день я собралась в ателье за своим вечерним платьем. Его сшили на заказ к премьере балета «Медный всадник», которая должна была пройти в Большом театре 20 июня. Обычно всеми делами по хозяйству у нас занималась Валентина, домработница. Эта молодая, бойкая, сильная девушка была способна оказать любую услугу: вытрясти тяжелый ковер из гостиной, починить казенную мебель, уничтожить трудновыводимое пятно на рубашке или принести обед из столовой. Но сейчас услужливая Валя убежала на улицу Грановского⁷, чтобы купить в аптеке лекарство от аллергии для мужа. Она запросто могла бы по дороге заскочить и в ателье за платьем, но мне очень уж хотелось прогуляться на свежем воздухе и отвлечься от угнетающих мыслей. Тем более на улице стояла чудесная погода – солнечная, в меру теплая, без душной жары.

Я поправляла юбку перед зеркалом в прихожей и не слышала шума, что доносился из-за входной двери. Стоило переждать часок-другой или вовсе не покидать сегодня квартиру, но теперь уже было поздно. Я вышла на лестничную клетку и замерла, застав там трех мужчин в темных плащах и кепках. Каблуки черных туфелек цокнули по бежевой плитке с серыми ромбами. Звук привлек внимание грозных незнакомцев. Они отвернулись от высоких дверей соседней квартиры, вскользь оглядели меня с ног до головы и, через секунду потеряв интерес, снова застучали.

– Откройте, – приказал один из них – по моим смутным воспоминаниям, наш комендант. – В доме произошла утечка газа. Нам нужно войти внутрь и все проверить.

Он нажал на ручку и надавил на дверь плечом. Второй помог ему, навалившись рядом, но дверь не шелохнулась – видно, хозяйева подперли ее чем-то тяжелым. «Какое опрометчивое, смелое решение!» – поразила я и тут же осадила себя за похвалу сумасбродства.

– Нина Борисовна, вы куда-то направлялись? – осведомился третий, стоявший на страже, пока его напарники ломались в квартиру.

«Знает мое имя», – похолодела я, вцепившись ногтями в сумочку. С этим человеком мы точно не встречались прежде.

– В ателье, – неуверенно промямлила я, будто сама сомневалась.

– Так идите, – устремив на меня немигающий взгляд, велел мужчина в плаще.

– А к нам вы не пойдете утечку искать? – зачем-то спросила я.

– Ваша квартира в утечке пока не подозревается, – усмехнулся он.

⁷ Так назывался Романов переулок с 1920 по 1994 год.

Двое у дверей достали пистолеты и отбежали, приготовившись к штурму. Я тупо кивнула и свернула на лестницу, ухватившись за лакированные перила. Каблуки мои громко отгарабанили по ступеням в такт оглушительным выстрелам. Я неслась вниз с прытью, несвойственной леди в туфлях и узкой юбке. Вдруг они передумают, вдруг погонятся за мной, страшилась я и прибавляла шаг, точнее бегу. Выскочив на улицу, остановилась и перевела дух. Вокруг спокойно бродили люди, не представляя, какая драма развернулась в Доме на набережной.

Любопытство охватило меня до кома в горле, и я осторожно подняла глаза. Туда, где в лучах солнца блестели окна квартиры на девятом этаже. Ставни должны были быть плотно закрыты, шторы – задернуты, но они все оказались распахнутыми. На узком подоконнике, в миллиметре от пропасти, жалась Ира – жена авиаконструктора Алексея Чернова. Я часто заходила к ней, чтобы поваляться рядом, выпить вина и поболтать по душам. Каждое лето Ира привозила мне из деревни корзину моих любимых яблок, я доставала ей билеты и путевки; она вязала мне теплые свитера, пекла пироги, а я сидела с их сыном Колей, когда она была занята, отводила его в Дом пионеров или в авиакружок. Чернова была честной, дерзкой, заводной, и мы любили компанию друг друга.

«Не глупи, Ирка», – мысленно попросила ее я и замахала руками в надежде, что подруга заметит мой протест.

Отсюда было плохо видно ее одежду – то ли сорочку, то ли платье, непонятно, – я различила лишь алое пятно и босые белые ступни. Ира держалась за выступ на внешней стене дома и смотрела вниз. Ее кудрявые волосы колыхались на ветру, хлеща щеки.

– Нет, нет, – повторяла я уже вслух и сложила руки крестом над собой. Проходящий мимо мужчина в шляпе покосился на меня, как на умалишенную.

Вероятно, эмгэбэшники таки проломили дверь в квартиру, потому что алое пятно дернулось, замешкалось на миг, а затем воспарило в воздухе. Перестав дышать, я наблюдала, как оно летело камнем вниз, слышала, как раздались визги прохожих, лай собак и свистки охранников высотки, чувствовала, как сгущается вокруг меня толкотня. Я бы так и стояла на тротуаре неподвижной статуей, если бы меня не увела вовремя подоспевшая из аптеки Валя.

– Нина Борисовна, пойдете, пойдете, – проникал в ухо ее обеспокоенный голос.

Красное месиво на асфальте перекрыла стена чекистов.

* * *

Сережа взял себе за правило каждый день сообщать мне что-нибудь хорошее о Громе. Он словно затеял игру: собери все плюсы министра и выиграй в подарок подбредшую жену. Муж ошибочно полагал, что я ничего не замечала, что меня не смущало, когда разговор плавно перетекал от обсуждения новостей к министру госбезопасности. Ах, какая у Громова огромная семья, Нина! Ах, как он привязан к своей почтенной матушке, как любит младшего брата, между прочим, подающего большие надежды драматурга! Ах, тебе известно, что они с Антониной воспитывают пятерых родных детей и троих приемных?

– Он замечательный отец, – распинался Сережа, отложив любимую газету. – Я видел его стаю детишек. Они прыгают к нему на руки, просят покатать их на шее и рассказать веселую историю. Они смотрят на него с благоговением, точно он не человек, а герой. Михаил Абрамович просто счастлив, проводя время среди них. А Лия! Его принцесса! Ей он ни в чем не может отказать.

В глазах мужа отразилась зависть. Моя рука неловко дрогнула. Кусочек запеченной утки, насаженный на зубцы вилки, замер у губ. Откуда ни возьмись вновь появилось это досадное чувство – словно я была виновата перед мужем за свое бесплодие. Мысли о приемном ребенке зашумели в голове с прежней силой.

В другой раз Сережа докладывал о спортивных достижениях Громова, о том, какие впечатляющие сюрпризы он придумывает ко дню рождения Антонины, с каким умением и чуткостью дрессирует лошадей.

– Михаил Абрамович – тонкий ценитель искусства, – делился со мной Загорский, пока я уныло перебирала страницы журнала. – Он умудряется где-то откапывать никому не известных певцов, актеров, музыкантов, а потом представляет их своим влиятельным знакомым. Благодаря Громову на советской эстраде появилось много талантов! Двое из них, между прочим, стали народными артистами!..

– Сережа, а за что Черновых арестовали? – перебила его я.

Вернее, Чернова. Ира так и не угодила в лапы органов госбезопасности, Алексея же взяли прямо в рабочем цехе.

– Не имею ни малейшего понятия, – солгал муж и щедро плеснул себе в тарелку соли, хотя обычно не солил и не перчил пищу.

Но все-таки его усердия не были напрасными. Из-за нескончаемых разговоров о Громове я потихоньку забывала железную хватку рук и голодные глаза. Воспоминания о злополучном вечере стали бледнее.

Однажды Сережа пришел с работы пораньше с роскошным букетом белых роз – а ведь бросил привычку дарить цветы без повода на третьем году брака – и ночью впервые за год занялся со мной любовью. Когда он опустился на меня, я вдруг поняла, как сильно, аж до дрожи, мне не хватало близости мужчины. Одиннадцать месяцев – беспощадно долгий срок. Муж тоже был охвачен страстью; я и позабыла, что он умеет доставлять удовольствие, когда хочет. После того как он сам выбился из сил, я залезла на него второй раз. Такого у нас не было с медового месяца.

Вечером 20 июня мы наряжались на премьеру балета «Медный всадник». Сгорая от нетерпения, я застегивала новое вечернее платье. С пышной юбкой, полупрозрачными рукавами и вырезом на спине, оно было сшито из черного тюля с мелкими блестками и напоминало ночное небо, усыпанное звездами. Я накрасила ресницы тушью, собрала накрученные волосы в пучок и надела серьги с черным авантюрином (свои любимые сережки с бриллиантами, подаренные мужем на свадьбу, приходилось носить только дома⁸). Затем я брызнула на шею любимые духи и втиснулась в неудобные, зато дивно красивые черные туфельки. Сережа облачился в свой лучший выходной костюм и аккуратно зачесал лысеющую макушку.

Прибыв в театр пораньше, мы послонялись по фойе и выпили шампанского, а когда звякнул первый звонок, прошли в зрительный зал. Ходили слухи, будто балет посетит сам Сталин собственной персоной, поэтому воздух в театре напитался страхом, граничащим с паникой. Никому не было ведомо, что за незнакомцы болтались рядом – обычные посетители или эмгэбэшники в штатском, охраняющие Его? И существует ли вероятность ненароком столкнуться с Ним лицом к лицу? Отыскав свой седьмой ряд, мы с Сережей синхронно покосились на ложу «А», или, как ее еще называли, «предбанник». На душе сразу полегчало. Занавеска, обычно скрывавшая вождя от посторонних глаз, была отодвинута, внутри никого не было. Так ложа и пустовала все выступление.

Места прямо перед нами занимали Большегубские. Генерал-лейтенант с почтением пожал руку Сереже и весьма любезно поздоровался со мной. Его бульдожьих щеки перекатывались, пока он тихо, по-старчески так, причмокивал. Я повернулась, чтобы проверить номера наших кресел. Жена генерала, за долю секунды пробежав по мне придирчивым взглядом и обнаружив вырез на спине, скривила губы в нечто, похожее то ли на сдавленную улыбку,

⁸ Иосиф Сталин предпочитал вести скромный образ жизни, и номенклатура вынуждена была подстраиваться под него. В сталинское время предметы роскоши не выставлялись напоказ, так как могли стать поводом для расследования и последующего ареста.

то ли на судорогу. Заметив это, я выпрямилась и нарочно повернулась еще раз, делая вид, что оглядываю зал. Большегубская уставилась на закрытую занавесом сцену и заставила супруга поступить точно так же.

Сереза прочистил горло и жестом предложил мне сесть. Раздался второй звонок. Поправив воздушную юбку перед тем, как опуститься на сиденье, я оглядела зал и внезапно вздрогнула, увидев в толпе хорошо запомнившуюся мне фигуру. Фигуру Громова.

«Как это может быть? – пораженная, я небрежно плюхнулась в кресло. – Мы до сих пор вообще не были знакомы, а теперь встретились два раза за месяц!»

Ах, он опять купался во всеобщем внимании! Приосанился, бережно поддерживал под локоток блистательную Антонину, с чувством целовал кисти дам, жал руки мужчинам, рассказывал уморительные истории – короче говоря, был в своем привычном амплуа. Когда народ вокруг Громовых рассеялся, генерал-полковник нежно, с искренним порывом поцеловал супругу. Я отметила, как гармонично обитые красным бархатом кресла сочетались с туалетом Антонины. Сегодня она надела серое драпированное платье и подкрасила губы бордовой помадой. Все у нее было продумано до мелочей.

Муж не отреагировал на появление в театре министра, ну и я не подала виду. Не хотелось портить себе настроение в такой приятный вечер. Пожалуй, Серезе не было известно о прибытии Громовых. Он же обещал...

Как только балет закончился, почетные гости переместились в зал, где проходил закрытый прием в честь прогремевшей премьеры. Едва переступив порог, я схватила бокал шампанского у первого попавшегося официанта и осушила его залпом. Сереза, ничего не говоря, приобнял меня за талию и украдкой прикоснулся губами к месту за ушком – знал, как мне это нравится. Я мигом разомлела в его объятиях и отбросила в сторону хмурые думы.

Громов меж тем вышел на сцену. Его светлые волосы были уложены, а черный костюм-тройка выгодно подчеркивал фигуру. Уверенно жестикулируя, он расхваливал режиссера постановки Захарова и композитора Глиэра. Громов вещал без единой запинки и держался с достоинством, озаряя зал своей шикарной белозубой улыбкой. Прирожденный оратор, кто бы сомневался!

– Исключительно советскому балетному театру по плечу поставить на сцене столь глубоко содержательный спектакль! – провозглашал Громов. – А какое виртуозное исполнение нам сегодня показали! Вот, товарищи, что значит – искусство! Великое искусство! Мы должны гордиться артистами нашей страны! Это первоклассные мастера своего дела!

Публика шумно аплодировала, артисты признательно кланялись в ответ на комплименты. По залу прокатился звон ударявшихся друг о друга бокалов. Следом за Громовым на сцену взошел директор театра, после – еще несколько солидных дядь. Когда выступления кончились и музыка заиграла громче, люди разбились на компании. Мы с Серезей кочевали от одного столика к другому, и в какой-то, ускользнувший от моего замутненного весельем сознания, момент мы наткнулись на Громова. Он к тому времени уже изрядно захмелел и почти не соображал; взгляд его тупо замирал на одной точке, речь стала менее внятной, щеки налились румянцем. Притворяясь, будто не заметила его, я собралась было пройти мимо и навалилась на Серезу, чтобы он свернул в толпу, но муж стоял как гвоздями прибитый.

– Михаил Абрамович, добрый вечер, – сказал он.

Секунда – и мое напускное спокойствие улетело прочь, за пределы земной орбиты. Волосы зашевелились на макушке – так я была возмущена. Громов не обратил на нас внимания! И не обратил бы ни за что в таком состоянии, у него ж в глазах небось плывет! Ну зачем, зачем Сереза сунулся к нему? И почему держит меня за локоть? Боится, убегу?

А вообще, действительно хотелось. Раз – и дернуть отсюда вон!

– Приветствую, – с очевидной неохотой отвлекся министр от прелестной собеседницы. Это была одна из балерин Большого театра, Орлова.

Взъерошив челку, Громов задумался. Не признал он Загорского в пьяном угаре, даром что недавно принимал нас у себя на даче. Разогревая размякшие извилины, он надул губы и почесал подбородок. Может, пронесет, шевельнулась внутри меня наивная надежда.

Орлова, стоявшая за спиной Громова, заскучала. Изыщная блондинка то ставила свой бокал, то снова брала его в руки, но так и не выпила ни глотка. Тоскливый взгляд ее бесцельно блуждал по полу. Антонины поблизости не было. Она беззаботно беседовала с Лепешинской, развалившись на диванах в дальнем углу зала.

К моему огорчению, Громов все-таки вспомнил.

– Нина Борисовна, вот так встреча, – просиял он, только теперь его улыбка не была пленительной – скорее, искусственно приторной. Издевательской.

– Рада снова видеть вас, Михаил Абрамович, – соврала я, внешне олицетворяя само радушие.

– А я-то как рад! – поспешил заверить он. – Какая удача, что мы с вами сегодня пересеклись! Наконец-то я смогу выполнить данное вам обещание.

– Не совсем понимаю, о чем вы, – растерялась я.

– Ну как же, как же... – деланно озадачился министр. – Разве вы не помните?.. Вы же умоляли представить вас Добровольскому! Вы восхищались его одаренностью и желали выразить свои чувства ему лично, а заодно и взять автограф. Вам повезло! Алексей во-о-он там.

Громов указал на двери в конце зала, за сценой.

– Я провожу вас, – вызвался он.

Вероятно, на мое лицо упала тень тревоги, потому что министр вдруг насторожился и сощурился. Я открыла рот, но из горла не вылетело ни звука. Орлова одновременно с любопытством и сочувствием наблюдала за моей реакцией.

Спустя несколько секунд я пришла в себя.

– Дорогой, ты не против ненадолго покинуть гостей, чтобы познакомиться с артистом? – спросила я, предупредительно стиснув пальцы на его локте. – Добровольскому прочат статус премьеры Большого театра.

– Не думаю, что Сергею Яковлевичу будет интересно, – вмешался Громов и решительно поставил какой-то там по счету пустой бокал на столик. – Если я не ошибаюсь, игра Добровольского в прошлом сезоне его не сильно впечатлила. Как вы тогда сказали? Вроде бы «наигранно».

Он стал озираться по сторонам и увидел министра культуры, направляющегося к сцене.

– Ба! Не может быть! Товарищ Стрельников готовится выступить с речью. Проснулся, твою мать... – пробормотал Громов с презрением, отчего мы втроем неуютно поежились. Впрочем, он быстро совладал с собой и скрылся под прежней плутоватой маской. – Не хотелось бы опоздать, да, Нина Борисовна? Ну а ежели мы задержимся, ваш супруг перескажет нам то, что мы пропустили. Не так ли, Сергей Яковлевич?

– Непременно, – отозвался Сережа, а затем взглянул на меня как ни в чем не бывало. – Дорогая, постарайся излагать свои восторги кратко. Я буду ждать вас с Михаилом Абрамовичем здесь же. Поторопитесь.

Муж поцеловал меня в щеку и подтолкнул навстречу Громову. Воспользовавшись моментом, Орлова улизнула.

Мы с министром стали просачиваться сквозь толпу. Сраженная малодушием мужа наповал, я смотрела на проплывавших мимо людей в упор, однако никто из них не смотрел на меня – или все дружно отводили глаза. Антонина и та голову повернуть не удосужилась, продолжая щебетать с Лепешинской. В потоке мелькнуло серьезное лицо Берии; пожав друг другу руки – довольно натужно, как мне почудилось, – они с Громовым молча разошлись в разные стороны.

Спустя несколько минут мы оказались в гримерной. Ну и мерзавец же этот Громов! Он безошибочно ориентировался в театре и точно знал, где уединиться с женщиной. Он был тут явно не впервой. Помещение с белыми стенами и зеркалами у туалетных столиков выглядело неопрятно из-за разбросанных повсюду одежды, обуви, лент и косметики, зато оно было свободно и отдалено от банкета, а Громову, в сущности, большего и не требовалось.

Он закрыл за нами дверь. Взглянув на отражение в зеркале, я поникла: образ хорошего Громова, который Сережа старательно прививал мне, по щелчку пальцев испарился. На место примерного семьянина, любимца публики, спортсмена и покровителя деятелей искусства вернулся поддатый, бесцеремонный, грубый мужлан. Пошатываясь и сложив руки в карманы брюк, он двинулся ко мне.

– Михаил Абрамович, – принялась я уговаривать его, – я вынуждена напомнить вам, что я замужем и люблю своего супруга. Пожалуйста, не толкайте верную жену на измену. Это убьет меня, это разрушит мою семью, важнее которой для меня нет ничего на белом свете. Будьте милосердны, прошу вас. Отпустите меня в зал. Я никогда в жизни не заикнусь о том, что вы... что вы...

– Ты разве не одумалась? – оторопел он.

«Разве Сережа не договорился с ним?» – тоже оторопела я, инстинктивно сжав кулаки. Догадалась, что без боя мне отсюда не уйти.

Громов остановился рядом и внимательно меня рассмотрел. Ладонь его медленно прошлась по открытой спине. Чертово новое платье! Раньше вырез сзади казался мне венцом творения портной. Раньше, но только не сейчас, когда он в одночасье превратился из изюминки в проклятие.

– Я полагал, Загорский образумил тебя, – посетовал Громов, бесстыдно меня лапая. – Он-то поумнее будет...

«Предатель!» – впервые по-настоящему разочаровалась я в муже.

От круговых движений по обнаженной коже поползли мурашки. Громов подумал, будто они вызваны удовольствием, но нет – это был неподдельный ужас. Меня трясло. Он поднял руку, спустил просвечивающую ткань с плеча. И хотя лиф сидел как влитой, я крепко обхватила грудь – так надежнее.

– Ну, прекрати жаться, – беспечно ухмыльнулся Громов. Второе плечико скатилось вниз. – Давай теперь без закидонов. Поиграли, и хватит. Вот что. Я арендую теннисный корт, и ты приедешь ко мне. Скажем, через недельку, а? И да, можешь не брать с собой спортивный костюм.

Похолодев, я вытаращилась вникуда. Похоже, он решил отомстить мне за прошлую выходку, сломить меня самым унижительным способом. Пытаясь успокоиться, я задышала глубоко и размеренно. Не взрывайся, Нина! Не смей!

– А зачем тебе одежда, когда ты со мной? – поддразнил меня Громов заплетающимся языком, обдав запахом перегара.

Как он забавлялся тем, что поймал в капкан ту самую суку! С каким удовлетворением блестели его карие глаза! Едко засмеявшись, Громов присел на столик, положил одну ногу на другую и выпятил вперед нижнюю губу. Две верхние пуговицы на его рубашке были растегнуты, волосы растрепаны, щеки не просто румянились – они уже покрылись багровыми пятнами.

– Опустит руки! – рассердился он, осознав, что платье до сих пор на мне.

– Нет, – сказала я твердо и подняла плечики обратно.

Выругавшись, Громов кинулся вперед и попробовал опрокинуть меня на столик животом вниз, и у него обязательно получилось бы, если бы он не нажрался вусмерть. Ни с того ни с сего он споткнулся на ровном месте, едва не разорвав на мне платье. Хватка ослабла.

В этот раз я не кусала его. Хлесткая пощечина, в которую было вложено все мое отчаяние, вся моя жажда свободы, – и я понеслась вон из гримерной, оставив задыхающегося от гнева министра одного. Ладонь моя долго горела, напоминая об очередной победе.

* * *

Звонкое цоканье каблучков по мраморному полу, разрушающее мертвую, холодную, давящую тишину. Вот что я помню о своем аресте.

Это произошло спустя три дня после премьеры «Медного всадника». И не где-нибудь, а в общей столовой дома на Берсеневской набережной. Сегодня, как и в любой другой день, здесь было оченьлюдно. Невзирая на большие площади квартир «братской могилы», кухни в них сделали маленькими, не больше шести квадратных метров. Готовить в таких каморках неудобно, поэтому квартиранты ели в столовой. И вот в обеденное время сюда неожиданно вошли два сотрудника Министерства государственной безопасности, да так тихо, буднично вошли, словно сами пожелали отведать запеченную семгу или бифштекс с яйцом; они не прятались под гражданскими плащами и кепками, не притворялись комендантами, уборщиками, почтальонами, они гордо несли униформу с погонами и сине-красные фуражки.

Люди в очереди готовили талоны на проверку буфетчице, но, завидев приближающихся чекистов, враз сжались и побледнели. «Только бы не я! Не я, не я!» – сверкнул страх в глазах у каждого из них.

Я же нутром чуяла: по мою душу.

Эмгэбэшники шагали в ногу через просторный зал, направляясь к линиям раздачи питания. Цок, цок, цок, неумолимо надвигалась на меня беда. С грустью глянув на миску с дымящимся бульоном, в котором плавали листья петрушки и вареное куриное яйцо, я опустила свой поднос на перекладину. Так и не успела попросить повара положить мне щучью котлетку с картофельным пюре и соусом тартар на второе. Хоть бы поесть дали, сволочи...

Сотрудники наспех продемонстрировали мне скомканную бумажку, на которой гремели «Ордер №3741» и какой-то набор ничего не значащих для меня цифр. Тучный мужчина позади, набравший целую гору золотистых булочек к борщу, сдавленно ахнул и попятился, словно мой арест был заразен и передавался воздушно-капельным путем. Следом за мужчиной попятнулись другие.

Меня взяли под локти, как какую-нибудь убийцу, воровку или дебоширку. Сопротивления я не оказывала, вопросов не задавала. Эмгэбэшники невозмутимо повели меня к выходу, будто бы не замечая, как остальные жильцы «дома предварительного заключения» нарочно рылись в сумках, искали салфетку, утыкались носом в тарелку, в общем, делали все возможное, лишь бы не привлекать к себе внимания.

Самая впечатлительная дамочка вытерла в уголке глаза слезу – то ли из сочувствия ко мне, то ли уповая на свою свободу. Наша соседка сверху, Прасковья Ивановна – она обожала перехватывать меня в подъезде и мучить пустой болтовней, – нынче делала вид, что встретила арестованную первый раз в жизни. Обрюзгший толстяк Никитин, постоянно тянувшийся якобы по-отечески приобнять меня, то есть в действительности потрогать где-нибудь слишком высоко или слишком низко, злорадно хохотнул и швырнул в рот целый шницель, а потом, чавкая, хорошенько его прожевал. Две очаровательные девочки с косичками округлили глаза и громко спросили у мамы, чего это дяденьки уводят тетю Нину, и та быстро приложила палец ко рту.

Меня посадили в черный воронок⁹ и уже через полчаса проводили во внутреннюю тюрьму МГБ на улице Дзержинского¹⁰. Завели в светлую комнату, где короткостриженная коре-

⁹ Так в народе прозвали легковой автомобиль ГАЗ М-1, состоявший на службе советских органов госбезопасности. При-

настоящая женщина, больше напоминавшая мужчину, проводила обыск. Голые женщины подходили к ней по очереди.

– Раздеться! – велела она мне, копаясь в волосах у одной интеллигентного вида девушки.

– Зачем? – возмутилась я, упрямо оставаясь в дверях. – Ведите сразу к следователю! Мне к шести надо быть дома!

Надзирательница расхохоталась, запрокинув голову. Голые женщины посмотрели на меня с сочувствием. Многие из них были новенькими, как и я пару часов назад гулявшими на воле, остальные же прибыли поездом из тюрем других городов и уже имели весьма потрепанный вид.

– Раздеться, я сказала! – строго повторила тюремщица, оттолкнув от себя интеллигентную девушку. Та поспешила прикрыть наготу.

Меня заставили снять с себя всю одежду, распустить волосы, открыть рот, раздвинуть ноги и нагнуться. Надзирательница со скукой проверяла меня, как какую-нибудь кобылу на смотре. Серьги, обручальное кольцо, часы и пояс изъяли, бросив на стол к кипе других серег, колец, часов и поясов.

– Отложите в сторону, я здесь долго не задержусь! – потребовала я.

– А ты веселая, – улыбнулась женщина в форме, махнув мне рукой, чтобы одевалась.

За обыском последовало снятие отпечатков пальцев. Потом меня завели в каморку, где задержанных фотографировали в профиль и в анфас. Позировала я обокраденной, растерянной и злой. Волосы были взъерошены прокуренными пальцами тюремщицы, рот плотно сжат, в глазах горел недобрый огонек. Фото и отпечатки пальцев шили к личному делу, а мне не нравилось, что у меня есть личное дело. Это усложняло мое положение.

Камера была скромной: четыре шага в длину, три – в ширину. Голые стены, железная кровать с прохудившимся матрасом, застиранным бельем и зеленым шерстяным покрывалом, повывавшая виды тумбочка, туалетное ведро, прикрытое крышкой, – вот и все нехитрое убранство моего нового жилища. Окно было высоко, прямо под потолком, стекло замазано светлосерой краской. Из крохотной щели в душное помещение слабо доносился свежий ветерок, напоминая, что где-то за стенами осталась воля.

Именно тогда, и ни минутой ранее, я поняла, что очутилась за решеткой.

«Ну-ну, без паники. Сейчас начальство разберется и выпустит меня, – убеждал внутренний голос. – Я же ни в чем не виновата! Меня взяли по ошибке!»

«Сережа заступится. Он этого так не оставит», – поддакивал второй.

Самый рассудительный отчего-то молчал.

Вскоре настал час моего первого допроса. Замок лязгнул, тяжелая дверь отворилась. Чекист сурово велел мне выйти. Я выпорхнула из камеры, исполненная решимости доказать свою невиновность и немедленно уехать домой, а затем встала позади мужчины с погонями. Он рыкнул, чтобы шла впереди, и стал распоряжаться. Прямо, налево, направо. Короче шаг! Прямо, направо, налево. В пути он беспрестанно постукивал ключом по металлической пряжке своего ремня. Я семенила перед ним и недоумевала, зачем он это делает. Не выносит тишины? Испытывает мое терпение?

Коридор был длинным и безлюдным. Я с любопытством изучала изнутри зловещую тюрьму, что внушала ужас всему Союзу: ее серые стены без окон, голые лампочки под потолком и красный ковер-дорожку. Светильники висели на большом расстоянии друг от друга, из-за чего в коридоре царил полумрак. Ничего, в общем-то, особенного; но, находясь здесь, трудно было определить, день на дворе или глубокая ночь, а это значило, что я вскоре должна

бытие черного воронка, как правило, предвещало очередной арест, поэтому при въезде ведомственной машины во двор дома жильцы задергивали шторы, выключали свет и закрывали окна.

¹⁰ Сегодня эта улица носит название Большая Лубянка.

была потерять связь со временем. И все-таки почему чекист настукивает? Нервное у него это, что ли?

Пока мы шли, я восстанавливала в памяти еще свежие зарисовки из ускользнувшей свободной жизни – можно сказать, зазубривала их наизусть, как стих, чтобы в нужный момент вдохновить себя, если сразу освободиться не получится. Перед глазами мелькали кишачие людьми центральные улочки Москвы, брусчатые мостовые, груда спелых дынь в универмаге, прозрачные капли на листьях после дождя, густой, как сметана, мазок масляной краски, бархатистые руки мамы, хохочущая Ирка Чернова, запах акварели, автомобиль, несущийся по пустой областной дороге, кроткая улыбка Марии, моя домашняя библиотека, кричащая чайка в безоблачном небе, однокурсница Аллочка, лепящая снеговика, ласковая дворовая кошка, тоже ласковый случайный любовник в 1938-м, залитый солнцем балкон, отец, принесший мне в яблоневый сад стакан промытой в холодной воде малины...

Стук-стук-стук, прерывал поток моих воспоминаний ключ, бившийся по пряжке.

Вдруг впереди послышался точно такой же стук по металлу. Мой конвоир остановился.

– Лицом к стене! – приказал он.

Я развернулась и прижалась к холодному камню лбом. Что за цирк? Почему я обязана отворачиваться? Что там такого секретного?..

Правое ухо уловило глухой звук шагов по мягкому ковру. Снедаемая любопытством, я, прикусив губу, осторожно выглянула и увидела другую пару: охранника и скрюченного, еле передвигающего ногами подследственного. На нем была порвана посеревшая от грязи рубашка, у губ запеклась кровь, волосы клоками падали на потный лоб, по коже расползли следы от укусов насекомых. Но сильнее прочего будоражили его глаза. Это были глаза ходячего мертвеца, человека, заранее распрощавшегося с жизнью. Забыв про приказ, я провожала его ошеломленным взглядом.

Жгучий удар по щеке. Настолько сильный, что я взвизгнула.

– Не пялиться! – пролаял чекист прямо мне в лицо.

Умудренный опытом горбач даже не посмотрел на меня, только испуганно согнулся еще ниже. Безмолвно миновав нас, он и его конвоир растворились в тени.

– Вперед, – скомандовал раздраженный моим непослушанием конвоир.

Мы двинулись дальше. Стук-стук-стук, опять не унимался ключ, но он меня больше не занимал. Я с обидой потирала пыхавшую жаром щеку и гадала, в чем же провинился горбач. За что с ним так жестоко?

Коридор закончился лифтовым холлом. Эмгэбэшник нажал на кнопку вызова и, когда створки открылись, пропустил меня. Крохотная кабинка поднималась на верхние этажи медленно, со скрежетом.

Следователь тем временем подждал меня в кабинете, облокотившись на стол и сложив руки домиком. Это был молодой, не старше тридцати, лейтенант с нагловатой рожей и залитыми волосами. Я села перед ним на стул, черт знает зачем привинченный к полу, и напустила на себя вид открытого, честного, уверенного в своей правоте человека. Мне казалось, что это очень важно – произвести хорошее впечатление, расположить к себе.

На следователя же мои ухищрения, однако, не подействовали. Он проворно pokrutil зубами зажженную папиросу и покопался в документах, невидящим взором скользнув по строчкам. Достал из нужной папочки протокол допроса с заранее заполненными вопросами.

– Гражданка Загорская, вы обвиняетесь в антисоветской деятельности, – объявил следователь без предисловий. – Признаете свою вину?

– Нет, не признаю!.. – получив право высказаться, воскликнула я. От густого табачного дыма, клубившегося в кабинете, запершило в горле.

– Вот как, – ответил он, то ли ставя пометки в бумагах, то ли со скуки рисуя карандашом бессмысленные закорючки. – А у нас имеются показания, согласно которым вы необоснованно осуждали членов Правительства.

– Ваши показания неверны, я никогда ничего подобного не делала! – жарко отрицала я. – Вы меня с кем-то перепутали! Меня зовут Нина Борисовна Загорская, я...

Офицер затушил папиросу и пристально взгляделся в меня.

– Информация поступила от людей, которым можно верить, – перебил он. – Наши осведомители слышали антисоветские заявления от вас лично, и, между прочим, неоднократно.

– Позвольте спросить, при чем тут антисоветские заявления? – изумилась я. – В чем, собственно, преступление против государства, если я, как вы полагаете, осуждала членов Правительства?

– Раз вы критикуете представителей советской власти, значит, выступаете против нее самой, – растолковал мне следователь со смешком.

«Моя жизнь сошла с рельсов, – размышляла я, пока он ораторствовал с умным видом. – Надо, чтобы поезд вернулся на колею».

– Послушайте, пожалуйста... – я улыбнулась одним уголком рта, чтобы втереться к нему в доверие. – Я не осуждаю членов Правительства. И тем более не выступаю против советской власти. Я – жена Сергея Загорского, всеми уважаемого советского служащего, отмеченного за заслуги самим...

– И дочь врага народа, – вклинился чекист, явно довольный своим замечанием.

– Я невиновна, – отрезала я, пропустив мимо ушей отсылку к делу Адмиралова. Иначе совсем увязну...

Хмыкнув, он откинулся на спинку кресла. Похоже, мои жалкие попытки защититься развлекали его.

– О каких членах Правительства идет речь? – спросила я, запаниковав. – Назовите мне их имена! Может быть, это наши с мужем друзья, и мы уладим это недоразумение...

– Лучше вы мне сами расскажите, о ком болтали, и мы обязательно оценим ваше содействие следствию.

У меня едва не слетел с языка вопрос о Громе. Конечно, конечно, этот арест – его рук дело. Но стоит мне упомянуть министра госбезопасности, намекнуть, не о нем ли говорится в заявлениях стукачей, как следователь тут как тут – ухватится за ниточку, которую я сама ему любезно протяну. Ни за что!

– Ни о ком я не болтала, – бросила я.

– Угу, угу, – промычал он с иронией.

– Позвоните моему мужу Сергею Яковлевичу Загорскому, – попросила я. – Он во всем разберется, он убедит вас, что меня попросту оговорили... Я назову номер!

– Может, подпишете бумагу и не будем тянуть? – спросил следователь, сверив время по часам на стене. – У меня скоро обед.

– Ваша информация – какая-то ошибка, неужели вы не понимаете? – затараторила я с придыханием, придя в замешательство от его непробиваемости. Какой, к чертовой матери, обед, когда на кону – моя жизнь! – Я ни разу не нарушила закон. Осведомители меня с кем-то перепутали. Перепроверьте еще раз... Я никогда...

Следователь захохотал так же весело, как тюремщица, копавшаяся у меня в волосах. Я осеклась.

В поле моего зрения попали и другие папки. Горы папок. На столе, в шкафу и, вероятно, вон в том закрытом сейфе тоже. Зазвонил черный телефон, и офицер, выслушав собеседника, коротко ответил «да», после чего повесил трубку. Хлебнув воды, он снова заладил свое про антисоветские заявления, и про оклеветанных членов Правительства, и про расстрелянного

врага народа Бориса Адмиралова, но я ни в чем не созналась, так что он отправил меня обратно в камеру.

Через час я пошла на второй допрос, уже к другому следователю. Вопреки моим ожиданиям, ему тоже до сих пор не сообщили о том, что в МГБ ошиблись и взяли невиновного человека. Отпустить он меня не собирался.

– Позвоните моему мужу! – настаивала я.

– Не положено! – отрезал следователь.

Он выдвигал все те же обвинения, что и первый, тоже смеялся, пока я отнекивалась как могла, и, не поверив мне ни на йоту, позвонил конвоиру, чтобы забрал. В коридоре я встретила мужчину с майорской одной звездой между двумя васильковыми полосами на погонах и, надеясь на его благоразумие, рванулась навстречу – может, хоть он осознает всю абсурдность этой ситуации и немедленно свяжется с Сережей? Однако поговорить с ним я не успела: конвоир повалил меня на пол и три раза ударил дубинкой по спине, на мгновение лишив меня возможности дышать. Майор скрылся за углом, читая на ходу бумаги.

– Да как вы смеете?.. – ахнула я, глубоко задетая столь неуважительным обращением.

Конвоир без слов сделал еще несколько ударов.

К утру на моем счету было уже пять допросов, и ни один не принес результатов. Я не на шутку напугалась, ведь судьба моя оставалась все такой же безызыскной, а света в конце тоннеля как-то не предвиделось. Почему Сережа не идет, куда он запропастился? Уму непостижимо, что он позволил продержать жену в клетке целую ночь! Что он бездействует, пока меня бьют! Какой ему представился шанс искупить свою подлость!

Память настойчиво подсовывала мне под нос страдальческое лицо мужа – то самое, с каким он сидел, когда я закатила ему скандал после балета в Большом театре, – но я отгоняла его прочь. Сережа заслужил ту взбучку. По правде сказать, он заслужил еще сотни таких взбучек!

Я вымоталась и, пропустив положенные мне ужин с завтраком, зверски проголодалась. Сейчас бы ту порцию шучьих котлеток... А лучше три порции, да картофельного пюре побольше. От борща с горой булочек, столь бережливо сложенных на блюдечке соседом, я бы тоже не отказалась.

Спина гудела после ударов дубинкой. Камера наполнилась запахами из туалетного ведра, и меня колотило от отвращения. Даже животные не гадят там, где спят! А спать мне хотелось, очень хотелось. Тревожный короткий сон и изнурительные допросы начали сливаться воедино, отчего сознание стало мутным, заторможенным. Мысли порой обрывались в середине, не подойдя к своему логическому завершению. «Вот поживу с недельку в таком режиме... – вяло шевелила я мозгами. – Утрачу чувство реальности... Где явь, где сон – неясно... Сон... Спать». Уснула. Через минуту растолкал надзиратель – днем спать было запрещено.

Настал третий день ареста, а следователи до сих пор не выпытали из меня признания. Тогда они сменили тактику, перейдя к более топорным методам. Сперва посыпались угрозы – мол, поселим в карцер, лишим еды и воды. Затем один из чекистов ударил меня кулаком в челюсть.

– А ну-ка не распускай руки, олень! – заорал другой. – Нам же сказано – без следов! На девчонке не должно быть синяков и ссадин, понял?

– Понял, – виновато пробурчал тот.

Я слизнула с губы кровь.

Рук действительно больше не распускали. Меня били мешками с песком – это очень больно, но не оставляет отметин на теле. Процедура была простой: я стояла посередине кабинета, один следователь сидел за столом и повторял вопросы, второй дубасил меня мешком.

Иногда приходил третий, помогал, если второй выматывался. Самые мощные удары валили навзничь. А валяться они не разрешали.

«Отец терпел пытки, пока был под следствием, и ты не хнычь», – бодрилась я, поднимая свою избитую тушу с пола.

– Ну что ж ты такая несообразительная, – будто бы смягчившись, сказал следователь за столом, пододвинув ко мне признание. – Если все подпишешь, мы же тебе лет пять дадим, не больше! Все сотрудничают, а ты сама себе могилу копаешь, дура!

– Люди всех друзей и коллег у нас сдают, а ты на такую ерунду не соглашаешься! – покачал головой другой, замахнувшись мешком с песком. – У тебя статья-то легкая, считай – детская! Для анекдотистов и болтунов!

Я закрыла голову, и мешок с песком ударил по кистям. В обед выронила из дрожащих рук миску, выплеснув горячий суп себе на ноги. Измученная голодом, я в сердцах швырнула пустую посудину обратно на кормушку. Надзиратель, поджав губы, молча налил мне вторую порцию, погуще первой. Я, тоже молча, начала лакать суп прямо так, с этой кормушки, осторожно наклонив миску ко рту. Тогда до меня еще не доходило, что выдавать вторую порцию в подобных случаях «не положено». И вообще, за швыряние казенным имуществом можно было загреметь в карцер...

Мои надежды на освобождение были уничтожены ранним утром шестого дня. Зайдя в камеру, надзиратель оставил передачу от Загорского: фанерный чемодан, пальто, ботинки, брюки, свитер, белье, зубной порошок со щеткой, мыло, хлеб, колбасу, сыр, шоколадные конфеты и пять тысяч рублей.

– Не спать! На выход!

Ох уж этот требовательный голос, вырывающий из поверхностного, мучительного, полного странных и тревожных видений сна, который застал меня, когда я сидела на табурете, прислонившись к стене. Я подняла тяжеленную голову и почувствовала головокружение. В проеме мелькнула спина конвоира – ах, он уже уходил, а мне нельзя медлить, ни в коем случае нельзя! Кряхтя, как старуха, я вскочила с табурета и побежала за ним – ну как побежала, поплелась быстрее обычного.

Вряд ли я теперь отличалась от того горбача. Ноги шаркали по полу, и я не находила сил поднимать их выше, чтобы подошва обуви перестала задевать ковер-дорожку. Спина скрючилась. В горле пересохло. Я сглотнула, но слюны не было. Веки липли друг к другу, когда я моргала. Глаза болели и чесались. Тошнило – от голода, от стресса, от переутомления, от жизни.

Казалось, что в коридоре сегодня холоднее, чем в предыдущие дни. И еще сыро, очень сыро. Меня прошиб озноб, поползли колючие мурашки.

Стук ключей. Навстречу шли! Прозвучал приказ. Вздвогнув, я скорей прижалась к стене всем телом: и лбом, и животом, и коленями. Опустила голову так низко, как могла, аж шея заболела. Зажмурилась на всякий случай. Лишь бы конвоир не заподозрил, что подглядываю.

Молчал – выходит, не сердился. Повезло.

Шаги удалились. Я стояла ни жива ни мертва, и только когда чекист велел продолжить путь, посмела отлепиться от стены. Налево! Мы свернули за угол и оказались на лестнице. «Почему лестница... – не понимала я. – Раньше был лифт. Всегда лифт. Ну и пес с ним».

Мышцы ног отяжелели, точно их набили гирями. Я споткнулась о ступеньку, ударив голые пальчики, и ругнулась на свои ни в чем не повинные босоножки. Некстати вспыхнуло очередное головокружение, в глазах закружились звездочки. Я схватилась за макушку, восстановила равновесие. С опаской покосилась на своего спутника. Его не прогневала заминка. Хорошо...

Вот она, лестничная клетка, конец моих страданий. Из груди вырвался облегченный выдох. Чекист кивнул своему сослуживцу, дежурившему на этаже, и повел меня дальше. Вокруг маячили офицеры – холеные, румяные, надменные. Я плутала между ними, как юро-

дивая в кругу блистательных дам и кавалеров. «Хлебушку, что ли, выклянчить», – старалась я рассмешить себя. Не получилось – лишь сильнее раззадорила голод. В животе заурчало, накатила злоба.

Чуть не прикрикнула на конвоира: живей, мне надо к обеду успеть! Но я не прикрикнула – боялась, ударит. И неважно, что этого я видела впервые. Все они были для меня на одно лицо, даже так – на одну руку.

Остановившись у белоснежных дверей, эмгэбэшник осторожно постучал. С той стороны раздалось одобрительное бормотание. Меня втокнули в кабинет. Тут было тепло, просторно, уютно, совсем не сыро; только слишком ярко, глаза с непривычки резало. Я убрала спутанные сальные волосы с лица и зевнула, сама ощущая исходившую от меня вонь.

– Добрый вечер, Нина! – обратился ко мне хозяин кабинета. Он вальяжно сидел прямо на огромном столе, покрытом зеленым сукном.

Громов, чтоб его. На сей раз он предстал передо мной не гулякой во хмелю, а серьезным мужчиной при генеральском мундире цвета морской волны с двумя рядами золоченых пуговиц и тремя звездами на погонах.

– Уже вечер? – безжизненно промолвила я, чем вызвала веселую улыбку министра госбезопасности.

– Как вы себя чувствуете? – Громов прикинулся внимательным, поправив фуражку с золотым шитьем по околышу.

Я проигнорировала сарказм. Сложив руки на груди, он с пристрастием изучил мое смятое оливковое платье, разодранные колени, засохшие губы.

– Олухи, – плюнул он, увидев синяк у подбородка. – Не выношу, когда женское тело порчено.

Министр слез со стола и обошел меня по кругу, как акула – свою добычу.

– Ты так и не призналась в антисоветской деятельности? – прошептал он мне в ухо.

– Я никогда не занималась антисоветской деятельностью, – сказала я, не узнавая собственного голоса. Он ослабел и неприятно трескался.

– Все вы так говорите, – отмахнулся Громов. – «Я невиновен, я ни в чем не сознаюсь, я требую справедливости!» Тьфу!

Он подошел к шкафу со стеклянными дверцами и аккуратно, будто брал на руки новорожденного, достал бутылку коньяка. Налив себе в специально припасенный для таких случаев коньячный бокал, он опрокинул спиртное в рот.

– Слушай меня, милая, – произнес Громов, проглотив, – и слушай внимательно. Тебя пожалели исключительно по моей просьбе. Обошлись мягко, так сказать по-джентльменски. Если бы не я, разговор был бы совсем иным. У нас много особых методов.

Я рассмеялась. Сухие губы неприятно стянуло.

– Мягко? Вы считаете, что битье мешками – это пустяки?

– Конечно, пустяки, а ты на что рассчитывала? – неразборчиво пробурчал Громов: он сосредоточенно жевал дольку лимона. – Ты же, поди, не ходила в камеру с клопами? Или в гости к уголовникам?

«Молчи, Нина, молчи!» – скомандовала я себе.

– Нет, коли ты одумалась, я готов принять на веру твое исправление.

Он улыбнулся мне – коротко, ядовито, вызывающе. И хотя Громов загнал меня в ловушку, и хотя руки его были развязаны, сегодня он меня не трогал. Он подступил вплотную, и все.

– Что скажешь? Будешь примерной девочкой?

«Соглашайся, – очнулся мой самый рассудительный внутренний голос. – Перестань строить из себя неприступную гордячку. Сделай то, чего от тебя просят. Неужели сложно? Пару раз

потерпишь – и гуляй. Громов быстро наиграется и найдет себе новую любовницу, он ветренный малый. Ты же освободишься из тюрьмы и вернешься домой целехонькой».

«Если откажешь, он изнасилует тебя из мести, – поддакивал другой голос. – Кто ему помешает? Здесь, на Лубянке, в его же кабинете? Так или иначе он получит желаемое. А ты – вдобавок к унижению – боль и чувство абсолютной беспомощности».

Не спорю, выводы их были логичны и весьма убедительны; мне нечем было возразить им. И все же я не нашла в себе смирения. Не могла я перешагнуть через себя, не желала потакать капризам Громова, не умела принимать поражение. Надо было ответить Громову «нет», бесстрастное «нет», а дальше пусть сам разбирается, что со мной делать.

Однако на меня, к несчастью, снова разрушительной лавиной накатили эмоции. Глаза заволокло красной пеленой. «Он посадил меня только за то, что я не дала ему! – с горечью кричал именно тот голос, который подначивал меня на самые вспылчивые поступки. – Чего стоило этому подонку переключиться на любую другую женщину? На ту, которая с радостью переспит с ним ради своей выгоды? Сколько их тут, у него под боком, красивых, как куколки, и податливых, как воск? Сколько талантливых и бездарных актрис, рвущихся на экран? Сколько танцовщиц и певиц, стремящихся попасть на сцену? Зачем пытаться сломить меня? Для того, чтобы потешить самолюбие? Почувствовать себя всевластным? Он запросто взял – и погубил меня, раздавил, как мошку! Чего терять? Чего терять?!»

– Пошел ты к чертовой матери, паскуда! – брякнула я со всей скопившейся во мне ненавистью. – Уж лучше камера с клопами, чем твои мерзкие объятия!

Никогда не забуду этого перекошенного лица. Как он растерялся! Как отшатнулся от меня, покрывшись пятнами! А я тем временем приготовилась к атаке. Встала прямо, расставила ноги, как если бы надо мной вновь занесли мешок с песком. Голова гудела, комната плыла, но я стояла, я держалась.

Нет, Громов не накинулся на меня. Вместо этого он, придя в себя, развернулся обратно к своему столу.

– Это был последний шанс! Последний шанс! – сокрушался он, брызжа слюной. – Ты сполна заработала путевку в лагеря, упрямая сука! И не куда-нибудь, а в самый дальний! Самый невыносимый! На Север сошлю! Поверь, участь незавидная! Койка на Лубянке покажется тебе пуховой периной по сравнению с колымскими или норильскими нарами!

Громов залпом выпил вторую порцию коньяка.

– И не вздумай воротить нос, если кто-то из чекистов заинтересуется тобой! – с ученой миной напутствовал он, наливая третью. – Оставь свои глупые принципы! Недотрога, тоже мне! Учти, начальники лагерей не обхаживают баб, как я, они далеки от моего милосердия! Пожалеешь, ох пожалеешь, что отказала! Лучше камера с клопами, ну надо же!

В памяти пронеслась красная ткань – развеваясь по ветру, она летела вниз вместе с Ирой прямо к асфальтовой дорожке.

«Может, стоило поступить, как Чернова? – задумалась я. – И наложить на себя руки, прежде чем грянули эмгэбэшники? Ну правда, что меня ждет в лагерях? Я не привыкла ни к тяжелому труду, ни к уголовному контингенту, ни к голоду. Что там произойдет с балованным, упертым человеком? Что там станет с молодой женщиной – в месте, где мужчинам все дозволено?»

Точно прочитав мои мысли, Громов нашелся:

– Такие, как ты, там без дела не кукуют. Лагерщики любят вызывать девочек к себе и пускать их по кругу. Некоторые и вовсе устраивают гаремы из зэчек. Шмары трахаются с ними, моют их, стирают им белье, дряят унитаза...

Его лицо вытянулось, когда я озадаченно сдвинула брови.

– О, ты не знаешь, кто такие шмары? Филолог, называется! Это любовница или проститутка, по фене. Иначе говоря, блядь. Ничего, разберешься! И язык лагерный выучишь,

и дружбу с моими ребятами заведешь. Тем, кто хорошо их обслуживает, иногда сокращают срок.

«Сколько времени понадобится, чтобы загнуться в лагере? – прикидывала я, с трудом представляя тамошнюю жизнь, о которой, конечно же, говорить было не принято, а думать – боязно. – Умная Ирка... Все одно – помирать. Тогда к чему лишние мучения?»

– Да чего я рассказываю? – спохватился Громов. – Скоро ты все разведаеть сама. Подпиши только бумаги, не то отменю приказ быть с тобой помягче. И спустя пару дней ты у нас не десятку, а четвертак себе подпишешь...

Я проволочила ноги к столу и подписала то, что меня заставляли подписать следователи – признание в антисоветской деятельности. Громов выпил четвертую.

– Лучше камера с клопами, говорит! – раненный, похоже, в самое сердце, все передразнивал Громов. – Счастливого пути, Нина. И удачи...

Глава 2

Как я узнала позже из рассказов других заключенных, многие годами кочевали по пересыльным тюрьмам в разных областях СССР, прежде чем осесть в каком-то конкретном лагере. Со мной случилась другая история.

Меня очень спешно этапировали. Я не сразу поняла, с чем связана такая суета. Каморку свою на Лубянке занимала пару дней после встречи с Громовым, потом состоялся суд, более напоминавший спектакль. На то, чтобы осудить меня, им потребовалось полчаса – и права высказаться мне не предоставили. За мной, как в конвейере, ждали своего приговора еще десятки человек. Получив клеймо врага народа, я отправилась в путь. Долгий, изнурительный путь.

Начался он с душного темного фургона с надписью «Почта», в котором не было ни единого окна, зато битком – осужденных, таких же немых, потных, обозленных, как и я. Потом нас запихнули в вагонзак, где мы ехали по шесть-восемь человек на четырехместную клетку. В Красноярске этап сдали на несколько дней в огромный пересыльный лагерь. Там мы ждали речного этапа. Пароход доставил нас в конечный пункт назначения, и вот, уже в последних числах августа 1949 года, мы причалили в Игарку.

На Крайний Север.

Во время трехнедельного плавания я присматривалась к своим подругам по несчастью – остальным женщинам-заключенным – и осторожно стала расспрашивать про лагерь, в котором нам предстояло отбывать срок. Сидя на нарах в трюме, я воображала серо-синие воды Енисея за глухой стеной парохода и слушала о какой-то там Трансполярной магистрали, которую мы, стало быть, едем строить.

Будущая железная дорога должна была протянуться от берегов Баренцева моря до побережья Охотского моря и Чукотки. А почему этап везли столь торопливо, так это потому, доходчиво объясняли мне, что в Заполярье короткая навигационная пора. Грузы с Большой земли нужно было доставить до наступления морозов, а они тут ранние гости. Пока путь не сковало льдом, пароходы и лихтеры один за другим закидывали рабочих, уголь, продовольствие, мотки колючки, лесоматериалы, паровозы, горючее для двигателей, инструменты и оборудование для строительства. Даже экскаваторы сгружали – эти машины считались редкой роскошью по меркам ГУЛАГа.

Проектом занимались стройки №501 и 503. Первая сейчас прокладывала участок Чум – Салехард – Коротчаево, вторая – Коротчаево – Игарка. Они как бы шли навстречу друг другу, чтобы сомкнуть магистраль где-то в середине маршрута. Мы плыли на 503-ю стройку, административный центр которой расположился в Игарке. И хотя полевые работы по Северному железнодорожному пути начались еще в 1947 году, я до сих пор ни разу не слышала о нем, при том что муж всегда держал меня в курсе последних событий.

– Ничего удивительного, – вяло пожала плечами Наташа, переведенная на 503-ю из Вятлага Кировской области. – Стройка засекречена, ты не могла знать о ней на воле.

Она сглотнула, сдерживая рвотный позыв. Уже третий раз за минуту. Наташа страдала морской болезнью и временами, когда покачивание парохода усиливалось, зеленела от тошноты. Лоб ее покрывался холодным потом, руки сжимались в кулаки от головной боли. Потом вроде бы легчало, но легчало только до нового приступа.

Я заприметила Наташу на второй день плавания. Привлекли меня то ли ее живые голубые глаза, то ли серьезное, терпеливое выражение лица бывшего заключенного, но я сразу захотела

быть ближе. Наверное, нуждалась в ком-то уверенном, матером, постигшем науку выживания. Наташа оказалась из своих, осужденных по 58-й статье¹¹. Измена Родине.

– Вот в лагерях, расположенных в центральной части страны, про пятьсот первую и пятьсот третью слышаны, – продолжала она, подавив очередной позыв. – Начальники административных у нас клич били. Искали добровольцев на тяжелую стройку.

– Искали добровольцев среди зэков? – переспросила я с недоверием. – Да кто же поедет на Север по своему желанию?

– А многие едут, между прочим, – возразила Наташа сквозь зубы, почти не открывая рта. – И я тоже поехала. Понимаешь, там систему зачетов ввели. Год на той стройке засчитывается за полтора, а если план перевыполняешь, так и за два сразу. Боже милосердный, что ж так дурно-то!.. Тебе, например, сколько дали?

– Десять лет, – сказала я, и слова мои пронеслись мимо ушей пустым звуком. В реальность своего приговора я так и не поверила.

– У-у-у-у, – протянула Наташа со значением и бросила на меня полный зависти взгляд. – Детский срок. Повезло... Если постараться, лет через пять-семь можешь выйти.

– Вот так удача, – усмехнулась я с сарказмом. – А у тебя какой срок?

– Двадцать пять лет. – Она улыбнулась в ответ, но ее улыбка получилась грустной. – Или, как в лагерях говорят, вышка. Полная катушка. Три года в Вятлаге я уже отпахала, осталось двадцать два. А с системой зачетов, надеюсь, лет через пятнадцать освобожусь.

Я прикусила язык, почувствовав себя неловко со своей жалкой десяткой. Двадцать пять лет! Это же четверть века. Да нет, это целая жизнь. Потерянная, загубленная зря жизнь. Каторжные дни будут идти один за другим, потихоньку умерщвляя душу и тело, пока не наступит смерть – безвестная, одинокая, долгожданная. И похоронят-то не на малой родине, не возле родного дома, а прямо там же, в чужой, холодной для тебя земле. И на могилке вместо плачущих членов семьи будет стоять незнакомый человек в робе, раздраженный лишними хлопотами в морозный день. Двадцать пять лет – слишком много. Уж лучше в самом деле было поступить как Чернова.

– Так здесь большинство – добровольцы? – спросила я.

– Насчет большинства ручаться не могу, но то, что заключенные сами стали в Заполярье вызываться, – чистая правда. Говорят, только из моего Вятлага тысячу человек набрали. Охота поскорее срок отбыть, знаешь ли.

Девушку, стоявшую напротив нас, внезапно вырвало. Вонючая желтоватая масса расплескалась по стене и потекла на пол. Дневальная немедля подскочила к люку и забарабанила, требуя от конвоя швабру с водой. Спустя пару минут дежурный передал ей вниз грязную тряпку, пахнувшую немногим лучше рвоты. Не обращая внимания на то, что девушку до сих пор мутит, дневальная сунула ту тряпку ей под нос и велела затереть следы.

Позеленев опять, Наташа зажала рот рукой и отвела глаза.

– И все-таки не укладывается в голове, – обронила я, когда в трюме прибрались, а к щекам моей новой знакомой вернулся относительно здоровый оттенок.

– Что не укладывается?

– Ты не думала, что это, возможно, ловушка? Как бесплатный сыр в мышеловке? Ну то есть зэков поманили льготами, посулили им досрочное освобождение, но что придется отдать взамен? Выгодна ли эта сделка? Мы едем на Север. В опасные, необжитые края. Вот ты привыкла к лютым морозам? Градусов эдак пятьдесят ниже нуля?

– Я родом с Юга, из Ставрополя, – сухо пояснила она.

¹¹ Статья советского Уголовного кодекса, по которой осуждали за контрреволюционную деятельность, государственную измену, шпионаж, террористические акты, пропаганду и агитацию, контрреволюционный саботаж и другие государственные преступления.

– И я не привыкла... А вдруг там первобытные условия? Вдобавок кормят, как свиней? Не выдают теплых вещей? Селят в плохо отапливаемых бараках? Заставляют работать часов по четырнадцать? Лечат абы как? Не лучше ли отбыть весь срок в другом лагере, но выжить, чем купиться на байки о бонусах и умереть прежде, чем получишь заветную бумажку?

– Прикончить где угодно может, – отвергла Наташа мои умозаклучения. – А здесь – свобода у носа маячит, сил придает. Прямо как весеннее солнце в конце зимы. Ты, Нинка, еще не знаешь, что такое надежда. Погоди, будет с тебя. Еще научишься за кости свои бороться...

– А как за них бороться? – Я придвинулась к ней.

– Выбиваться на более легкие работы, – сказала она. – Главное – получить лагерную профессию, которая спасет тебя от каторжных работ. Какая у тебя профессия, кстати?

– Филолог.

– Не пойдет, – сморщилась Наташа. – Филологи здесь не нужны. Повара, парикмахеры – это да. Я в Вятлаге сидела с художниками, преподавателями, литераторами, музыкантами, партийными работниками, а в люди выбился кто? Маникюрщица! Прислуживала лично начальнице лагеря! Но больше всех везет специалистам, которые разбираются в строительстве. Они живут почти как вольные... А вот тебе тяжело будет. На худой конец говори, что медсестрой была. Может, в санчасть куда-нибудь пристроят. Хотя меня так и не пристроили за три года...

– Да тут каждая вторая говорит, что на фронте медсестрой работала, – хмыкнула наша соседка, в прошлом генеральская жена.

Когда пароход прибыл в Игарку, измученная морской болезнью Наташа счастливо выдохнула и ринулась наружу. Я же шла из трюма, как на эшафот.

Выстроившись в гигантскую очередь, мы поднимались на палубу парами, парами же сходили с трапа на пристань, а на пристани занимали места в колонне. Все прижимали к себе кулечки, сумки. Мы с Наташей тащили фанерные чемоданы.

Началась перекличка. Пытаясь удержаться на подгибающихся ногах, мы смотрели невидящим взором перед собой, дышали друг другу в затылки и ждали каждый свою фамилию. Наташа откликнулась на Рысакову, я – на Загорскую, после чего мы обе замолчали, уткнувшись носами в воротники. Некоторые женщины робко поглядывали назад: там мужчины, тоже из заключенных, разгружали судно.

Крайний Север встретил нас настоящей осенней промозглостью. В этот августовский день, когда далекая Москва наверняка еще сияла яркими зелено-голубыми красками и раскалялась на жаре, пахла созревающими в лучах солнца яблоками и готовилась принимать поставки спелых арбузов с юга, Игарка мрачно посерела и охладилась примерно до семи градусов тепла. По крайней мере я ощущала именно столько. Небо сдавили грозные тучи, и вид их был настолько унылым, что внутрь меня тут же закралась невыносимая тоска. Город могло в любую минуту затопить то ли дождем, то ли уже мокрым снегом, что было непостижимо уму коренной москвички, привыкшей встречать первый снегопад не ранее чем в октябре или ноябре. Порт, слабо освещенный высокими фонарями, скорострительно погружался во тьму.

Енисей причудливо изгибался у Игарки полукругом. С приходом сумерек он казался глубже, холоднее, но вместе с тем и заражал своей умиротворенностью. Пока пристань кишела народом, по ту сторону берега чернели безмолвные, бескрайние просторы лесотундры. Я различала лишь острые верхушки деревьев, клиньями врезавшиеся в небосвод. Этот город, пусть и маленький, был спасительным буйком, нет – уютной колыбелью среди дикой, беспощадной к людям природы.

Когда старшина, начальник конвоя, досчитался всех из списка, нас поместили в Игарский пересыльный лагерь, а уже со следующего дня стали распределять на работу. Лагпунктов тут было много, по одному через каждые 10—15 километров. Большинству, в том числе и Наташе, предстояло отсыпать железнодорожное полотно. Пару сотен женщин из нашего этапа напра-

вили в так называемые «Уклад городки», где занимались укладкой рельсов и шпал. Меня вместе с еще несколькими десятками эчек определили в женскую лесоповалочную колонию №25.

«Лес валить – это как? Разве женщины это умеют?» – сомневалась я, разглядывая свои тонкие, нежные руки.

Нас и наши скромные пожитки погрузили в волокуши, прикрепленные тросами к тракторам. Громыхая, прыгая на кочках, ревя двигателями, четыре машины катили по тропам, а мы в волокушах болтались у них позади. Тракторы пробирались по бездорожью туда, к неприимой лесотундре, прочь от привычной мне жизни. Огни порта Игарки тускнели, а потом и вовсе канули в темноте, забирая вместе с собой глупые надежды на возвращение.

– По краю болота едем, – боязливо шепнула одна из осужденных, заметив, что в свете фар «поджигается» поверхность топи. – Ох, как бы не поскользнулись колеса! Не приведи господь рухнуть в пучину!

Женщины испуганно вскрикнули и кинулись к бортам саней, чтобы тоже взглянуть на болото. Меня, сидящую как раз у края, придавило под их натиском.

– Дура! Хватит каркать, не то и впрямь свалимся, – ошетичилась женщина в полушубке. В добротном таком, теплом полушубке. Не двинувшись со своего нагретого места, она зевнула. – Шофер-то целыми днями туда-сюда мотается. Авось знает, куда машину направить.

– Иисусе! Спаси и сохрани... – не поверив той, что в полушубке, одна из девушек принялась молиться вслух. На ней были поношенная одежда, зато крепкие кожаные сапоги.

В лицо дыхнул студеный северный ветер. Пробивая броню тонкого шерстяного пальто и ботинок без подкладки, присланных Загорским, он пробирался под кожу, к костям и внутренностям. Как бы в подмогу ему, заморосил мелкий, противный дождичек. Я обхватила плечи и согнулась пополам, стараясь унять дрожь. Шерстяные чулки с шарфом не спасали от непогоды. Свитера у меня больше не было, его своровали уголовники. Прихватили они также большую часть моих денег – три тысячи – и роскошный бюстгальтер из персикового шелка (а потом представляли в нем перед красавцем-надзирателем, продававшим им курево). Хорошо хоть, не догадались заглянуть ко мне в кармашек трусов, куда я спрятала оставшиеся две тысячи...

Спустя пару часов и несколько молитв, распетых бесчисленное количество раз хриплым хором обращенных к небу заключенных, тракторы добрались до лесоповалочного лагпункта. И наконец – вот она, впереди. Приветствовала новый этап. Колючая проволока, протянутая в несколько ежистых рядов, огибала всю режимную зону и поблескивала в лучах фонарей. «Труд в СССР – дело чести, дело славы, дело доблести и геройства!» – гордо гласила надпись на табличке, подвешенной над въездной аркой.

Охранники открыли ворота, чтобы впустить тракторы. Истошно залаяли собаки, срываясь с поводков у вооруженных мужчин.

Одноэтажные деревянные дома, узкие тропинки, сонно прогуливавшиеся люди. Колония могла бы сойти за обыкновенную деревушку, если бы не заскучавшие стрелки на вышках (попки, как их тут величали) и угрюмые конвоиры, месившие грязь сапогами в ожидании этапа. Проходившая мимо девочка-подросток в шерстяном платке остановилась и, разинув рот, с любопытством вытаращилась на нас.

– Пшла! – будто на дворовую шавку, гаркнул на нее конвойный.

Поджав невидимый хвостик, девочка убежала.

Я наблюдала за происходящим отчужденно, словно меня здесь не было, словно я просто развалилась в мягком кресле перед экраном и смотрела тяжелое кино. Не могла я свыкнуться с тем, что этот грубый, неудобный лагерь будет моим домом. Домом!.. Шутка ли? Подходит ли такое теплое слово столь убогому пристанищу?

Мы продолжали смиренно сидеть в волокушах невзирая на то, что дождь усиливался, а голод сжимал желудок; только когда кто-то из погон приказал спуститься, мы, хватаясь

негнувшимися от холода пальцами за перекладыны, неуклюже спрыгнули на землю и построились. Я оступилась и угодила в лужу, замочив дырявые, как вышло на поверку, ботинки.

Перед нами предстала начальница лагпункта капитан Аброскина. Упитанная низкорослая женщина была одета в аккуратные сапожки на невысоких каблуках и в шинель с васильковыми кантами МВД на погонах. Узкие глаза, тонкие брови, маленький нос и плотно сжатые губы визуально проваливались на ее толстощеком лице.

– Здравствуйте, гражданин начальник! – не то чтобы сказали, а как-то промямлили уставшие донельзя мы.

– Это так у нас начальство приветствуют? – недовольно вздернула свою тонкую бровку Аброскина.

– Громче! – скомандовал усатый конвоир, прошествовав вдоль первого ряда. Оскалив клыки, на нас зарычала натянувшая поводок овчарка.

– Здравствуйте, гражданин начальник! – закричали мы что есть мочи.

Капитан не проронила ни звука, хотя и смягчилась. Подоспевший младший лейтенант, который сопровождал этап от порта до лагпункта, раскрыл над ней зонт, и капли дождя забомбили по куполу. Мы скоростажно намокали. Аброскина отбросила длинную косу на спину и критически рассмотрела прибывших.

– А че они дохленькие такие? – огорчилась она. – Где рабочая сила? Мне сказано – норму повышать. Эти ноги еле переставляют, куда им лес валить?

Аброскина приблизилась к строю, за ней – мужчина с зонтом, и они вместе оглядели с ног до головы ту самую эчку, которую рвало в трюме по пути в Игарку. Ее, похоже, все еще тошнило. Девушка приложила костлявые руки к животу и сглатывала, не поднимая взора на начальницу. Лейтенант замялся.

– Отобрали самых крепких, Анна Николаевна, – оправдался он перед начальницей.

– Ты, что ль, Чупин, отбирал? – отозвалась она, задумчиво приподняв подбородок молодой симпатичной грузинки. – У нас таких, как эта, – вагон и маленькая тележка. Нам рабочие нужны!

Потупившись, Чупин смолк.

– Ну, дылда ничего, – снисходительно кивнула Аброскина на меня, и тотчас стало ясно – не видать мне легкой работы, как собственных ушей.

Поругавшись себе под нос, капитан отошла от костлявой и махнула рукой Мельниковой, своей помощнице по труду. Та выставила перед собой папку с документами и устроила сотую на моем счету переключку. У Мельниковой были визгливый, режущий слух голос и пронзительные орлиные глаза.

– Назарова!

– Назарова Александра Викторовна, статья сто сорок два, четыре года.

– Пушкарева!

– Пушкарева Зинаида Игоревна, статья пятьдесят восемь, шесть, двадцать лет.

– Адмиралова!

Я вздрогнула. Фамилия показалась до боли знакомой.

– Адмиралова! – возопила еще выше Мельникова. – Заснула, что ли, твою мать?

Заключенные стали озираться, разыскивать непутевую кукушку. По колонне пронеслись шепот и смешки. Нахмурившись, я неуверенно заговорила:

– Девичья фамилия Адмиралова – моя, гражданин начальник. Но вот уже десять лет, как я Загорская. В прежних списках значилась фамилия мужа. Проверьте: Нина Борисовна Загорская.

Мельникова перечитала каракули в бумагах.

– Нет у меня никакой Загорской, только Адмиралова, – буркнула она. Ее сердила возникшая заминка. – Выйти из строя!

Я шагнула вперед и открыла было рот, но Аброскина меня опередила.

– Нам новые списки пришли, – пояснила она тихо. – В них ты Адмиралова. Значит, мужнину фамилию больше не носишь. Должно быть, на развод он подал, голуба...

– Ишь, скоростной какой, – ответила я со слабой улыбкой.

– Так часто бывает. – Капитан прикрыла зевок ладонью. – Никто не хочет быть женатым на враге народа. Ну, не раскисай. К нам на работы поступила зэка Адмиралова. Повтори, как было сказано изначально.

– Адмиралова Нина Борисовна, статья пятьдесят восемь, десять, десять лет, – послушно повторила я, после чего Мельникова вновь заголосила, сверяясь со списком.

Перед тем как расселиться, нам предстояло пройти обязательные для всех новичков обыск и дезинфекцию, так что от ворот мы проследовали в баню. Мы разделись догола, повесили свои засаленные одежки на крючки и образовали новую длинную очередь, растянувшуюся от моечной вплоть до конца неотапливаемой прихожей-тамбура. Пожилая надзирательница отдавала знакомые команды: распустить волосы, раздвинуть пальцы, ноги и ягодички. Слабые морщинистые руки ее исследовали наши тела. Все были чисты, кроме бывшей проститутки – у нее в заднем проходе обнаружили капсулу с кокаином, или, как выражались воровки, «затычку с марафетом».

Закончив обыск, надзирательница удалилась. Вместо нее вошли солдаты.

Прогнозы Громова сбывались.

Наплевав на переполох, который они вызвали своим появлением, охранники разошлись по разным углам. Они были крайне воодушевлены. С азартом хулиганистых мальчишек, задрающих юбки однокашницам, взрослые мужчины беззастенчиво пялились на нас и обсуждали между собой самых привлекательных, нисколько при том не стесняясь в выражениях. Уязвимые, затравленные нагие женщины завывали, всхлипывая и шмыгая носами. Поньше им не доводилось испытывать более чудовищного унижения.

– Хороша баба! – одобрил дерзкий надзиратель грузинку, отмеченную ранее Аброскиной. Под мешковатым пальто у нее обнаружили пышные формы, напоминавшие изгибы гитары.

Фигуристая явно расслышала его, но виду не подала – отвернулась. Тогда надзиратель смачно шлепнул ее по округлой заднице. Пережившая немало посягательств за время этапирования и натерпевшаяся в край, красотка горько разрыдалась. Охранники покатались со смеху.

Я ощутила спиной легкое прикосновение волос. Это зэчка позади меня подступила вплотную, чтобы спрятаться от ненасытного взгляда конвойного. Я не шелохнулась. Пусть прячется, а я себя закрывать не стану. Я притворилась, будто никаких надзирателей в женской бане не было, и просто шла в очереди к ведрам с мыльной пеной, желая одного: поскорее смыть с себя этапную грязь и поесть.

«Чего толку стесняться? – ворчала я про себя, косясь на охающих и ахающих. – Только тешить этих весельчаков. Сколько сисек и поп продефилировали перед ними, на любой вкус! Ну вылупились, ну цокают, ну отпускают пошлые шутки, и черт с ними! Не домогаются, на том спасибо».

Одеваясь после мытья, я с облегчением обнаружила, что две тысячи все еще находились в моих трусах. Нас повели в карантинный жилой барак. Мы гурьбой ввалились в переполненное, душное помещение, мало чем отличавшееся от корабельного трюма. Вдоль стен тянулись вагонки – деревянные двухъярусные нары, сколоченные блоками по четыре спальных места. Каждое такое место (по-лагерному, шконка) было предназначено для одного человека. Однако все вагонки были забиты под завязку.

Мы толпились на пороге, не зная, куда деваться. Дневальная – крупная девица с мужицкими широкими плечами – не растерялась. Она начала раскладывать нас по двое, а то и по трое, если возникала такая необходимость. Звали ее Галиной, или Галкой. Человеком Галка была,

мягко сказать, бесцеремонным. Она без зазрения совести сталкивала на край мирно развалившихся девушек, будила спящих, скидывала на пол вещи отсутствовавших. Подростков сгоняла группами на одну шконку, заставляя их уступить взрослым. Но были те, кого Галка не трогала, даже не смотрела на них. То были жучки.

Воровки сидели сплоченной командой у печи, скрестив ноги под собой, и хищно зыркали на нас, словно стая гиен на стадо зебр.

– Какие заколки у тебя красивые, – подмигнули они полной даме, у которой в волосах блестели золотые украшения.

Меня поселили с бывшей студенткой – немногословной, серьезной девушкой лет двадцати по имени Даша. Тоже из новеньких, прибыла в лагпункт вчера (но срок отбывала не первый год). Я не то что не жаловалась, а, напротив, была рада нашему соседству. Фигуристой грузинке повезло гораздо меньше. Она отчего-то сразу возбудила к себе лютую неприязнь и была сослана к храпящей, не очень опрятной с виду старухе, которая, как выяснилось позже, к тому же страдала метеоризмом.

Покормили мамалыгой, а казалось, что не кормили вовсе. После отбоя Даша повернулась ко мне спиной, задев плечом – я не поняла, нарочно или случайно, – и моментально уснула. Она еле слышно посапывала в подушку, а я ворочалась. Все пыталась привыкнуть к спертому, зловонному воздуху в бараке. Немытые тела тех, кого разместили в карантинном до нас, ночная параша с мочой, пропитанная потом одежда и свисавшее с веревок влажное после стирки белье. Это была несусветная вонь. Это само по себе было наказанием.

Так я и лежала, уставившись в потолок, когда жучки тихонько повставали с нар и пошли обворовывать прибывших. «Курочить, тут говорят: курочить, – поправила я себя. – Учи жаргон, Нина».

Жучки рылись в вещах мастерски ловко и беззвучно. Так прощупывает пациента опытный врач, выучивший за годы практики, какими движениями и в каких местах следует пальпировать тело. Я изображала спящую, когда чьи-то ледяные руки прошлись по моим волосам, ушам, шее, пальцам и запястьям. Воровка не отыскала на мне ни украшений, ни креста, зато, в отличие от жучек из трюма, догадалась пошарить в трусах. Я от безразличия и какой-то безнадеги даже не дернулась. Забрав деньги, уголовница потеряла ко мне интерес и сунулась к соседке.

Золотые заколки соскользнули с волос полной дамы, вместе с ними исчезли и кожаные ботинки молившейся в волокуше девушки. Добротный полушубок тоже куда-то запропастился.

Жучки заныкали добытые клады и возвратились на свои шконки. Стихло. Я провалилась в беспокойный сон, изредка прерывавшийся оттого, что Даша дергала ногами и мычала. Кошмары, поди, виделись.

* * *

– Подъем! – распорядилась Галка.

Так начиналось наше утро. В шесть часов.

Я выбралась из-под Даши – среди ночи она завалилась на меня, но ни я, ни она того не заметили – и протерла опухшие глаза. Вот сейчас я действительно чувствовала себя заключенной. Загнанной за колючую проволоку, как отпетая преступница, опущенной до самых низов заключенной, утратившей все цели, кроме единственной – выжить, выжить любой ценой.

Как и другим новобранцам, мне выдали типовую одежду для работы. Я скинула одеяло и принялась одеваться. Натянула шерстяные чулки, поверх них – серую юбку. Залезла в высокие сапоги, голову покрыла платком. На рубаху надела бушлат, к которому при-

шили кусок ткани с моим порядковым номером – 3-22. А может, это был чужой номер... но 3-22 больше нет.

Все серое, бежевое, коричневое или черное, бесформенное, заношенное, местами порванное. Благо, в лагерях были запрещены зеркала – я боялась увидеть новую Нину взамен той, которая носила платя с туфлями, укладывала блестящие каштановые волосы на затылке и двигалась с привитой матерью грацией. Впрочем, красоваться тут было не перед кем.

В жилую зону принесли завтрак в термосах. Первыми еду получили те, у кого была собственная посуда, другие ждали своей очереди. Пища тем временем стыла. Сделала себе пометку на будущее: раздобыть хотя бы личную миску. Ложки тут были, кстати, не металлические, а деревянные.

Я глянула на выданную мне порцию. Опять мамалыга! Да еще и кипяток вместо чая. Раздали по семьсот граммов непропеченного хлеба, съела весь. Потом уже узнала, что его резали на день и все откусывали помаленьку вплоть до ужина. Век живи – век учись, но у меня века не было, мне нужно было постичь азы по ускоренному курсу.

Позавтракав, мы встали колонной на улице. Мельникова, или трудила, как ее называли, приступила к проверке. Помни, что ты Адмиралова, твердила я себе как заведенная. Адмиралова, Адмиралова, Адмиралова... Как непривычно после стольких лет вернуться к отцовской фамилии!

– Адмиралова! – вылетело из уст трудилы.

– Адмиралова Нина Борисовна, статья пятьдесят восемь, десять, десять лет!

«Будто и не было никогда Сережи, – с грустью рассуждала я, задрав голову к серому небу. – Хотя, наверное, его и правда никогда не было».

Нарядчица Ерохина, окруженная солдатами, разделила нас на бригады. Меня записали к сучкорубам, и я, несведущая, наивная, воспряла духом, решив, будто удалять сучья – плевое дело. Не деревья же пилить...

Мы поплелись вперед, за нами двинулись конвоиры.

– Направляющие, шире шаг! – командовали они, проходя вдоль колонны. – Задние, подтянись! Шаг влево, шаг вправо – будет применяться оружие!

Путь до лесоповала занимал около двух километров. Мы шли пешком по протоптанной дорожке в лесу, спускались в низину и поднимались на холм, затем перебирались через речушку по ветхому мосту. С нами шагали лошади. Худоцавые, хиленькие животные порой упирались копытами в землю и отказывались идти дальше. Дышали часто, не реагировали на оклики. То головой дергали, то хвостом. Две и вовсе хромали. И все же они везли на себе некоторых зэчек, а на лесоповале вкалывали до умопомрачения.

– С лошадьми будь осторожнее, – советовала мне Лида. – Четвероногих у нас берегут больше, чем двуногих.

Лида относилась к указницам¹². Она была тонкой, хрупкой, немощной женщиной около пятидесяти лет. Костлявая, с прозрачной провисшей кожей, Лида казалась меньше своего роста и всегда говорила вполголоса. Я смотрела на нее и недоумевала: эта – и на общих? Возможно ли?

Она горячо любила бога и постоянно молилась ему одними губами: перед едой, среди рабочего дня, отходя ко сну. Во внутреннем кармане бушлата тайно хранила золотой крестик, так что иногда Лиду заставляли на коленях, благоговейно державшуюся за грудь. Среди воровок она считалась чудачкой, поэтому те не обращали внимания на ее эпизодические «припадки». И хотя Лида никогда не давала обетов, жучки звали ее Монашкой, на что она совсем не обижалась.

¹² 26 июня 1940 года указом Президиума Верховного Совета СССР была введена уголовная ответственность за опоздание на работу. После волны посадок в народе осужденных начали называть указниками.

Одна из лошадей, преодолевая балку, протестующе заржала и замедлила ход. Бока кобылы раздувались, пока она старалась отдышаться. Сидевшая на ней заключенная погладила гнедую по шее, мягко уговаривая не бунтовать.

– Навредишь лошади, не дай бог, – продолжала Лида, – или из строя ее выведешь...

– Что, запрет на переписку и прием посылок? – предположила я.

– Хуже! – Она вздрогнула. – Коли умрет по твоей вине – схлопочешь дополнительный срок. Господи, помилуй... – и фанатично перекрестилась.

Лида оказалась права. Однажды я видела, как девочка-подросток сильно, с яркой ненавистью ударила полуживую клячу кнутом по крупу, чтобы та наконец тронулась. Животное не пострадало, но недовольно взревело, и только за это девчонке дали десять суток штрафного изолятора.

Работа на лесоповале была тяжелой. Очень тяжелой. Заключенным нужно было валить деревья, обрабатывать их от ветвей и сучьев, а затем возить на берег. Отсюда бревна сплавляли по Енисею в лагпункт, где из древесины изготавливали шпалы для железной дороги. Деревья сваливали в волокуши, волокуши цепляли к лошадям. Запряженные кобылы тянули сани к реке, а зэчки понукали их, чтобы шевелились быстрее.

Обед доставляли прямо на лесоповал. У полевой кухни выстраивались, как обычно, длинные очереди. Сегодня повар сварил баланду. Я получила свою порцию и отошла, обрадованная, что наконец-то поем мяса с овощами, а не надоевшую кашу. Но что ж у меня тут, в жестяной миске? Кисловатый вкус похлебки сигнализировал о прогнившем картофеле; ни мяса, ни зелени не было, лука с морковью тоже. Сам суп был несытным, водянистым, несоленым. Я поскребла по дну посуды и заставила себя прожевать плавающие в воде кубики картошки.

«Это помой, а не обед рабочего», – обозлилась я про себя, досадуя на пустоту в желудке.

– Все вы, новенькие, один к одному, – сказала Лида, отставив в сторону вылизанную миску.

Она всосала баланду за минуту. Глотала быстро и жадно, точь-в-точь свинья, когда ей приносят объедки с хозяйского стола.

– В первые дни привередничаете, мол, никогда не свыкнусь со здешней пищей, – добавила Лида с иронией.

К нам прокралась костлявая женщина с кровавыми деснами – мне уже было известно, что такие бывают у цинготных. Она с надеждой смотрела на мою баланду. Зажмурившись, я залпом вылакала остатки жидкости, которая должна была быть мясным бульоном. На языке остался противный привкус. Костлявая, расстроившись, отползла.

– А тебе что, вкусно, сытно? – спросила я, подавив приступ тошноты. Нет, привыкнуть к этой бурде невозможно!

– Голод не тетка, захочешь, и не то съешь, – отмахнулась она. – Я-то уж знаю, я в сорок шестом голод в Воронеже застала. А тут что, тут вон хлебу дают, какой-никакой суп или кашу. И между прочим, хлебу нам дают семьсот грамм, это норма заполярная, а в Омске у меня четыреста было... Лучше, чем ничего, в брюхе ведь что-то да переваривается. Ты авось не голодала никогда, вот нос и воротишь.

Я не голодала и не больно-то рвалась начинать.

– А суп всегда такой? Или мясо тоже бывает?

– Мясо? – озадачилась Лида, словно вспоминала значение слова. – Нет, мясо редко: все начальству, обслуге и собакам уходит. А вот треску или селедку часто ложут.

– Кладут, – поправила ее я, а потом укорила себя – зачем? На кой черт тут кому-то сдались мои поучения?

Лида спрятала ложку во внутреннем кармане бушлата – самом надежном тайнике заключенного. Там же показался край бинта.

– Зачем тебе бинты? – удивилась я. – На случай, если порежешься?

– На случай, если кровотечения пойдут, – сухо объяснила она, одернув черную лямку юбку.

Дело не в менструациях. Это я поняла не по возрасту Лиды, но по ее хмурым глазам.

– У тебя что, случаются кровотечения? – прошептала я пораженно.

– Да тут у каждой второй они случаются, – ответила она без обиняков. – Негоже женщинам лес валить. Это еще что; вот недержание мочи, выпадение прямой кишки, матки и влагалища – штуки неприятные. У меня еще не так все плохо...

Я непроизвольно положила руки на живот.

– Лида, где ты бинты брала? – спрашивала я уже через неделю, когда настали те самые дни месяца.

– У фельдшера рулон выпросила, когда в санчасти лежала, – сказала она и, догадавшись, что меня волнует, прищурилась. – Вату бери. Из матраса.

Я с жалостью помянула свой худенький матрасик, которому и без того-то, родненькому, ваты не хватало.

– На чем же спать, если так каждый месяц по куску отрывать?

– Оглянулась бы вокруг в бараке, что ли, – закатила глаза Лида.

Воротившись с лесоповала, я оглянулась. И в первый раз заметила, что матрасы у многих пусты, от них остались лишь чехлы. Вздохнув, тоже полезла внутрь. Что ж еще делать? Вскоре после меня от содержимого матраса откусила и Даша.

Когда рабочий день близился к концу, я с трудом держала топор. Сучья не поддавались ударам слабой бабы, и я, бессильная, а оттого бешено злая, грязно бранилась на них в надежде, что как-нибудь они услышат меня и поддадутся. Обрато в лагпункт не шла, а буквально подтаскивала за собой волочащиеся ноги. Укладываясь спать, Дашу игнорировала. И она брюзжала, если я ненароком преступала невидимую черту, разделившую нашу шконку на две половины. У нас царило абсолютное взаимопонимание.

Однажды вечером, когда рабочий день подошел к концу, женщины скучились, готовые отправиться на базу. В этот торжественный миг нас должны были забрать конвоиры, но они куда-то подевались. Мы терпеливо стояли пять минут, затем стали озираться, звать их.

– Эй, длинная, – обратилась ко мне жучка, не придумав еще прозвище. – Смотайся, разыщи.

Пошла. Обнаружила охранников в траве неподалеку от лесоповала. Они безмятежно спали, протянув ноги к угасающему костру.

– Гражданин начальник, – потербила я за плечо главного, старшего сержанта Семенова.

Он разлепил один глаз и долго соображал, что происходит.

– Пора в лагерь возвращаться, – подсказала я.

– А, да, идем, – опомнился он, широко зевнув. – Ибрагимов, подъем!

Эта ситуация настолько обескуражила меня своей несуразностью, что на следующий день я решила попытать Лиду. Несмотря на то что в разгар рабочего дня всегда было шумно, я сохраняла осторожность.

– Слушай, Лида, – прошептала я, – не пойму, как же наши конвоиры могут спать на посту. Они же охранять обязаны!..

Солагерница выпрямилась и вытерла пот. Грязные пальцы проложили на ее лбу темные дорожки, но я промолчала. Смысл вытирать? Не сейчас, так через полчаса вымажется. Все мы приходили на базу одна другой краше.

– А чего им суетиться? – ответила Лида, положив топор и восстанавливая дыхание. – Их забота – нас туда-сюда водить да худо-бедно за порядком приглядывать. Чтоб не отлынивали, не дрались.

– Не спать же в рабочее время! Вдруг побег?

Лида в ужасе встrepенулась, услышав запрещенку.

– Слово это забудь, – строго вразумила она меня. – И следи за языком.

Лида глазами указала на бригадиршу Римму, энергичную и хохотливую татарку.

– Особенно ее обходи за версту, она особисту¹³ стучачит. Нина... То, о чем ты говоришь, у нас равно самоубийству. Ну дернешь ты на свой страх и риск. Допустим, и не пристрелят тебя вовремя. Так летом комары зажрут! А зимой от дубака околеешь, в сугробах потонешь. Вокруг – непроходимая тундра да тайга. Понимаешь? Ну куда ты пойдешь, когда впереди сплошь белая пустыня, когда трудно отличить, где заканчивается земля и начинается небо? Куда ты пойдешь, когда пурга валит с ног и присыпает сверху? Ты ж даже не ориентируешься, в какую сторону идти, потому что везде все одинаковое, куда ни посмотри. Местные и те, бывает, заплутают. А если хищник? Нет, Нина, тундра – она тебе самая грозная охранница, ты ее лучше остерегайся. Это верная смерть.

– Неужели ни разу... не было тут? – не унималась я.

– Да ты тише, тише, бога ради, – осадил меня Лида и пригнулась.

«Всегда найдутся смельчаки, которые не побоятся искушать судьбу, – была убеждена я. – Свободолюбивую породу не выведешь».

– Не знаю, – пробормотала Лида. – Не слыхала я ни об одном успешном побеге. Работай давай, не то Римма доложит, как мы с тобой шушукаемся...

Дни тянулись один за другим, и тяжелая работа внезапно стала рутинной. Я приноровилась к топору и делала свое дело сосредоточенно, больше не отрываясь ни на пустой треп, ни на нытье. Жалость к себе ничего не исправит – это я уяснила в первые недели пребывания в лагере.

Но один раз каждодневную рутину разорвало выходящее за любые мыслимые рамки происшествие, которое прямо-таки всколыхнуло лагпункт и пошатнуло устои, заложенные во мне с глубокого детства.

Это случилось ближе к полудню. По лесоповалу пронесся шепот, сначала еле различимый; потом гул стал громче; спустя несколько минут раздалась возгласы. Из-за грохота валившихся деревьев, стука по веткам, шелеста листвы и ржания лошадей я не сразу разобрала слово, передававшееся из уст в уста, как эстафета.

Заклученная из моей бригады бросила топор в куст и побежала. За ней увязалась другая. Третья поскакала аж по сваленному дереву. Выпрямив сгорбленную спину, я ошеломленно провожала их взором.

Вот оно, слово-то это. Прозвучало в конце концов отчетливо и настолько бойко, что вывело остальных лагерниц из полузабытья.

– Мужики-и-и-и! – забравшись на пень, неистово прогорланила местная ветеранша Раиса. Сидела она уже лет восемь.

Инструменты повалились на землю. Женщины опрометью ломанулись к Енисею, перепрыгивая через бревна. Они кричали, сбивали друг друга с ног, переругивались, они прямо-таки озверели, и я не понимала, что за муха их укусила. Куда они бегут?

«Может, со страху переполошились?» – забеспокоилась я и обернулась назад, однако в чаще никого не было. Поискала глазами Лиду. Ее и след простыл.

Движимая любопытством – и, возможно, стадным чувством, которое подсказывало не отбиваться от своих, – я пошла за всеми. Горе-охранники, как обычно, спали поодаль, они не ведали, что лесоповал опустел за считанные минуты и что бесценных лошадей предоставили самим себе. Я на всякий случай прикинула пути отступления. Вдруг поднимут тревогу и начнут стрелять без разбора?

¹³ Так называли сотрудников третьего, Особого отдела. Этот отдел следил за политической благонадежностью заключенных и вольнонаемных. Его задачей было выявлять государственных преступников (изменников Родины, шпионов, диверсантов, террористов), контрреволюционные организации и людей, ведущих антисоветскую агитацию.

Узницы тем временем мчались, лавируя между деревьев. Раиса, особа немолодая и увесистая, умудрилась обогнать самых шустрых и возглавила клин. Никого из них не замедляли грузные сапоги, не мешали никому горы одежд; позабылось в суете, что несколько минут назад силы были на исходе. Крутой спуск на берегу не остановил их – как же, там такие эмоции бушевали!

Зэчки тормознули на краю, а потом кинулись вниз, к воде. Сапоги топали, поднимая пыль. Ветер задирает серые юбки, срывает с макушек косынки. Женщинам было все равно. Одну в суতোлке пихнули на валун, она ушибла ногу, но ничего, потеряла коленку и понеслась, прихрамывая, дальше...

Я спускаться не стала и села на краю, откуда открывался вид на реку. Тут и узнала причину массового умопомешательства.

По Енисею плыли понтоны, загруженные прессованным сеном для наших дохленьких лошадок. Вместе с тюками прибыли заключенные мужчины. Им приказали доставить сено в женский лагпункт и выгрузить его на берег. Они так и поступили бы, если бы не чересчур радушный прием. Завидев рвущуюся к ним толпу, лагерники запомнили о наряде и тюках, о лошадях и охранниках, об установленных правилах и о существовании ГУЛАГа в целом. Возбужденные мужчины пожирали глазами таких же возбужденных женщин.

Заключенные мужчины мало чем отличались от нас, они тоже сливались в темно-серую расплывчатую массу. Шаровары, бушлаты, надвинутые на брови шапки, бледные лица. Все как на подбор. Так сразу и не определишь – молодой ли, старый, сильный или слабый. Куда там – красивый, некрасивый...

Понтоны не успели пришвартоваться, а женщины на берегу уже ждали, маялись, нетерпеливо ходили взад-вперед. Под их сапогами, шкрябая, перекатывались маленькие камешки.

«Какая яркая галька, – отстраненно думала я, положив подбородок на колени. – Желтые, бирюзовые, синие камни... А вода-то чистая, мутит нет. Небось ледяная».

Я впервые смотрела на северный пейзаж не как заключенная, а как обыкновенный человек. Если не подсчитывать, сколько деревьев нужно свалить до конца рабочего дня, зрелище вдохновляет. Меня охватило желание взять кисти, краски и холст, чтобы запечатлеть эту невообразимую красоту.

Солагерницы не разделяли моих душевных порывов и раздраженно пинали камешки: те неприятно впивались в подошву. Быстрее, милые, быстрее, зазывали они мужчин, неистово кусая губы. Голоса их, прежде бесстрастные или жалостливые, иногда властные, теперь снизились до интимной хрипотцы; сексуальный тембр доносился не из горла, а скорее из томящегося низа живота.

Мужчины слглатывали слюну от предвкушения. Самые расторопные активно загребали веслами.

– Куда, блядь! – истошно заорали наши конвоиры.

Проснулись.

Воздух разрезали оглушительные выстрелы. Я инстинктивно прикрыла голову руками, но вохровцы¹⁴, к счастью, палили не в нас. Хорошо, что я осталась на безопасном расстоянии...

– Назад! Живо! – командовал Семенов на бегу.

Приказы и выстрелы должны были отрезвить обезумевших женщин, испугать, вернуть их наверх. Должны были, но не отрезвили. Не испугали и не вернули. Вместо этого они подогнали узниц, ровно как удар вожжей по крупу ускоряет лошадь.

Первыми в реку зашли жучки. Сжимая зубы от холода, они ступали по каменистому дну. Сапоги, юбки, чулки – все пропиталось насквозь за считанные секунды. Я наблюдала, как лагерники ловко доставали жучек на понтоны. Как блестели в дневном свете мокрые белые груди –

¹⁴ Сокращенное название должности сотрудника воензированной охраны.

маленькие, большие, обвисшие и упругие. За них с какой-то животной плотоядностью хватались огрубевшие, заветренные мужские пальцы. Не выдержав соблазна, охваченные вожделем, остальные женщины полезли в воду.

– Стоять! – голосил Семенов. – Стрелять буду!

Они не глядели друг на друга и не спрашивали имен. Они не выбирали, просто тянулись один к другому без разбора. Женщины сами задирали юбки, снимали панталоны, мужчины расстегивали шаровары и ставили партнершу на четвереньки. Я видела, как юная девчущка Надя прогнулась под дядей среднего возраста, как жучка Саша, недавно вернувшаяся из Дома матери и ребенка, прыгнула в объятия двух бугаев, как стукачка Римма села на застенчивого, интеллигентного парня, как ветеранша Раиса распласталась перед доходягой, черт знает откуда черпавшим мужскую силу, и как моя набожная Лида, опершись на тюк, отдалась татуированному вору.

Вохровцы резко остановились перед спуском. Их глаза горели от остервенения. У Семенова наготове пистолет-пулемет Шпагина, 71 патрон. У Ибрагимова – карабин с еще 10 патронами. Мне стало жутко – хотя я вроде ничего плохого не сделала, от работы отвлеклась, и только...

Конвоиры подсчитали тех, кто сидел на берегу. Девять человек, все – из последнего этапа.

– Назад! Назад, блядь, сказал! – вопил Семенов. – Ибрагимов, пали!

Ибрагимов бахнул новый выстрел. Пуля разрежала гладь реки.

Нет, тот стонущий, извивающийся комок тел не слышал охраны. Это был настоящий пир сладострастия, чистое наслаждение, которому чужды какие-либо условности, это был экстаз, разделенный не двумя, а десятками людей. Мужчин вскоре перестало хватать, поэтому женщины беспардонно подстраивались вторыми, а то и третьими. Каждая жаждала урвать себе кусочек. Нашедшие пару самочки агрессивно защищали своих самцов от конкуренток, выпустив коготки и шипя матом.

Разве мужчин не сопровождали конвоиры? А бригадир их где? Там, там, среди переплетенных рук и ног... Бились на женщинах, потонув во всеобщем упоении.

– Елисей, мать твою! – узнал сослуживца Семенов. – Ты-то куда! Немедленно разгоняй!

Елисей не подчинился, не на того напали; закончив с первой девушкой, он пододвинул к себе следующую – бедняжка грустила без порции любви. Вынослив, надо же...

– Донесем, – кивнул Ибрагимов Семенову.

Еще несколько отважных женщин подплыли к ближайшему понтону и попробовали вскарабкаться на него с разных сторон. Все кавалеры были заняты, но разве же их это волновало? У них счет шел на минуты! Подтягиваясь, они раскачивали, раскачивали, раскачивали платформу и в результате перевернули ее. Любовники рухнули в реку, с ними упали и тюки. Поднялись волны, подкидывая оставшиеся на плаву понтоны.

Семенов и Ибрагимов прицелились. По поверхности воды и понтонам со свистом ударили пули. Один бугай, заслонивший жучку Сашу, охнул, прикрыл рукой раненый бок и свалился в реку. Нисколько не расстроившись, Саша сосредоточилась на втором. Бригадирше Маше прилетело в голую ляжку. Самые разумные в панике посмотрели на берег, другие лишь ускорили темп, подходя к своему краю обрыва.

Забомбила череда залпов. Раз, два, три. Разрывало мясо, сочилась кровь.

Женщины заверещали – то ли от ужаса, то ли от боли, то ли из-за неутоленной страсти – и нехотя вырвались из объятий. Они натянули на белые ягодицы мокрое белье и юбки, похватили бушлаты и кинулись к безопасной суше, еле передвигая окоченевшие ноги. Охранники прекратили стрельбу.

«Неужели я стану похожей на них? – похолодела меж тем я. – Сколько лет должно пройти, прежде чем я начну выпячивать зад перед первым встречным мужиком, как течная сука при кобеле?»

На понтонах внезапно разразилась борьба. Это мужчины, до сих пор не достигшие кульминации, но отчаянно желавшие ее достигнуть, удерживали девушек под собой, не позволяя им выбраться. Вохровцы снова прицелились, и мужчины подчинились, подняв над собой руки.

Ветераншу Раису прибило к берегу с дырявой головой.

Задыхавшихся, раскрасневшихся, плачущих, раненых женщин увели наверх. Семенов и Ибрагимов перебросились парой резких фраз с отнюдь не усовестившимся Елисеевым и поторопили заключенных, чтобы те быстрее разгрузили понтоны и убрались восвояси. Мужчины свалили тюки на берег, вытащили сено из реки, выволокли труп Раисы на сушу и направились назад на базу, с печалью глядя на своих любовниц с удаляющихся платформ. Подстреленный в бок лежал на понтоне, мученически стеная.

– Пошли! – поднявшись к нам, грубо рыкнули охранники.

Мы побрели на лесоповал. Конвоиры гнали нас, как пастушьи псы стадо, разве что за пятки по-собачьи не прикусывали. Их очень рассердило то, что мы улизнули аккурат у них из-под носа. Срывая слепую ярость, они подталкивали всех мокрых, окровавленных и уставших, ругались на них, угрожающе прицеливались им в затылки. Женщины погрузились в свои грустные мысли и подзуживали растущее внутри недовольство.

Поравнявшись со мной, Лида выжала сырую юбку. Сапоги ее хлюпали. Я посмотрела на нее, и она покрылась стыдливым румянцем. «Обидишь ведь», – предостерегла я себя. Тщетно.

– Как бог-то твой отреагирует на то, что ты сделала, Лида?

От холода она едва помнила себя, но, услышав мой вопрос, немедленно воодушевилась и машинально схватилась за грудь, где во внутреннем кармашке покоился крестик.

– П-простит, – отозвалась Лида сильным голосом. – Бог справедлив. Он все видит, все знает: н-не развратная я женщина. Просто по любви истосковалась, вот и ищу ее в любых проявлениях. Слабый я человек... Я у Него каждую ночь буду вымаливать прощения за эти минуты.

– Умно, – сказала я с кислой улыбкой. – Выходит, ты грешишь, потом просишь тебя простить, и грех сам собой обнуляется. Но разве можно считать себя верующей, когда сбиваешься с пути и каешься? Если муж постоянно изменяет жене, а она его прощает – он не перестает быть бабником, верно? Значит, раз любой грех можно замолить – все разрешено на этом свете?

– Господь отпускает грех в том случае, если христианин искренен в своем р-раскаянии. – Лида расстроилась, что я не постигла простых истин. – Грешнику надобно доказать, что он раскаялся, исцелился, очистился. Бог терпелив, путь к Нему – тернист. Тебе, наверное, не понять.

Под уголовником она, однако, раскаянной не выглядела.

– Не думай, будто ты сама святость, – продолжала она несвойственным ей жестким тоном, позабыв про озноб. – Тебе невдомек, через что нам пришлось пройти. Многие женщины тут годами обходятся без мужниной ласки, мужчины – без женской. Слыхала, что в мужские лагеря нельзя заезжать на кобылах? Нет? Это потому, что они на лошадей набрасываются, бедолаги, залезают на них как-то, покуда охрана не собьет... Так что к ним только на жеребцах пушают. У женщин тоже жизнь не сахар. Женщина, она ж для чего устроена? Для любви, для семьи, для детей. Ей нужны эмоции и ласка. А ее отрывают от близких и заставляют лес валить... Немудрено, что она, сломавшись, сойдется с соседкой! Или найдет утешение у служивого! Я вот пятый год веду переписку с одним заключенным. Его зовут Матвей Сергеевич. Начинили мы с невинных записочек, потом как-то закрутилось... Мы друг другу в письмах самое сокровенное доверили, самое сердечное, мы в вечной любви друг другу поклялись. Подобного чистого чувства, как к Матвею Сергеевичу, я и не испытывала никогда, пусть и не видала никогда его лица. Бог знает, может быть он и был сегодня там, на понтонах, да не признал меня, а я – его. Так я тянусь к своему Матвею Сергеевичу, что бес меня путает. Передо мной чужой – а я представляю его, родимого, дорогого моего...

Тихонько всхлипнув, Лида понурилась.

– Ты здесь всего пару недель! – метнула она мне. – Не тебе языком молотить, не тебе нас осуждать! Погляжу я, что с тобой станется через пару лет!

– У меня все впереди, – согласилась я с ней мрачно. – Но когда я встану на четвереньки перед незнакомым мужчиной, то хотя бы не буду тешить себя мыслью, что поддалась сиюминутному порыву, не обвиню каких-то бесов, кои тут совершенно ни при чем. И не стану оправдывать естественную потребность, искать способ, как бы отречься от нее.

– Я не отрекаюсь от нее, – жарко запротестовала Лида. – Я ее признаю и сожалею о своем грехопадении. Это разные вещи.

– А если все станут жить по принципу «согрешил – покаяться», что ж тогда будет? Поступать нужно по совести. И нести ответственность за все свои поступки.

– Безбожница, что с тебя взять, – презрительно умозаключила Лида и отошла от меня, хлюпя сапогами.

Жучки были бешено злы, что охрана прервала их акт любви – если, конечно, оргию можно назвать столь возвышенным словом; они были настолько злы, что даже отказались возвращаться к работе. А поскольку неудовлетворенность оказалась тут проблемой коллективной, следовательно, бунт тоже был общим. И полученных пуль было недостаточно, чтобы сломить волю заключенных.

Подстрекательницы плюхнулись на землю и демонстративно скрестили ноги. Одна за другой садились Лида, Даша, моя соседка по шконке. Римма и та поддержала восстание, отрешившись от благоволившей ей администрации. Замешкались всего четыре девушки, включая меня – чего мне, собственно, протестовать, – но жучки взглянули на нас с предостережением, плавно перетекающим в угрозу, поэтому и мы послушно опустили вниз.

Заключенные сбились в плотный круг.

– Вы че, охренели? – опешил Семенов. – За работу! Сегодня будете до ночи пахать, чтобы норму выполнить!

Приехали, воскликнула я про себя, еще за других расплачиваться! До упаду проклятые сучья рубить!

А недолюбленные наши проигнорировали приказ. Восседали, все из себя такие равнодушные. Семенов зарядил оружие и навел его на толпу – как раз туда, где притаилась я. Сердце подскочило к горлу.

– Встать! – рявкнул он. – Иначе всех на хуй перестреляю!

– Кто ж тогда въебываться будет на лесоповале у тебя? – хохотнула жучка Люда. – С начальством свидеться хотим. Организуй.

Семенов открыл рот, чтобы огрызнуться, но его прервал шум – подкатила полевая кухня. Время обеда.

– Если жрать хотите – пиздуйте по местам, – ухмыльнулся Семенов, довольный благоволением фортуны.

– Пожрем, когда проблемку решим, – отказалась Люда, крутанув в воздухе пальцем: давай бегом – за начальством!

– Мразота! – вскипел Семенов.

Немного поразмыслив, он все-таки послал Ибрагимова с новостями для Аброскиной. Ибрагимов ускакал на самой резвой нашей кобылке – ее недавно привезли с материка, она еще не успела «дойти».

Полевая кухня стояла в нескольких метрах от нас, и я, не отрывая от нее взора, терпела, облизывала пересохшие губы. До помутнения рассудка хотелось есть, и ведь даже хлебом не закусишь – я его, дура, опять съела за полдня, не сумела растянуть до ужина. В лагере еда проваливалась в меня, как в пропасть, не насыщая, а лишь поставляя немного топлива для следующего рабочего дня.

Я покосилась на других в надежде, что не одна изнываю от голода. Может, на сем закончим и пойдем обедать? Или оборзеем настолько, что самовольно поделим пищу, наплевав на наших церберов? Я уже была на все согласна, лишь бы дорваться до еды. Мой желудок поднял свой бунт.

Для заключенных же кухни будто бы и не существовало вовсе. Они были непоколебимы и упрямо отворачивались от нее. Повар, удивленный, качал головой и курил. Доведенная до того, что появились скверные мысли своровать горбушку у запасливой Юлочки, устроившейся подле меня, я приготовилась на свой страх и риск покинуть место в кругу, как тут заговорила осетинка Наида. Она выразила опасение, не накажут ли всех скопом из-за горстки протестующих.

– Может, я отойду поем, а вы бастуйте на здоровье? – озвучила Наида вертевшийся у меня на языке вопрос.

Ответ не заставил себя долго ждать. Уголовницы обрушили на нее ушат отборного мата – все равно что вылили на несчастную содержимое ночной параша. Если перевести звонкую реплику на русский язык, вышло бы что-то вроде: раз вся колония протестует, значит, исключений быть не может.

– Так что закрой ботало, – прорычала Саша. – Покантуйся с наше без горячей ебли! Сама запрыгнешь на любого, хоть с венерой, хоть безногого, хоть беззубого!

– Батюшки, что ж это такое творится, – отпрянув, запричитала впечатлительная Наида.

У меня мгновенно отбило охоту идти наперекор толпе. «Если ту девчонку упекли в ШИЗО только за то, что она стегнула полудохлую лошадь, как же поступят с нами, когда узнают о забастовке? – горевала я. – Ведь мы бездельничаем, норму не выполним сегодня. Нас лишат зачетов? У меня и так их было немного... Или пайку урежут? Тогда я в дерево свое вгрызусь зубами с голодухи».

Любой из этих штрафов был для меня равносителен удару по лежачему. Но наказание начальства маячило где-то в будущем, а воровки клацали челюстями прямо возле уха. К тому же меня не прельщала роль изгоя в лагере, среди народа мстительного и беспощадного. Поэтому я сидела смиренно, и Наида тоже.

Ибрагимов вернулся и сообщил, что Аброскиной доложено. Сверяя время по наручным часам и шумно вздыхая, Семенов обходил наш круг – пожалуй, не порядка ради, тепла для. Он так старался маленько согреться, пока Ибрагимов разводил костер. Когда сложенные бревна охватило пламя, охранники придвинулись к ним и стали ехидно поглядывать на нас.

Меня снедало желание подползти к огню и подставить холодные, как ледышки, конечности. Что и говорить про тех, кто искупался в Енисее и сейчас мерз в сырой одежде. Лица их побледнели, губы посинели, колени ходили ходуном. А ноги-то, ноги в мокрых сапогах! Так и помереть недолго...

Каша в полевой кухне (а я чуяла носом, что там каша, не омерзительная вода с картошкой, именуемая супом) тем временем бессердечно остывала. Семенов, стремившийся во что бы то ни стало известить нас, насолить нам, воздать за непокорность, достал свою миску и потребовал у повара наложить в нее двойную порцию пшенки. Ибрагимов последовал его примеру. Посмеиваясь, они с чавканьем жевали, заставляя мой желудок скрутиться, перевернуться и заколотиться в истерике.

Вскоре на лесоповал прискакала капитан Аброскина. Запыхавшаяся, встревоженная, с румяными щеками, она непрерывно подгоняла жеребца. Я про себя отметила, какой то был статный, стройный, резвый конь, не чета труженицам-кобылкам, запряженным в волокуши. Ухоженная черная шерсть его блестела, мускулы перекачивались в движении, длинные тонкие ноги пружинили, преодолевая препятствия и взбираясь в гору.

Начальница натянула поводья и спешила.

– Здравствуйте, гражданин начальник! – выдали мы.

– Старший сержант, что тут у вас? – строго спросила она у Семенова, не смотря на заключенных.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – Семенов, такой же злой, как и Аброскина, козырнул. – Докладываю... Ослушавшись приказа, заключенные бросили работу и убежали на реку. Там приплыли две бригады из тридцать первого ОЛП...

Не дослушав его, Аброскина поправила шинель и вознамерилась пройти к бастующим, однако Люда перегородила ей дорогу. Жучка решила сама изложить требования заключенных и вести переговоры, не подпуская начальницу к святой святых бунта. Семенов взвинтился, чтобы приструнить, но капитан остановила его взмахом руки, и тот отступил.

Воровка вещала кратко, емко и доходчиво. Она не пыталась облагородить речь перед Аброскиной и, прибегая к крепким словечкам, объясняла как могла, что женщинам осточертел запрет на свидания с мужчинами.

– Так что хрена с два мы начнем батрачить, если вы не вычеркнете это неубучее правило, – резюмировала Люда с искусственно вежливой улыбкой.

Тонкие бровки капитана то взлетали вверх, то хмуро опускались, а под конец монолога нервно задергались. Аброскина была не просто возмущена, она была вне себя, и все же прибегнуть к крайним мерам, а именно спустить на нас Семенова с пистолетом-пулеметом и поставить на бесчинстве точку, она не рискнула. Тщательно подбирая нужные слова, она ответила, что, хотя выполнить условия женщин весьма трудно, начальство сделает все возможное, оно будет отстаивать права заключенных, чего бы ему это не стоило, и так далее и тому подобное; в сущности, ничего толкового она не сказала – лапшу на уши повесила, и только.

– Не пойдет, зовите начальника стройки, – не купилась на доводы Аброскиной Люда. – Хули, он главнее.

– Что ж вы, хотите, чтобы я полковника по всяким пустякам вызывала? – разгневалась капитан. – Все уладим самостоятельно!

– Блядь, да вы уже два года как улаживаете, – в тон ей отрезала Люда. – Теперь базарить будем с ним.

Напыщенно хмыкнув, жучка вернулась к протестующим. Аброскина оценила масштаб бедствия и поджала губы.

«Громов утверждал, что в лагере мужики мне спуску не дадут, – вспоминала я перекошенное лицо министра. – А тут вон как: с точностью до наоборот. Лишь бы до брюк дорваться, неважно до чьих. Не знаю, что хуже».

И так мы томились в ожидании: рабочие, стучавшие зубами от озноба, – в кругу; повар – у полевой кухни; молчаливые Аброскина, Ибрагимов и Семенов – напротив, у костра. Подстреленные стонали, зажимая кровоточащие раны. Когда солнце склонилось к горизонту и поднялся ветер, добивая остекленевших узниц, приехал военный внедорожник. Люда и Саша деловито поправили до сих пор влажные бушлаты и выдвинулись навстречу. Аброскина быстро заняла позицию рядом с ними, сердитая на их самоуправство.

Задняя дверь машины открылась, и из салона вышел начальник Северного управления лагерей железнодорожного строительства. Мы находились слишком далеко, чтобы увидеть и расслышать его, но надо же было выяснить, примет ли полковник жучкин ультиматум, поэтому мы старательно шурились и обратились в слух. Начальник предстал пред нами без охраны, демонстрируя таким образом свое доверие к нам.

Пребывая в раздумьях, полковник оглядел сваленные в кучу деревья, сидевших женщин, скаливших зубы конвоиров. Не могу не признать: выглядел он в столь щекотливой ситуации достойно. Вместо того чтобы рвать и метать, он держался прямо, расслабленно, расправив плечи и сложив за спиной руки.

Обогнув Люду и Сашу, Аброскина козырнула, подскочила к нему вплотную и зашептала – оправдывалась, подлиза, ябедничала на нас, умывая ручки. Он выслушал ее, не перебивая, а потом, когда она умолкла, повернулся к нам.

– Добрый вечер, девушки! – добродушно крикнул полковник.

Я пораженно вскинула голову. Не может быть! Я предполагала что угодно: баталии, угрозы, наказание, – но никак не теплый прием. И от кого! От начальника стройки, у которого лесоповал простоял без дела полдня!

Аброскина аж подпрыгнула на месте, осознав, что мы его не поприветствовали по инструкции. Она сверкнула маленькими глазками и зашипела так, как не шипела на самых безмозглых малолеток:

– Ну-ка, живо поздоровались как полагается!

– Здравствуйте, гражданин начальник! – раздался хор.

Полковник, похоже, не рассердился.

– С кем мне говорить? – как ни в чем не бывало поинтересовался он.

– Со мной, со мной, гражданин начальник, – откликнулась Люда невнятно. Ее челюсть неестественно сковало от холода, что насторожило полковника.

Посыпались бесчисленные жалобы. Ни капли не стыдясь, Люда повествовала о естественных потребностях оторванных от мира женщин, о невыносимости жизни, в которой есть только работа и сон, о чисто женской необходимости ухаживать за близким человеком, и лагерницы в кругу горячо поддерживали ее, кивая и поддакивая. Не думаю, чтобы Люда действительно хотела ухаживать за кем-либо или вообще обременять себя какими-никакими отношениями: она собственному ребенку-то, куковавшему в приюте, не писала никогда; зато естественная потребность была в ней ключом, и чтобы удовлетворить ее, Людка соврала бы что угодно.

Подмечая единство заключенных, полковник сосредоточенно внимал ей. Он ни разу не вмешался и позволил ей высказать все, что накопилось в ее тесной груди. Закончив тираду, Люда скрестила руки и вопросительно посмотрела на начальника.

– Ваши требования понятны, – заявил он. – И все же по правилам я обязан пресекать контакты между заключенными противоположного пола.

Люда сию секунду напыжилась, запыхтела.

– Вижу, да, вы настроены категорично, – предотвратил он ее выпад и выставил перед собой открытую ладонь, призывая к спокойствию. – Я передам требования в Москву, поскольку сам не имею полномочий выносить подобное решение. Будем надеяться, что нас услышат. А пока прошу закончить забастовку и приступить к работе. Когда мне дадут ответ, я приеду сюда с вестями.

«Пошел на попятную, ничего себе, – изумилась я. – Или сделал вид, что все устроит, а сам слиняет, пальцем не шевельнет. В любом случае на большее нашим рассчитывать не приходится».

Полковник задрал голову и проорал:

– Девушки, вы согласны? Возвращаемся к работе?

– Да-а-а-а, – протянули те.

Он, если меня не подвело зрение, улыбнулся, а затем поднял взгляд на Люду. Жучка стояла, сдержанно сомкнув рот, – победы же еще не одержали, лишь обещание получили, а обещание что, это пустой звук; с другой стороны, рассуждала, должно быть, она, начальство не ополчилось, не обрезало переговоры на корню, значит, не все потеряно.

– Впрочем, я не вижу ничего противозаконного в том, чтобы вы снова пообщались с заключенными из тридцать первого лагпункта, – продолжал полковник. – Скажем, во время спектакля, который завтра дает наша труппа?

Люда встрепенулась, словно крохотная птичка.

– Культурное просвещение должно затрагивать как можно больше граждан, не так ли? – Казалось, полковник сам забавлялся своей импровизацией. – Ну а после представления устроим маленький праздник в честь перевыполнения плана в прошлом месяце. Сто шестьдесят процентов! Отличный результат! Вы неплохо потрудились и заслужили отдых, как и мужчины из тридцать первого лагпункта.

Над лесоповалом взорвался восторженный рев. Женщины повскакивали на ноги и поздравили друг друга с небольшим, но долгожданным успехом. Люда расцеловалась с Сашей, Даша зачем-то обняла меня, Лида заплакала, воображая, наверное, предстоящее свидание с Матвеем Сергеевичем. Семенов фыркнул, Аброскина подобрела, обрадованная мирным разгоном протеста.

По мере того как заключенные выходили из состояния анабиоза, отогреваясь у костра, начальник стройки становился мрачнее. Он не спешил покидать лесоповал и, озираясь, внезапно обнаружил полевую кухню.

– Они что, не обедали? – спросил он у Аброскиной.

Она принялась что-то доказывать, снова изъяснялась, оправдывалась, и полковник, на сей раз не дослушав, возразил ей.

– Вы серьезно? – улавливали мы обрывки его реплик. – Они вот так провели несколько часов – мокрые, голодные, раненые? Что значит ничего страшного?.. Тепло? Вы считаете, что тепло? У вас не возникло мысли, что они могут заболеть? Умереть? Тогда вообще весь план полетит к черту...

Аброскина виновато опустила голову. Уходя, начальник бросил ей через плечо:

– Кормите. И отправляйте на базу, пускай обсыхают. Еще не хватало, чтобы весь лагерь слег. И окажите медицинскую помощь!

– Есть, товарищ полковник! – выдохнула полуживая Аброскина.

Внедорожник уехал.

– Семенов! – гаркнула Аброскина. Старший сержант подбежал к ней, и она распорядилась: – Ту, которая на берегу лежит, оформить как попытку к бегству...

Мы поели и отправились в лагпункт, где поели второй раз: ужин-то никто не отменял. Тем, в кого угодили пули, прочистили и обработали раны – хорошо, среди заключенных нашлась бывший врач, а нарядчица Ерохина по доброте душевной поделилась спиртом. Щедро налили кипяточку, и мы, забравшись под одеяла, обжигали этим кипяточком себе горло. Вымощенные вещи повесили сохнуть на веревки, обувь на ночь подставили к печи. Дневальная всю ночь переворачивала груды ботинок, чтобы они просохли со всех сторон.

Следующий трудовой день ничем не отличался от предыдущих рутинных: мы начали и закончили валить лес в привычное время, до ночи пахать нас никто не заставлял. Нормы не повышали, пайки не сокращали. Будто и не было той лихой выходки, будто вычеркнут мятежный день из календаря.

И хотя окунувшиеся в реку женщины, как и предсказывал полковник, заполучили простуду, а некоторые и вовсе слегли с высокой температурой, никто из них не упустил возможности встретиться с мужчинами. Вечером всех желающих погрузили в волокуши, прикрепленные к тракторам, и отвезли в тридцать первый ОЛП на выступление театральной труппы. На базе осталось с пару десятков человек, в основном старухи и новенькие.

Я не раздумывала, ехать ли на спектакль. Рухнула на нары и уснула, наслаждаясь в кои-то веки свободной шконкой.

* * *

С тех пор как я приплыла на Крайний Север, прошел месяц. Следя за поведением солда-герниц, я запоминала здешние правила, учила местный язык и постигала науку выживания.

Теперь я бережливо растягивала буханку на целый день и не воротила нос от кисловатой картошки. Всегда, когда представлялась такая возможность, я спала. Польстившись на банку тушенки у жучек, решила выиграть ее у них в дурака, но в итоге проиграла свою двухдневную хлебную пайку и зареклась никогда больше не касаться игральных карт. Позже я нашла менее рискованный способ заработка – я пересказывала воровкам сюжеты прочитанных мною книг, или, как тут говорили, «тискала романы».

Я убедилась в правдивости Лидиной исповеди. Заключение в самом деле страдали от недостатка мужского внимания. Был у нас, помимо побега на реку, показательный случай. Из Игарки прибыл фельдшер, на свою беду молодой и смазливый. Аброскина сказала, что к нему может обратиться любая женщина, если ее беспокоит тот или иной недуг. Недуги, конечно же, беспокоили весь лагпункт. Медработник вышел к нам и на пару секунд замер, ошеломленно подсчитывая глазами количество пациенток. Очередь тянулась вдоль жилых барачков, огибала угол и скрывалась за туалетами. Фельдшер с досадой покосился на часы и смиренно приступил к работе.

Будучи женщиной смышленной, Аброскина догадалась, что происходит. Она пригрозила: тем, кто здоров и понапрасну занимает время фельдшера, выдадут штрафной паек. Угроза подействовала, но не так, как предполагала капитан. Заключение просто стали изображать боли правдоподобнее. Несколько девушек специально порезали заточкой кожу на внешней стороне бедра и, когда наступил их черед, кокетливо задрали юбки, наслаждаясь скоротечным интимным приключением. Покрасневший до ушей фельдшер обрабатывал их ранки йодом.

Еще в нашем лагпункте жил мужчина, о котором мечтала добрая половина заключенных – Амерханов, первый заместитель начальницы. Красавец с густыми смоляными волосами, бронзовой кожей и длинными пушистыми ресницами, он сводил женщин с ума. У них ноги подкашивались, стоило ему пройти мимо, стоило ему бросить искоса взгляд или дружески подмигнуть! Но Амерханов сожительствовал с Аброскиной, а она была крайне ревнива и не подпускала к своему возлюбленному мало-мальски миловидных девиц. Мы убедились в этом, когда однажды вечером к нам в барак зашел лейтенант и, запинаясь, крикнул:

– Кала... Каланта... швили... Тьфу! Калантаришвили! С вещами!

Фигуристая грузинка охнула. На лицах ее недоброжелательниц заиграли улыбки. Выгнана, прекрасная и коварная сирена! Не доберется теперь своими загребущими ручонками до чужих мужчин! К кому Калантаришвили только ни ревновали – к походному повару, к начальнику культурно-воспитательной части, даже к конвоирам и надзирателям...

А выгнана она была самой Аброскиной. Грузинку застали наедине с Амерхановым.

Ибрагимов был женат, даже, по слухам, счастлив в браке. Семенов, как и многие другие охранники, любил проводить время в кругу лагерниц, однако он выбирал непременно самых прелестных, самых молодых и сочных, не грубую рабочую силу, что убивалась на общих. В сущности, каждый мужчина у нас ценился на вес золота. В деревнях после войны и то их было побольше...

Лида больше со мной не разговаривала. Я к ней тоже не подходила, разве что припомнила ее разок во время обеда. Вылизав последние крупинки каши в миске, я разрешила себе откусить от припасенного хлеба да обронила его на землю. Сладкий мой, мягкий, душистый кусочек шмякнулся в грязь рядом с сапогом... Меня охватил неподдельный ужас, поистине паника. Жучка Глаша попробовала стырить, но я оттолкнула ее и хищно подобрала потерю. Запихнула в рот половину, остальное в карман – доем за ужином. На вкус грязи внимания не обращала.

«Пошло превращение. Из человека – в эка», – пронеслась у меня грустная мысль.

Начальник 503-й стройки все-таки сдержал обещание, данное на лесоповале. Приехать он не приехал, зато поручил Аброскиной доложить вести. Капитан вышла к нам ранним дождливым утром после проведенной трудилой поверки и объявила:

– Отныне все, кто выполняет норму, могут посещать концерты художественной самодеятельности в тридцать первом лагпункте.

Лишних вопросов никто не задавал: и без того было ясно, что администрация согласилась на контакты заключенных противоположного пола, ловко завуалировав запретные встречи. И хотя концерты в тридцать первом проходили всего два раза в месяц, женщины ликовали. Два свидания – серьезное подспорье после долгих лет засухи.

В октябре карантинный барак преобразовали в обычный, поскольку новых этапов до весны не предвиделось, а последний этап свой положенный месяц отбыл. Тех, кто ютился на шконках вторыми и третьими, должны были распределить по другим баракам. Однако расселять их, как выяснилось, было некуда. Вагонок катастрофически не хватало по всему лагпункту.

– Начальство просчиталось, принимая этапы, – разводила дневальня руками на жалобы узниц, уставших спать по двое и трое человек.

Из-за невыносимой тесноты прокатилась волна драк, потом разразилась эпидемия дизентерии. Аброскиной пришлось в спешке направлять здоровых рабочих в другие лагпункты 503-й стройки, и, поскольку свирепствовавшая болезнь каким-то чудом обошла меня, я тоже появилась в списках на перевод.

На том закончился лесоповальный этап моей жизни. Я переехала в лагпункт №13, где работали при строительстве железной дороги.

Новые подружки, новые жучки, новое начальство, новые наряды. Я приспособливалась. Выделили личную шконку, и то неплохо. Трудно только было свыкнуться с тем, что уже в середине осени Заполярье покрылось сугробами, будто бы на дворе стояла глубокая зима. Но от метелей все же был прок: благодаря им у здешних заключенных выдавались часы лафы. Мы расчищали лопатами снег с готовых участков железной дороги. Все не лес валить...

Основной же нашей задачей была отсыпка железнодорожного полотна. Каждый день мы брали тачки, катили их вверх по крутому деревянному трапу и сыпали грунт. Получали бирки от учетчика – так считались наши зачеты, – прятали их в карманы, спускались вниз. Потом все заново. И еще раз, и еще. Говорили, будто на стройке имелись самосвалы и машины могли бы частично заменить армию в телогрейках, но техника была в дефиците, ей обеспечивали лишь самые отдаленные участки.

После того как мы отсыпали полотно, другие бригады выравнивали грунт деревянными трамбовками. За одну смену нужно было подготовить к укладке рельсов около 12 километров. Когда участок сдавали, за дело принимался «Уклад городок». Его рабочим тоже приходилось несладко. Сначала они укорачивали, выпрямляли или сваривали рельсы, которые везли на дальний Север со всей страны (некоторые из них были изготовлены до Революции, другие скручены, третьи искорежены за годы войны); затем они надевали брезентовые рукавицы, длинными железными щипцами перетаскивали рельсы на насыпь и укладывали их поверх шпал.

На строительстве трассы попеременно работали и мужские, и женские бригады из ближайших к участку лагпунктов. У нас были одинаковые наряды, нормы, поощрения. Выглядели мы тоже одинаково. Участок напоминал кишачий насекомыми муравейник, и черт всех разберет со спины: мужчина, женщина, ребенок? Разве что приглядевшись, можно было увидеть длинные волосы, выбившиеся из-под шапки, густую щетину или подростковую поросль.

Вещевые склады пустовали. Отсутствовали одежда и обувь необходимых размеров, поэтому многие ходили в том, что им было не впору, или вообще недополучали вещей. Польке Микалине из моей бригады было отказано в меховых рукавицах (закончились на складе). Жертвуя теплом в ногах, она обматывала руки портянками. Но в течение дня ее руки, сжимавшие раму тачки, все равно приобретали на северном ветру иссиня-красный оттенок и деревенели. Я время от времени давала ей поносить свои рукавицы, что хоть немного облегчало

Микалинины страдания. А когда Микалина все-таки отморозила руки до черноты, прораб обматерил ее за то, что нарочно спрятала варежки: ишь чего, захотела припухнуть в санчасти...

Мне же выдали валенки не по размеру. У меня был 40-й, а получила я 38-й. Мало того, валенки оказались еще и слишком тонкими. Год назад стройка получила огромную партию валенок от 24 до 27-го размера, и их пришлось растягивать в полтора – два раза. Растянутый 38-й натирал мне ноги и плохо грел. Первый же рабочий день, проведенный в этих валенках, едва не закончился для меня отморожением, а зима за полярным кругом стояла долгая, беспощадная. Остаться калекой или выкрутиться самостоятельно – таков был мой скромный выбор. Следующим же утром я стала следить за мужчинами и женщинами, и у всех, кто передвигался с неудобством, спрашивала размер ноги. Спустя неделю, измучившись на морозе, я наконец обменялась валенками с одной из девушек. Ей мой 40-й размер был свободен, но не мешал работать, поэтому она, не упуская шанса, потребовала доплату: мою дневную норму хлеба. Решив, что день на баланде и каше – меньшее из зол, я согласилась. Опять же Микалина, благодарная за рукавицы, поделилась своей буханкой.

Катить тяжелую железную тачку оказалось ничуть не легче, чем орудовать топором. Мой организм потихоньку сдавал. Несносно ныли икры, от упора на тележку болели руки, плечи и спина. Женские дни и прежде-то не были приятны, а теперь они стали пыткой, сущим проклятьем. Настроение скачет вверх-вниз, живот болит до слабости в ногах, к горлу подступает тошнота – но ты терпи, выжимайся, кати свою тачку, пока в глазах не помутится!

«Строитель! От ударной работы растает твой срок», – подбадривала заключенных надпись на плакате. Моя бригада едва дотягивала до нормы. Как же тут перевыполнить?

Однажды мы вконец захирели и не смогли сгрузить столько тачек, сколько требовалось. Получили штрафпаек – 350 граммов хлеба. На следующий день с голодухи еле кости с нар подняли, о выполнении плана и речи не шло; спасибо, бригадирша вовремя подсуетилась – договорилась как-то с учетчиком...

С жучками у меня на новом месте не срослось – еще до моего прибытия у них было целых пять романисток, поэтому мои тисканья их не интересовали. Зато как-то раз к нам зашла начальница режима младший лейтенант Болотцева и спросила, кто умеет рисовать. Так как никто не откликнулся, я осмелилась поднять руку, и Болотцева молча увела меня в штабной барак. Там сидел ее упрямый, капризный сын, которому через три дня исполнялось 10. От меня требовалось нарисовать его портрет.

– Закончишь к дате – переведу в прачечную, – пообещала она. – А пока от общих я тебя освобожу. Вот тебе краски...

Кипятить горы вонючего и вшивого белья в прачечной было не самым легким и приятным трудом, но я ждала перевода с радостью. «Усиленная» баланда, прописанная Болотцевой, грела мне нутро. Портрет был готов ровно ко дню рождения Лени – так звали этого подлеца, который находил веселым называть меня «поганой контрой», «грязной шалавой» и «лагерной швалью»; и хотя я считала, что могла бы нарисовать лучше, Болотцева пришла от картины в восторг и сердечно благодарила меня за оказанную услугу. Перевод с общих, добавила она, займет пару недель – место надо освободить.

Через пять дней начальником режима назначили некоего прапорщика Разгуляева. Болотцева, как оказалось, отбыла с сыном и мужем-особистом в Красноярск. О моем переводе в прачечную никто никогда не слышал.

Я не сдавалась. Скопив небольшую сумму из зарплаты, я не потратила ее в ларьке, а отдала втихую наряднице. Жучка Дуся сунула деньги в карман и кивнула. Следующие три дня я провела на аптекобазе. Я работала в теплом помещении и получала вполне съедобную, густую кашу. Потом Дуся определила меня снова на отсыпку. Тех жалких грошей, конечно, было недостаточно, чтобы оставить меня на легкой работе. Отдохнула – и хватит. Не знаю, на что я рассчитывала...

Полная отчаяния, я катила свою тачку.

«Придется сидеть почти все десять лет. Год за два мне не светит», – не таила я от себя правду, забирая драгоценную бирочку и с ностальгией памятуя о почтальонской сумке. Да я сейчас могла бы носить две таких сумки и плясать по пути! А комната у Ульяны Алексеевны! Пусть кишашая тараканами и клопами, пусть пропитанная запахом перегара, но у меня там был собственный закуток с собственной раскладушкой! Какой же избалованной девицей я была, если сравнивала ту пору с каторгой? Почему не осознавала, как мне повезло, когда Адмираловское дело миновало, не уволочив меня за решетку или хотя бы на поселение? Ох, возвратилась бы новая Нина назад, в 37-й, и выдала бы отрезвительную оплеуху жалкой нюне!

Сегодня я поднималась по трапу уже 20-й раз. Ну как поднималась, скорее, с горем пополам плелась наверх. Одноколесная тачка моя шатко ехала в гору, порываясь выскользнуть из дрожащих рук. И все же выскользнула, дрянь, нервно дернулась и рухнула. Трап под ногами затрещал. Грунт высыпался мне на валенки.

– Ах ты растяпа! – гавкнула следующая за мной зэчка.

Я застонала и потеряла окаменевшие мышцы рук. Движение сзади остановилось. На меня волнами накатывал обморок, и я, тяжело вдыхая чистый морозный воздух, оперлась на перевернутую тележку. Раздражение рабочих чувствовалось спиной и росло секунда за секундой, но я не могла идти, я не могла даже посторониться, чтобы дать им дорогу, поскольку в глазах маячили темные пятна, а ноги не слушались.

– Живо подбирай! – приказала моя бригадирша.

– Ну-ну, поспокойнее, всяко бывает, – сказал ей бригадир из мужского лагпункта, подоспевший к месту происшествия. А потом добавил, вероятно мне: – Что, совсем паршиво? Давай помогу.

Он ловко вскочил на трап, поднял тачку и сунул ее мне. Я машинально сжала пальцы на раме. Бригадир собрал, как получилось, рассыпавшийся грунт и неряшливо, по-мальчишески так, вытер руки о чистые штаны. Посмотрев на меня повнимательнее, он оживился:

– Ба, красивая какая! Ты как, ничего? Катить можешь?

– Могу, – хрипло откликнулась я.

Обморок отступал, мир вокруг прояснялся. Передо мной стоял яркий молодой мужчина. С рыжими волосами, золотистыми веснушками и карими глазами, он был похож на луч солнца, по случайности забредший в край снегов и льдов. Убедившись, что я пришла в себя, бригадир подмигнул на прощание и спрыгнул обратно. Я толкнула тачку и двинулась вперед, исподтишка глядя ему вслед.

Звали его Василий Гриненко. В прошлом, до того как надеть зэковскую робу, он служил в истребительном авиаполку. В войну Вася лично сбил 20 вражеских самолетов, за что его должны были повысить до подполковника и представить к званию Героя Советского Союза. Дела шли бы в гору, если бы не одна роковая ошибка, стоившая ему свободы и всех почестей. Разговаривая с боевыми товарищами в 1944-м, летчик по неосторожности ляпнул, что нашу военную технику нельзя назвать передовой, до той же немецкой ей как до луны пешком; бдительным армейцам было хорошо известно, что от болтовни до измены один шаг и от умалчивания о преступлении до измены столько же, поэтому они покивали для виду, а затем передали слова кому надо. Так балабол Гриненко лишился майорских звездочек, получил десятку за антисоветскую пропаганду и впредь уже не распускал язык при ком ни попадя.

Вася запомнил меня и теперь каждый день выискивал на стройучастке. Я его чем-то зацепила. Он шутил, пытаясь развеселить меня, восхищался моей красотой, которую «надо бы маленько подкормить», и поддерживал в минуты слабости. Когда в следующий раз сильно закружилась голова, он выпросил для меня полчаса отдыха у конвойных, чем-то с ними расплатившись. Вася ухаживал за мной смело, напористо, он шел семимильными шагами, перейдя от знакомства к попытке поцелуя за два дня.

Он мне нравился, очень нравился, но я была не готова к такому напору. Он слишком торопился. И хотя по здешним меркам Вася действовал весьма деликатно и последовательно – многие переходили за два дня не к поцелую, а сразу к близости, – мне требовалось гораздо больше времени. Разведенка, раздавленная тем, что жизнь резко перевернулась с ног на голову, я была попросту не в состоянии крутить любовь. Да еще и Громов постоянно вылезал из закоулков памяти...

– А хочешь, моя бригада спишет часть выработки на твою? – шепнул Вася как-то раз.

– Ах ты жук! – не на шутку разозлилась я. – Люди горбатятся, а ты их заслуги чужим приписываешь! Несправедливо, Вася.

– Ну что ты, что ты! – вспыхнул Гриненко. Очевидно, я задела его за живое. – Мы норму каждый день перевыполняем. Бригада ударная, от нас не убудет. Иногда списываем на женские, если одна из девушек нашему приглянулась.

– Как романтично, – вырвалось у меня.

Переступив через свою слабость, я отказалась от их зачетов. Не хотела я быть в долгу перед посторонними людьми. Да и принимать подарки – значит, отвечать на симпатию взаимностью, включать зеленый свет. А мне нужно было сохранять дистанцию.

Но Вася неверно расценивал мою сдержанность и видел несуществующую подоплеку там, где ее не было. Он, похоже, решил, что я набиваю себе цену. Вообще, я не отношусь к тем дамам, которые строят из себя недотрогу и под «нет» подразумевают «да, но попытайся еще раз». Этого Вася не мог постичь. Сколько я ему ни объясняла, он отмахивался и придумывал новые способы завоевать меня. Он атаковал непрístupную стену всеми доступными ему оружиеми – юмором, комплиментами и обещаниями. Баночку печеночного паштета подарил, угодник.

В конце концов мне понадобился коллективный совет, как охладить пыл поклонника и при этом не уязвить его. Вернувшись вечером на базу, спросила у своих соседок по нарам, как бы они поступили с Васей на моем месте.

– Ну вьется он за тобой, нашла беду, – пробормотала Гаянэ, тщательно расчесывая роскошную кудрявую шевелюру и морщась, когда расческа наткнулась на спутавшиеся в комок волосы. – Не поощряй его, коли не хочешь. Поохотится-поохотится да перестанет.

– Да не поощряю я его, – пожалала плечами я.

– Зря ты его отшиваешь, мужик-то видный, – со значением вставила Алена. – Бригадир, передовик! Эх! Уведут из-под носа – горевать будешь, второго такого искать.

– Точно, – поддакнула Тома. – Жаль только, мозги на место поздно встанут.

– Отдай мне, я найду ему применение, – хохотнула Валя.

– Ты, Нинка, баба молодая, хороша собой, – добавила Алена, – а молодостью и красотой нужно уметь распоряжаться. Была у меня знакомая латышка, села на три года за побег из места ссылки. Сказочная красавица! Словами не передать, какая была девка! Будто артистка! Вышние чины краснели, как мальчишки, стоило ей бросить на них смущенный взгляд. Она могла бы охмурить любого из них и позабыть про все горести! А она, дура, свой дар направоналево растрчивала... Давала нарядчикам, чтобы на недельку отдохнуть от кайловки, давала учетчикам, чтобы больше выработки приписали, повару сосала, он ее жареной картошкой подкармливал. Потом соглашалась и за чулки, косынки, колбасу. В общем, подставлялась она всем, кто ей хоть что-нибудь предлагал. Однажды заманили ее пятеро, якобы на попойку, а сами попользовались и выкинули на улицу. С тех пор купить ее можно было за банку спирта или курево. К концу срока от прежней красоты не осталось и следа... А могла бы одного покровителя выбрать, он бы все для нее сделал! И Васька для тебя все сделает!

Я вздохнула, догадавшись, что помощи мне от них не получить. Гаянэ, смерив меня задумчивым взглядом, отложила расческу.

– Я тебе кое-что расскажу, Нинка, после чего ты Васькины приставаания пустяком признаешь. Слышала когда-нибудь про колымский трамвай?

Я покачала головой, хотя смутно вспомнила, что в трюме парохода звучало это выражение.

– Об этом, Нинка, каждая, на Колыме побывавшая, слышала. Там мало женщин, а мужиков – прорва, и все голодные сама понимаешь до чего. Приехали мы в пересыльный лагерь новенькими, и в первую же ночь мужики на наш барак налетели. Никто им не препятствовал, зачем! Охране целую грудку бутылей выставили, чтоб молча пили в сторонке! Мы дверь держали как могли, да не удержали, куда нам против этой своры. Мужики вломились, заперлись там с нами, девок похватили и давай очереди устраивать. Два дня мучились, некоторые, собственно, отмучились, потом охрана сподобилась разогнать. Вот тебе и колымский трамвай. Человек двенадцать на одну женщину считается трамваем средней тяжести. Мне повезло.

Гаянэ улеглась на шконку и натянула сверху пустой пододеяльник.

– Здесь, вишь, потише, – заключила она.

– Тоже нарваться можно, – подала тонкий голосок семнадцатилетняя Света. – Меня по приезду в восьмой лагпункт охранник за спирт продал, тварь. Досталась блатному на ночь...

– Была одна Ольга, на пятьсот первой стройке срок отбывала, – заговорила девушка с дальней вагонки, мне не знакомая. – Она жила с начальником лагпункта в Лабытнангах. Измотал ее, старый пень, никак натешиться не мог. Она и домработницей у него заодно была, вещи ему стирала, штопала. Если кто из лагерщиков выделялся, Богданов – такова была фамилия того начальника – в награду давал свою Ольгу на ночь. Однажды вохровцы пресекли побег, так Богданов к ним всем Ольгу-то и отправил. Наутро ее забрала бригада могильщиков и похоронила где-то в лесу.

Мы помолчали.

– А здесь ссильничать могут? – задала я давно мучивший меня вопрос.

– Да где угодно могут, – ответила Гаянэ. – Но многие сами соглашаются на сожительство, чтобы выжить. Алена права, зря ты Васю отшиваешь. Пригодится поди еще.

Я повторяла про себя леденящие кровь истории солагерниц каждый раз, когда Васька выводил меня из себя. Но горячность, эта чертова вспыльчивость, из-за которой я сюда и попала, одерживала верх. Как я кипятилась, когда он по-хозяйски целовал меня в щеку! Как взрывалась, когда вставал вплотную, заприметив рядом другого мужчину! Еще бы табличку на меня повесил – «Собственность Василия Гриненко!» «Экспонат не трогать!» А что с ним случилось, когда другой бригадир, в Васиных любовных делах несведущий, подкатился ко мне с развязным «Красючка, айда прошвырнемся на часок! Не обижу!» Он так разозлился, что непрошенный конкурент на следующий день потопал в карьер с кайлом. Вася уже тогда был влиятельным среди заключенных, с всесильным старшим нарядчиком он разговаривал на «ты» и был вхож на его вечерние застолья.

И вот заканчивался перерыв, рабочие возвращались к трапам, а Васькина рука легла мне на поясницу и спустилась ниже. Донельзя уставшая от его настырности, я уже без предупреждения, резко, со всей имеющейся в слабом теле силой бросила в его сторону ненавистную тачку. Колесо скрипнуло, тележка накренилась и въехала аккуратно в мужское колено. Она была пустой и все же сама по себе увесистой, так что легко он не отделался. Распахнув глаза, Вася громко чертыхнулся и рухнул на землю. Тачка неожиданно проявила женскую солидарность и добила его, свалившись сверху на ногу.

Раздался сдавленный крик. Заключенные обернулись и, смекнув, что произошло, ударились в хохот. Гриненко скинул с себя тележку, потер колено и обиженно покосился на меня снизу вверх, точь-в-точь маленький ребенок, несогласный со своим наказанием.

А мне было плевать, согласен ли он, обижен ли он, – слушать надо было, когда до тебя по-хорошему пытались донести; ярость моя бурлила, прямо-таки пузырилась вся. С деланным

равнодушием я стянула грязь с огромных черных штанов – они были привезены из мужского лагеря и постоянно сползали, пока я не затянула их бинтами, – затем поправила телогрейку с накинутым сверху бушлатом и нахлобучила шапку. Иными словами, я старательно игнорировала Васю и его щенячью мордочку.

Неподалеку от нас замаячила массивная фигура человека в служебной форме. Прораб, намеревавшийся вмешаться, отошел. Отлично! Теперь еще начальству объяснять, чего мы деремся...

– Здравствуйте, гражданин начальник! – заорали заключенные вокруг, подняв над стройучастком гам.

– Что здесь случилось? – спросил эмвэдэшник негромким, но звучным низким голосом. Я припомнила этот бас. Он принадлежал начальнику 503-й стройки. Только там, на лесоповале, в голосе полковника слышались нотки веселья, сейчас же он сочился раздражением.

– Любовники ссорятся! – покривлялся кто-то.

Строители снова покатались со смеху.

– Расходимся! – скомандовал полковник и взмахом руки призвал продолжить работу.

Закрыв рты, заключенные подчинились. Снова поехали тачки, заскрипели трапы. Моя бригадирша, нервно стреляя глазами туда-сюда, маячила поблизости. Я, ее подневольная, одновременно прогневала авторитетного бригадира и всеильного хозяина здешних земель. Ведь это могло разрушить и ее карьеру тоже...

Начальник широко расставил ноги и сложил руки в карманы шинели. Он озадаченно посмотрел на опрокинутую тачку, на меня, на Васю и, словно одумавшись, словно почуяв что-то подозрительное, сдвинул брови и остановил взор на мне.

Я впервые разглядела его вблизи. Он обладал куда более высоким ростом, чем показалось в первую встречу, он аж возвышался надо мной – непривычное для дылды ощущение. Длинные, почти по колено, черные сапоги визуально делали его еще выше. И он был гораздо моложе, нежели я думала. Полковник ни капли не походил на того эмвэдэшника, которого я представляла, сидя в кругу бастующих.

– Так что произошло? – осведомился он, поправив фуражку.

У него были короткие черные волосы, прямой нос...

– Ничего страшного, гражданин начальник, – сказал Васька. Он бодро встал, хотя и с трудом оперся на ушибленную ногу. – Я хотел помочь уставшей девушке, но сам выронил чертову тачку.

...Тонкие губы, массивная челюсть. Ямочки на щеках еле заметны, но при улыбке они, надо полагать, становились отчетливее, очаровательнее...

– Гриненко, прекратите этот цирк, – потребовал полковник. На его скулах заиграли желваки. – Я видел, кто выронил «чертову тачку». Зачем вы это сделали?

Серые глаза сощурились и уставились прямо на меня. Очень невовремя – я как раз потеряла дар речи и хватала ртом морозный воздух. Пытаясь выдавить из себя что-нибудь, ну хоть что-нибудь, я изучала знакомые морщинки на веках и лбу, которые с возрастом углубились.

– Я... – начала и осеклась.

Вася и полковник буравили меня взглядами. Я судорожно кочегарила свою поплывшую соображалку.

– Я не рассчитала силу, я не собиралась его травмировать, – промямлила я наконец и, обращаясь к Васе, добавила: – Прости, но ты слишком настойчив. Я же говорила об этом. Ну почему ты меня не слушаешь?

Лицо Гриненко смягчилось, а у полковника наоборот – напряглось. Темные брови взмыли вверх.

– Вы могли смело обратиться к охране, к своему бригадиру, к прорабу, – негодовал он, приведя мою подслушивавшую бригадиршу в мучительный трепет. – На крайний случай – ко мне лично или к кому-нибудь из моих заместителей...

Я будто вновь стала школьницей, которую отчитывала учительница по черчению. Эх, Татьяна Петровна! Вас, похоже, переплюнули...

– Я часто бываю на этом участке, – давил на меня начальник. – Незачем самой решать подобные вопросы, тем более накидываться. Вы мне работника из строя вывели, понимаете? Ценного, между прочим, работника!

Недовольный взгляд метнулся на Васю. Я перевела дух.

– Гриненко, предупреждение. Больше к девушке не суйся, иначе из бригадиров вылетитишь.

– Есть, гражданин начальник! – выпрямился Вася.

– Иди в санчасть, пускай тебя осмотрят...

Больше он ничего не говорил. Круто повернувшись, начальник стройки прошествовал к своему наблюдательному посту.

Вася подмигнул мне на прощание. В прежде игривых глазах его сквозили грусть и уязвленная гордость. Прихрамывая, он направился на базу, в санчасть.

Я будто получила удар в солнечное сплетение; я не дышала, не шевелилась, я никак не могла прийти в себя и очнулась только тогда, когда моя бригадирша грубо ткнула меня в бок. Поставив на колесо опрокинутую тачку, я машинально пошла сваливать в нее грунт. Руки тряслись, ноги стали ватными.

Спустя столько лет встретить его! Он был призраком из прошлой, давно забытой жизни, и мне было страшно, не помутился ли мой рассудок, не обманули ли меня мои глаза... Ведь невозможно сопоставить этого холеного, холодного, вышколенного полковника МВД и того беззаботного, добродушного, охочего до ласки студента. Начальника исправительно-трудовых лагерей и моего первого любовника, подарившего мне самые романтические в жизни дни.

Глава 3

В ноябре температура опустилась до 30 градусов ниже нуля – по крайней мере так утверждали те, кто сверял ее по уличным термометрам. В стужу мы надевали маски с вырезами для глаз и рта, сшитые на скорую руку из нескольких разноцветных клочков ткани; они спасали от обветривания и обморожения, но в придачу к плотно завязанным шапкам-ушанкам, серым телогрейкам и бушлатам, валенкам, ватным брюкам и варежкам вконец обезличили заключенных мужчин и женщин. Белье у меня под одеждой и то было мужским. Никогда в жизни я не чувствовала себя столь блеклой, невыразительной. Бесполой, черт возьми.

Несмотря на то что мы активно двигались, у нас замерзали руки, пальцы ног. Глаза слепил блестящий на солнце снег. Шквальные порывы ветра стремились свалить людей навзничь, поэтому нам приходилось оседать к земле и держаться друг за друга. Хорошо, наш участок находился не у отрогов Уральских гор. Там, говорят, ураганы поднимали в воздух железнодорожное полотно, скручивали в спираль стальные рельсы. Раньше я бы ни за что не поверила в такие байки, а теперь верила, очень даже верила. И удивлялась, когда мимо трассы, выплывая из белого снежного облака, не спеша проезжали ненцы в санях, запряженных оленями. Казалось, что оленям любые морозы и ветры нипочем. В снегу они не тонули. Я много читала о них в школьные годы, но только сейчас смогла по-настоящему оценить их способности к выживанию.

В пургу трассу буквально заваливало снегом. Высота заносов достигала одного, порой двух метров и тем самым парализовала работы; тогда женщин посылали на расчистку снега – или, как тут выражались, на снегоборьбу. Куда октябрьским сугробишкам до нынешних белых завалов! О какой лафе может идти речь, когда ты без усталости машешь лопатой, уничтожая гору в собственный рост! А начальство гонит, поклеывает нас: некогда отдохнуть, некогда медлить, гражданочки, сроки, сроки, сроки! Да как закончите, марш к мужским бригадам – насыпь сама себя не насыплет, знаете ли!

Сроки, сроки, сроки! Какие же они короткие! Какие мимолетные! Иногда казалось, что я больше не вынесу ни дня и просто тихонечко умру себе во сне. Тяжелый физический труд вышиб из меня последние крупницы духа. До кома в горле хотелось расплакаться навзрыд, и единственное, что меня сдерживало, – то, что свидетелями моих стенаний стали бы все остальные лагерницы. А я не могла себе позволить прослыть плаксой, истеричкой, дохлячкой. Чувство собственного достоинства пока не покинуло меня, оно изредка напоминало о себе, повякивая где-то в глубине.

Заключенные ни на миг не оставались по-настоящему одни. Мы вместе спали, справляли нужду, мылись, ели, стирали грязное белье и работали. Ночью я залезала под одеяло с головой, оставив лишь маленькую щелку для свежего воздуха. Там, в моем шалаше, почти не были слышны сопения, храп и вздохи спящих женщин. Эти душные минуты дарили мне жалкую имитацию личного пространства.

С приходом холодов куда более невыносимым казался голод. Если раньше организм страдал из-за убогого рациона и непосильных нагрузок, то теперь он к тому же должен был противостоят низким температурам. Чаще всего нам выдавали на кухне овощной суп и хлеб да ссыпали спичечную коробку сахарку – мы складывали ладони ложечкой и слизывали его прямо так, без чая. Тоже мне, рацион строителя! Жалкие крохи даже для подростков! А ведь они вдвое меньше взрослых и работали по сокращенному графику...

Я стремительно худела, теряя привычные формы. Круглые щеки впали, руки и ноги высохли, волосы сыпались с макушки, лицо побледнело и приобрело землистый оттенок. Терзали головные боли и тошнота. Я понимала, что последствия недоедания будут постепенно усугубляться и когда-нибудь меня тоже сразят цинга, куриная слепота и пеллагра, поэтому всю

свою зарплату спускала на продукты в ларьке. Хорошо, что не курила, иначе все деньги ушли бы на «Беломор».

Моя зарплата составляла 150 рублей, из них на руки я получала лишь половину (а другая половина лежала на личном счете). Я покупала окаменевшие пряники, хлеб, консервированные горох и помидоры. Однажды горох попался с истекшим сроком годности, но я все равно его съела – нечего добру пропадать. В честь дня рождения я решила побаловать себя вареньем «морковь в меду». Потратила на него последние деньги за месяц, а оно, как выяснилось, было отвратительно на вкус. Похуже гороха... Я давилась, через не хочу запихивала ложку в рот, слезу пустила – но нет, отвергали мои внутренности эту отраву. Отдала малолеткам. За милую душу вылизали баночку, посчитали даже, что вкусно.

Сама же покупка продуктов давалась с боем. Воровки курочили чуть ли не каждую посетительницу магазина, поэтому я брала с собой трех-четырёх подруг, чтобы помогали отбиваться. Боевые товарищи, разумеется, делали это не за спасибо – я делилась с ними купленной едой. Мы располагались на чьей-нибудь шконке и устраивали общий пир. В следующий раз боевой подругой выступала я.

Перед сном я иногда думала о своей прошлой жизни – восстанавливала в памяти те самые зарисовки, которые отчаянно зазубривала на Лубянке. Но они меня уже не вдохновляли. Они лишь напоминали, сколько всего я потеряла и насколько кошмарна моя новая реальность.

Мне довелось снова повстречать Наташу Рысакову – заключенную, с которой я плыла на пароходе в Игарку. В пасмурный ветреный день несколько мужских и женских бригад, в том числе и мою, отправили в карьер добывать гравий. Я не сразу заметила Наташу в толпе. Ее природная хрупкость больше не бросалась в глаза из-за мешковатой робы, а мягкие белокурые волосы были прикрыты меховой шапкой. Зато я признала широкую улыбку Наташи, да и ее живые голубые глаза выделялись на фоне унылой гулаговской серости.

– Как ты? – справилась я, пока мы работали в карьере бок о бок.

– На железке-то ничего, – рассеянно молвила Рысакова. Выглядела она еще хуже, чем в трюме, когда ее одолевала морская болезнь. – Спусти пару недель после прибытия в двадцатый ОЛП меня перевели в Ермаково, это в ста километрах от Игарки. Там сейчас строят крупный жилой поселок и новые лагпункты при нем. Хорошо, я к окончанию работ прибыла, не застала той дикости, с которой столкнулись первые заключенные. Людей привезли в чисто поле, представь себе. Жили в землянках, в палатках. Ты была права – самые что ни на есть первобытные условия... Зимой эти землянки с палатками утепляли снегом, чтобы не околеть, по весне вода стояла до самых нар. Первопроходцам всегда тяжелее.

– А сейчас как? – спросила я, встревожившись за ее здоровье. Вообще-то мне не следовало привязываться к кому бы то ни было в лагере – своих забот с лихвой хватало. Однако Наташа была исключением из правил.

– Лагпункты готовы, – сказала она. – Нас переселили в бараки, новеньких присылают. Расширяемся кое-как. Работаем кто на железной дороге, кто в станке – там еще много чего строить в ближайшие годы. Но вот как же меня угораздило попасть в этот адский карьер... Хуже работы не придумаешь...

– Наташа! – донесся крик. – Наташа, здравствуй!

Рысакова вздрогнула. Ей издали радостно махал заключенный. Уперев лопату в камни и поставив ногу на полотно, он отчаянно старался привлечь ее внимание. Серая шапка-ушанка съехала набок, открывая взору отросшие блеклые волосы, на щеках мужчины темнела щетина.

– Здравствуй, Толя, – ответила Наташа и тут же отвела взгляд.

Он притворился, будто не расстроился из-за столь прохладного приема, и принялся отрешенно черпать гравий.

– Твой приятель? – предположила я.

– Нет, – отрезала она. – Он тоже живет в Ермакове, пересекаемся изредка, вот и здороваюсь.

– Думаю, у него есть иной мотив, – улыбнулась я, наблюдая за Толей, который до сих пор косился на блондинку. – Он тебе как?..

– Хороший парень, – передернула плечами Наташа, приняв равнодушный вид.

– Но? – Я по ее тону догадалась, что есть какое-то «но».

– Но... – растерялась она. Верно, придумывала на ходу. – Знаешь, он не в моем вкусе. Простоват, неумен. Нос картошкой...

Я еще раз посмотрела на Толю, но ничего подобного не увидела.

Объявили пятиминутный перерыв. А поскольку отдыха в карьере почти не предоставляли (за смену каждому нужно было загрузить по 30—40 грузовиков), мы с Наташей поспешили отойти в сторону костров. Не сговариваясь, одновременно вытащили из внутренних карманов припасенный хлеб и откусили по два раза. Жевали тщательно, глотали с горечью.

– Глянь-ка туда, – кивнула Наташа на мужскую бригаду, когда перекус был закончен. – И как мы сами не додумались?

Вот что в лагерях называли «зарядить туфту». Чистой воды халтура! Заключение не скидывали камни в машину, а больше деловито размахивали полупустыми лопатами. Грузовик заполнился лишь наполовину, а надо-то с горочкой...

– Трогай! – наказали мужчины шоферу, опустив лопаты.

Учетчик схватил зубами зажженную самокрутку и сделал запись в журнале. Появилась галочка: машину загрузили и отправили. От его глаз не укрылось качество работы, и все же водителя он не остановил.

Это был уголовник по кличке Баланда. Вопреки моим предположениям, он получил столь звучное для режимной зоны прозвище не в честь привычного, можно сказать традиционного, тюремного супа. Просто Федя – таково было его настоящее имя – появился на свет в поселке Баланде Саратовской области. А воры, придумывая друг другу клички, часто вдохновлялись именованиями родных городов и сел.

Костлявым, угловатым каким-то был этот Федя. Острижен коротко, почти под ноль. Уши лопухами, губы отвислые. Передвигался он мелкими шажками – вороватая такая, причудливая походка. И хотя по лагерной карьерной лестнице Федя вскарабкался к завидным высотам (ведь до учетчика дорасти непросто), он еще был очень молодым человеком. «Не больше двадцати лет, совсем мальчишка», – навскидку прикинула я, оценив его юношескую наглость и самонадеянность.

– Почему конвоиры молчат? – спросила я, мотнув головой на теплую кабину грузовика. Там отдыхали двое рядовых. – Они что, не видят?

– Всё они видят! О том, что Баланда и его приятели – халтурщики, знают все, от работяг до командного состава. Но вохра отнекивается: наша, мол, забота – охранять, а не за качеством следить. Им же приписки на руку! Они у нас на довольствии. Часть денег, которые мы, трудяги, зарабатываем в бюджет стройки, управление ИТЛ Обского и Енисейского строительства перечисляет на содержание охраны. Стало быть, чем больше у нас нарядов, тем сытнее кормежка у конвоиров и премиальные у офицеров.

– Езжай давай! – велели урки шоферу. Грузовик был полупустым, конечно.

Наташа резко схватила меня за рукав и приблизила к себе, словно забыла рассказать о чем-то важном.

– Ты с Федей никогда дела не имей, – остерегла она меня. – Слышишь? Он в прошлом месяце убил Сашу Семина, парня с общих. Увел у него ночью наручные часы. А Сашке они были очень дороги, он их в наследство от отца получил, берег больше хлеба. Как-то раз Саша сказал мне: если б не отцовские часы, он бы давно позабыл, кто он и зачем он, они ему о семье напоминали, о мире, о любви... Так что он очень разозлился, обнаружив пропажу утром. Аж

в сердцах назвал Федю петухом. Петухом! Это страшное оскорбление в криминальном мире, им направо-налево не разбрасываются. Воры устроили разборку, ну, это у них так суд называется, и через пару дней беднягу закололи.

– Но убийцу не нашли, верно? – догадалась я.

– Даже не искали. Знакомый фельдшер сказал, в акте о смерти записали как алиментарную дистрофию. Вообще, эта Фебина свора тут в масле купается... Работают вполсилы, зато по зачетным книжкам каждый день норму перевыполняет. Жрут улучшенный паек, в нашу газету попадают как ударники. А все потому, что начальство им благоволит.

– С какой стати? – возмутилась я.

– Вот такое торжество справедливости, – печально заключила Рысакова, мотнув мне головой в знак солидарности. – Ты до сих пор не поняла, что мы тут на последней ступени иерархии, да? Сначала – чекисты, вольнонаемные, потом воры с бытовиками, внизу – каэры. И плевать, что именно среди нас находят профессиональных геодезистов, геологов, мостостроителей, проектировщиков, гидротехников! Каэры-то и строят северную магистраль! Политические лечат офицеров, ставят спектакли, заведуют бухгалтерией, снабжением...

– Э, мля, чего прохлаждаемся? – рыкнул на нас Федя, сверкнув фиксами¹⁵ на передних зубах. Он согнул руки в локтях и театрально замахал ими, изображая бег.

Мы вспомнили, что зазевались, и взяли свои лопаты. Заканчивать Наташину мысль было ни к чему – и без того все было предельно ясно.

* * *

Я часто видела Юровского на стройке. Он заявлялся сюда то ранним утром, то в полдень, то ближе к вечеру, после чего отправлялся на другие точно такие же стройучастки с точно такими же серыми людьми, которые возводили кто насыпи, кто железнодорожные станции, кто мосты. Полковник не заезжал только тогда, когда оставался в штабе Северного управления или же когда посещал дальние лагпункты, путь к которым занимал целый день.

Но если Юровский был здесь, находился где-то в бурном потоке людей, я шестым чувством угадывала его присутствие. Пусть начальник стройки носил ту же форму, что и другие эмвэдэшники, он выделялся среди них своей характерной фигурой, которую ни с чем не спутаешь. Я спрашивала себя – как же не узнала его на лесоповале? Как не разглядела некогда любимое лицо?

Эта гигантская фигура вдалеке приводила меня в самое что ни на есть исступление. Вон он, стоит в окружении своих заместителей и инженеров, поглощенный работой, а я, лишь завидев его спину, уже волнуюсь, теряюсь, становлюсь невнимательной, попросту неуклюжей.

«Он сам-то вспомнил меня? – сомневалась я, заталкивая варежкой выбившуюся волосинку обратно под шапку. – Можно ли сопоставить ту загорелую бойкую девушку из прошлого и женщину, которой я стала, – бесформенную, бесцветную, безжизненную?»

Я забыла его на целых 12 лет. Нет, не забыла, скорее спрятала на дне памяти. Так маленькая девочка закапывает в шкаф личный дневник, чтобы его не нашли родители. Только я спрятала воспоминания от самой себя.

Как глупо! Ну до смешного нелепо! Нас много лет ничего не связывало. Мы повзрослели, поматерели, стали друг другу чужаками. Я больше не знала мужчины, который сейчас садился во внедорожник и уезжал на другой участок. Он был мне незнаком. Однако любопытство толкало изучать Юровского, пусть украдкой, тайком, но выведать хоть малейшую деталь о бывшем.

¹⁵ Фикса на блатном жаргоне – золотая или серебряная коронка на зубе.

Он возмужал, стал более складным, крепким, а двигался все с той же невесомостью, уверенностью и свободой. Лицо его отражало зрелого, вдумчивого, искушенного мужчину. Когда-то мягкие щеки загубели из-за ежедневного бритья. Кажется, губы стали тоньше и немного побледнели в силу возраста. «Это уже совсем не щенок, папа!» – помянула я отцовскую враждебность.

Сильно, очень сильно изменились глаза. Теперь они были куда менее живыми, чем 12 лет назад. Не потерял ли он способности красноречиво разговаривать глазами? Пусть будет так, чтобы не потерял! А впрочем, мне оно теперь без надобности. Взгляд его – властный, суровый, зоркий и вместе с тем отсутствующий, как будто мысли витали недостижимо далеко отсюда, – оставлял в сердце неприятный холодок. Пусть они лучше помалкивают, эти его глаза.

Один раз он бросил свой тяжелый взор из-под козырька фуражки в мою сторону. Я быстро отвернулась – не то решит, что какая-то заключенная пялится на него...

Возможно, если бы мы встретились при других обстоятельствах, я могла бы вновь увлечься им. Легко ведь влюбиться в человека, пока его темная сторона покоится в недрах души, пока ей незачем всплывать наружу. Но вот она всплыла, эта темная сторона, и я уже не видела в Юровском того доброго парня. Не клеился он в голове с начальником лагерей. Водянистая баланда, страдающие кровотечениями женщины, продажа девушек за спирт, насилюющие кобылу мужчины, солдаты в женской бане, затопленные землянки, дизентерия в набитых бараках, нарочито отрубленные пальцы у тех, кто хочет отлынивать от работы, безнаказанность воров... Разве могло все это произойти под эгидой моего Андрея? Мог ли он допустить подобное?

«Выходит, он сильно изменился, – с печалью резюмировала я. – Перестроился, зачерствел, ожесточился. Или я просто не успела его понять за время нашего жаркого, но короткого романа».

Разочарование мое было глубоко. Как у жены, которая годами купалась в любви мужа и вдруг узнала, что он изменял ей еще до свадьбы. Как у человека, которого предал самый близкий друг. Как у ребенка, который нашел в своем самом лучшем на свете родителе что-то земное, низкое, гадкое. Разительная перемена в Андрее сокрушила меня. Подлость Сережи – законного супруга, с которым я прожила 10 лет, – и то не оставила во мне такого неизгладимого отпечатка. Наверное, потому, что я не питала иллюзий насчет Загорского...

Что бы ни стряслось со мной, мой мир всегда твердо стоял на ногах – его оберегали воспоминания о близких. Я равнялась на близких, я подпитывалась их любовью и оттого считала себя неуязвимой. Их невидимое присутствие укрепляло мою веру. Но внезапно оказалось, что один из них совсем не тот, каким я его сама себе нарисовала. Тогда мой мир пошатнулся, упал и рассыпался в прах. Увидев моего идеального Андрея в новом, совсем не идеальном обличье, я почувствовала себя наивной, глупой, обманутой, меня замкнуло недоверие ко всему и вся.

«Не думай о нем как о своей первой любви, – советовала я себе. – Отныне он для тебя просто гражданин начальник».

Говорили, что гражданин начальник начинал службу на Волгострое – в специальном строительном-монтажном управлении НКВД СССР, занимавшемся сооружением Угличского и Рыбинского гидроузлов; год он отработал на Дальнем Востоке, в Нижамурлаге, где создавали военные аэродромы и прокладывали железные дороги. С приходом войны Юровского назначили в третью саперную армию, строившую укрепления на дальних подступах к Москве на Можайской линии обороны, а в 1942-м перевели в седьмую саперную армию, возводившую оборонительные сооружения по рекам Оскол и Дон, обводы второй очереди вокруг Сталинграда. В должности замначальника инженерных войск 62-й армии он стал участником Сталинградской битвы. Ходили слухи, будто он лично расстреливал сапера, если на проложенном им проходе в минном поле подрывался танк. Юровский был отмечен двумя орденами Ленина,

орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, награжден медалями «За оборону Москвы» и «За оборону Сталинграда».

Потом судьба занесла его в Куйбышев – начальником Безымянлага. Там он, однако, долго не просидел и уже в 1944-м возглавил Северо-Печорское управление исправительно-трудовых лагерей в поселке Абезь Коми АССР (Печорлаг); когда началось строительство Трансполярной магистрали, полковник взял на себя руководство Северным управлением железнодорожного строительства, курировавшим работы по участку от станции Чум через Обское, Яр-Сале, Новый Порт до места расположения будущего порта в Обской губе на мысе Каменный. Нет, это было отнюдь не повышение. Назначение в Заполярье после теплого и близкого к Москве Куйбышева означало ровно наоборот – понижение. Чем же Юровский заслужил холодное местечко? Какой выходкой прогневал вышестоящих?

– Покайся, сынок! – догоняя вышагивавших погон, крикнул старый зэк. Его седая борода развевалась на ветру, во рту не хватало половины зубов, а тело было маленьким и костлявым, как у подростка. – Покайся, пока не поздно!

Полковник обернулся, смерил старика раздраженным взглядом и пошел себе дальше, не сбавляя хода. Деда немедленно скрутили солдаты.

Здесь, на Севере, Юровский завел себе лагерную жену. Так называли в лагерях женщин, которые, хоть и не являлись законными супругами, ничем от них кроме отсутствия штампа в паспорте не отличались. Звали ее Катериной Лебедевой. Она была осуждена по какой-то бытовой статье, правда мои соседки не могли сказать, по какой конкретно. Катерина жила вместе с полковником, и конечно, на общих она не горбатилась. Она была премьершей театральной труппы стройки и блистала в Доме культуры Игарки.

Молва о ее актерском таланте и неписаной красоте доходила и до наших глухих краев. Говорили, что если Лебедева исполняла главную роль в спектакле в зоне, лучшие места в зале разыгрывали в карты. Коротким летом возлюбленной начальника дарили цветы; вольные и заключенные искали в полях незабудки и купальницы, рвали их и бережно обертывали в кусок газеты или бинт, а потом торжественно вручали актрисе во время поклонов. Иными словами, публика ее боготворила.

Интересно, по своей ли воле она с Юровским? Не подтолкнул ли он ее к сожительству, как поступают другие лагерщики?

А уж домыслам я, разумеется, не верила. Придумают черт знает что! Одна утверждает, что Юровский родился в семье видного революционера и приходится родным сыном небезызвестному царевубийце¹⁶, вторая – будто бы он и не инженер вовсе, а профессиональный чекист. Чушь!

– Что вы здесь делаете одна? – прозвучал за спиной низкий голос. – Распугали всех дыхателей?

Сжимая в руках тканевую маску, под которой вспрело лицо, я стояла неподалеку от трапов и отдыхала. Я выпросила у бригадирши пару минут, чтобы переждать головокружение. Из-за таких вот редких приступов она нарекла меня «барынькой», и, собственно, нарекла справедливо. Стыдно было перед бригадой за свою немощность, но что ж теперь, подышать ради проклятой выработки?

– Похоже на то. – Я повернулась к нему. – По крайней мере Вася обходит меня стороной.

– Мудрое решение с его стороны, – заметил он.

На обычно хмуром лице расплылась теплая полуулыбка. Очень похожая на ту, прежнюю.

– Доброе утро, Нина Борисовна.

¹⁶ Речь идет о Якове Юровском – революционере, руководителе расстрела последнего российского императора Николая II и его семьи.

– Здравствуйте, гражданин начальник, – отчеканила я по привычке, и тот сразу посмурнел.

Мы замолчали. Взгляд полковника аккуратно проскользил по мне, и меня снова понесло не в том направлении. «Может ли он вспомнить длину и изгибы ног под мужскими штанами, что велики мне на несколько размеров? А цвет волос под шапкой? О чем он думает? О том, как я подурнела? Как постарела?» Обида ужалила меня, и я немедленно вытолкала саму себя из водоворота вопросов.

– Васька заслужил, – добавила я глухо. – Был бы деликатнее, нога осталась бы цела.

– Это верно, – согласился он. – Ссориться с вами опасно. Гриненко пришлось два дня в санчасти пролежать, так лихо вы его стукнули. Захромал ваш кавалер.

– Значит, в будущем не будет руки распускать.

Как непривычно видеть его при золотых, с васильковыми кантами и тремя звездами, погонах! Легкие светлые брюки, клетчатые рубашки и мягкие футболки, которые он носил прежде, исчезли. Вместо них – длинная, по середине икр, строгая серая шинель с двумя вертикальными рядами белых пуговиц, высокие черные сапоги и утепленная фуражка. От него слабо веяло одеколоном и чем-то еще, чем-то приятным, домашним, таким недоступным. В убогой зэковской робе я почти физически ощущала дистанцию между нами.

Видимо, он размышлял о чем-то похожем. Юровский посмотрел вдаль и покачал головой.

– Я не ожидал увидеть вас здесь. Где угодно, только не здесь. Не в лагере на Крайнем Севере.

– Поверьте, я тоже была удивлена нашей встрече.

Он кивнул.

– Вы на меня зла не держите? – не вытерпев, поинтересовалась я.

– За что? – нахмурился полковник.

– За то, как мы с вами... расстались в последний раз.

– Ах, это, – хмыкнул он, будто я сморозила глупость. – Нет. Всё давно в прошлом.

– Да, в прошлом...

Бригадирша кликнула меня, расхаживая по стройучастку. Я обернулась, чтобы выпросить еще минутку, но в том не было нужды – обнаружив рядом со мной начальника, бригадирша пробормотала извинения и тут же ретировалась.

– Вы приехали сюда из лесоповалочного лагпункта, да? – спросил Юровский, когда она отошла на достаточное расстояние.

– Что, смотрели мое личное дело? – усмехнулась я.

– Не смог сдержать любопытство. – Полковник улыбнулся одновременно виновато и хитро. – Что же, вы сидели там, в кругу, когда я приехал?

– Сидела, – ответила я. – Хотя я вас тогда не узнала.

Он выпрямился и озадаченно потер грубую щеку ладонью.

– Я что, так сильно изменился?

– Нет, просто вы были далеко, – солгала я.

– Вы тоже требовали разрешения на свидания с мужчинами? – спросил он как бы невзначай, отведя взгляд на трапы.

– Получается, требовала.

– Но при этом остались на берегу и на спектакле не присутствовали, – с иронией сказал он.

– А вам все обо всех известно, гражданин начальник? – вскинула я брови.

– Почти. – Юровский в смятении поправил фуражку, которая и без того сидела ровно. – Имена непричастных к бунту заключенных указаны в докладной от капитана Аброскиной.

Я мысленно поздравила себя с тем, что впервые в жизни причислена к мирным и покладистым.

– Голод и переутомление – вот мои главные враги, – заявила я, из глупого упрямства не желая слыть послушной. – Если бы женщины бунтовали из-за размера пайки или нормативов, я бы обязательно присоединилась к ним, не сомневайтесь. И еще отсутствие личного пространства действует на нервы...

Полковник ничего не ответил. Наверняка он слышал жалобы от заключенных не один триллион раз. Нытье давно наскучило ему.

– Покайся, сынок! – вырос откуда ни возьмись тот самый беззубый старик. – Пока не поздно, покайся! Бог да смилуется над тобой, отпустит тебе страшные грехи против рода человеческого! Вырвись из дьявольских пут, встань на путь истинный, обратись к Господу, и воздастся тебе...

– Ты что, старый пень, с первого раза не понял?! – прорычал начальник конвоя лейтенант Плотников, схватив деда за шиворот. – Щас мы тебя поставим на путь истинный – исправительно-трудоустрой!

– Полегче, товарищ лейтенант, – попросил Юровский. – Сделайте скидку на возраст.

Старика опять куда-то повели. Он не сопротивлялся и преспокойно шел за солдатами, в дороге выкрикивая напутствия заключенным. Те отвечали ему, называя почтительно Василь Ивановичем.

– Вы уехали из двадцать пятого в октябре? – сменил полковник тему.

– Так точно.

– Всего месяц прошел... – Он замялся. – Слушайте, я догадываюсь, как тяжело заключенным даются переезды. И все-таки. Как вы отнесетесь к тому, чтобы снова уехать в другой лагпункт?

– Куда вы хотите меня отправить? – опешила я.

– В Ермаково, новый административный центр стройки. Скоро туда из Игарки переместится все наше управление. В Ермакове открыли три лагпункта, мы потихоньку заполняем их.

Юровский прочистил горло.

– Правда, вместе с базой вы смените и работу, – предупредил он.

– Ну что ж, – взвилась я, начав загибать пальцы, – лес я валила, гравий добывала, полотно отсыпала, снежные заносы разгребала. Валяйте, мне по плечу всякая мужская работа. Куда на этот раз? В путевую бригаду? На завод? Рельсы выпрямлять? Стройматериалы разгружать?

«Сейчас он прижучит тебя за дерзость, и поделом», – проворчал самый рассудительный внутренний голос.

Не прижучил, однако. Юровский приглушенно засмеялся, забавляясь моим острым языком. В груди от этого знакомого бархатистого смеха разлилось приятное тепло. Глаза полковника заглялись и засияли, ослепляя меня своей улыбкой.

– Нет, – выдавил он сквозь смех. – Я поступлю как настоящий мужчина и отправлю женщину на кухню.

– А если серьезно?

– Я серьезно. – Он справился с собой. – В Ермакове нужен помощник для поваров. Хотите место занять?

Помощник! Для поваров!.. У меня дрогнули коленки. Но восторг быстро испарился – я не задержусь на кухне и снова окажусь на общих.

– Я никогда не работала в столовых, – с искренним сожалением отказалась я. – Если вам надо перетравить народ моей стряпней, тогда да, сгожусь...

– Нет, будьте столь любезны, оставьте мне строителей живыми, – попросил начальник, и на его щеках заиграли ямочки. – Готовить вам не придется. Мы ищем судомойку, которая в свободную минуту будет исполнять мелкие поручения от поваров. Справитесь?

Я боялась, что он разыгрывает меня. Кухня! Это не мечта, нет... Это настолько недостижимо, что попросту не имело права быть мечтой. Особенно для женщины, которая только начала отбывать срок и числилась на общих. Кухня считалась одним из самых привилегированных мест в лагере, поскольку ее работники имели доступ к местному сокровищу – еде. Туда попадали либо профессиональные кулинары, либо по блату. Куда там аптекобазе, куда прачечной – до царицы-кухни!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.